

Повесть в рассказах
© Павел Шуф, 1989
Художник Алексей Сухарев
Ташкент. Издательство "Ёш гвардия", 1989

Хотите узнать, какая история приключилась с обладателем уникального чуба Васькой Кулаковым, ставшим в результате хитроумных ухищрений стотысячным посетителем парикмахерской? Или как курица по имени Блондинка потрясла своим редким даром всю школу и едва не попала на Выставку Достижений Народного Хозяйства? Как ребята помогли лейтенанту милиции Барханову разоблачить злоумышленников? Как был обнаружен таинственный лорд Бистузье? Тогда в добрый путь!

Вторая повесть трилогии «Записки Балтабаева-младшего»

ДЕЛО О СВЕТЛЯЧКАХ

В дверь отделения милиции робко постучали. Лейтенант Барханов с досадой оторвался от бумаги. Только сейчас он услышал, что на улице мягко шелестит дождь. У порога топтались бабушка Ханифа и ее шестилетний внук Рафаэлька. Рафаэлька растирал кулачком слезы, бабушка Ханифа разводила руками и шумно вздыхала. Лейтенант Барханов, не избалованный происшествиями в поселке, отложил ручку, водрузил на голову фуражку, лежавшую рядышком на столе, оценил обстановку и предложил вечерним посетителям сесть.

- Дело у нас... - сконфуженно залепетала бабушка Ханифа. - Не знаю, может, и прогоните нас...

Она кивнула на Рафаэльку.

- Внук меня сюда притащил... Нет, сначала он сам хотел пойти. Но как отпустить его одного? Почти ночь на дворе... Сами видите...

- А что случилось?

- Случилось... Пусть Рафаэлька рассказывает. Раз затеял в милицию бежать – пусть сам и рассказывает.

Рафаэлька сердито засопел и поднял на лейтенанта Барханова покрасневшие глаза. Лейтенант подошел, присел перед малышом на корточки и улыбнулся.

- Ты чего? Кто обидел? Заявление у тебя, что ли? Ну так выкладывай поскорее.

Опухшими, подрагивающими губами Рафаэлька обронил:

- Арестуйте ее... Пожалуйста!..

Лейтенант Барханов в изумлении перевел взгляд на бабушку Ханифу. Она, сообразив, что лейтенант Барханов может вдруг подумать, будто Рафаэлька требует арестовать именно ее, испуганно замахала руками:

- Нет-нет... Не меня... Мы ее привели... Она там, на улице.

- На улице? Выходит, товарищи заявители, вы привели с собой и ответчицу? Так пускай пойдет. Если еще не сбежала. Зачем зря мокнуть под дождем? Давайте разбираться.

- А ей можно войти? – обрадовался Рафаэлька.

- Отчего же нельзя? Зови. Посидим, потолкуем, во всем спокойно разберемся. Может, не все так страшно.

- Очень страшно! – запротестовал Рафаэлька. – Ее надо арестовать, она сегодня уже семерых убила! – и не давая опомниться ошеломленному милиционеру, который со дня заступления на свой ответственный пост не знал в нашем поселке преступления страшнее подозрительного пожара, поглотившего складик при магазине, и налета браконьеров на рыбу, жировавших в нашем озере, Рафаэлька вылетел за дверь и тотчас вновь появился в просторной комнате, держа в руках толстую узловатую веревку.

Лейтенант Барханов нервно барабанил пальцами по кобуре. Рафаэлька потянул веревку, обе створки двери раздались в стороны и в помещение милиции, вежливо переступая грязными копытами через высокий порожек, вошла ... коровенка.

Это была корова по кличке Киса – любимица бабушки Ханифы. Лейтенант Барханов не успел опомниться, как Киса оказалась в помещении целиком – от рогов до хвоста. Она косила на милиционера красноватым глазом, бока ее беззвучно разбегались и сдвигались.

- Видите, как она на вас смотрит, товарищ милиционер, - затараторил Рафаэлька. – Понимает, что виновата.

Лейтенант Барханов сел за стол, снял фуражку и вытер платком лоб. В школе милиции, которую он окончил с отличием, их не обучали обращению с криминальными коровами, и этот пробел предстояло сейчас восполнить самостоятельно. В первое мгновение, когда Киса еще только появилась в дверном проеме, ему захотелось замахать руками и выдворить рогатую посетительницу. Виданное ли дело – привести в отделение корову! Но с другой стороны, подкупала неподдельная искренность, с которой разгневанный Рафаэлька и смиренная бабушка Ханифа взывали к торжеству правосудия. Тяжело вздохнув, лейтенант Барханов приступил к исполнению своего долга, мельком и с горечью глянув на оставленный листочек.

На этом листочке лежало незавершенное стихотворение. Оно уже было почти живое – недоставало лишь двух последних строчек, чтобы оно проснулось. А пока стихотворение лежало словно под наркозом и ждало пробуждения.

Лейтенант Барханов сочинял стихи всю жизнь, еще со школы. Но об этом почти никто не знал. Даже в милицейскую стенгазету он помещал их под псевдонимом «Щит и Меч». Наверное, это был его девиз. Но мы-то знали, чьи стихи в стенгазете. Как не знать, если в нашем классе учится младший братишка лейтенанта – Стасик. Стасик к тому же командир отряда юных друзей милиции. Выходит, друг собственного брата. Вот такая у них теснота.

Только однажды лейтенант Барханов говорил с нами о стихах. Правда, не о своих. Случилось это после вечера в честь Дня работников милиции. Был концерт, ученики читали стихи, танцевали, пели. Домой мне и Серверу было по пути с лейтенантом Бархановым.

- А хорошо тот парнишка стихотворение огласил, - причмокнул вдруг лейтенант. – С чувством!

- Какое? – полюбопытствовал я.

- «Выхожу один я на дорогу...»

- Лермонтов! – со знанием дела вставил Сервер и добавил: - Марик читал.

Продолжил лейтенант Барханов неожиданно:

- Нравится мне оно, давно нравится, а вот почему – понять не могу. Спокойствием своим, быть может? Вы только подумайте, в чем смело сознается поэт: «Выхожу один я на дорогу...» Чувствуете? Дело-то ночью происходит. Либо он очень отважный человек, либо в тех местах, ну в районе той дороги, понимаете, процент преступности был низкий, и можно было смело гулять под звездами без охраны. А ведь в какие годы дело было. Небось, и разбойники еще бродили косяками.

Пожалуй, лейтенант Барханов был прав. Поручик Лермонтов был смелый человек. Это сейчас он мог бы совершенно спокойно гулять по нашему поселку. Но, по мнению лейтенанта, выходило, что пушкинская строка «Я помню чудное мгновенье...» лишь по досадному недоразумению получила прописку не в детективном стихотворении. Куда вернее могла бы она открывать собой рифмованный репортаж о чудном мгновении поимки и заключении под стражу крупной шайки головорезов – тех, кто могли бы через несколько лет помешать Лермонтову

бесстрашно, с уверенностью в завтрашнем дне, выйти ночью на дорогу совсем одному и думать о звездах, а не об угрозе со стороны преступного мира.

Со вздохом спрятав в ящик стола листочек с недописанным стихотворением – единственный предмет, нарушавший строгую гармонию кабинета, - лейтенант Барханов занялся беседой с заявителями.

-Что ты там наплел про два убийства? Давай-ка еще раз.

- Не наплел я! – с обидой закричал Рафаэлька. – Правда, убила. Бабушка подтвердит.

Он обернулся к бабушке Ханифе, и та послушно закивала:

- Верно внучек говорит, верно.

- Еще раз повтори – кто, говоришь, убийца?

- Вот она! – Рафаэлька упер указательный палец в коровий бок. Мохнатый бок, повинуюсь дыханию Кисы, нырнув внутрь, тотчас вернулся, осторожно отпихнув Рафаэлькин палец.

- Она светлячков раздавила... Насмерть... Семерых!

Барханов опустил голову, с трудом подавив улыбку. Так и есть – привели в отделение корову и издеваются над правосудием. Правда, не похоже, чтобы специально. И чтобы не расхохотаться, отвлечься, строго спросил:

- А где остались эти... Пострадавшие где?

Бабушка Ханифа махнула рукой, безмолвно тыча в стену отделения. Но стена была куда жестче, чем бок коровы, не дышала, стояла смирно. Похоже, бабушка потеряла дар речи. И не удивительно. Впервые в жизни она давала показания милиционеру. Рафаэлька нетерпеливо теребил рукав милицейского кителя. Жажда справедливости была в нем так велика, что он спешил ответить на любой вопрос.

- Семерых раздавила... - вскрикнул он. – Она из общего стада возвращалась. Сегодня тепло было очень. А тут дождик... Вот улитки и светлячки и поползли отовсюду на бетонные плиты. Они ведь любят после дождика выползти на бетонные плиты. Разве вы не замечали?

Лейтенант Барханов привык замечать все во вверенном ему поселке. И хотя, честно говоря, светлячки и улитки никогда не занимали в его мыслях серьезного места, сейчас он посчитал нужным бдитительно ответить:

- Что же дальше?

- А дальше вот... К вам корову привели... Наказать надо... Таких замечательных светлячков раздавила. Они же вечером ток давали... Они же очень живые были...

Лейтенант Барханов в замешательстве искоса глянул на бабушку Ханифу и сказал себе, что больше этого делать не будет. Бесполезно. Бабушка Ханифа, заметив, что лейтенант Барханов посмотрел на нее, начала судорожно махать руками и беззвучно открывать рот. При этом ее лицо выражало крайнюю степень взволнованности, помноженной на беспомощность. Сейчас она напоминала флюгер, установленный в центре тайфуна – металась на месте, не знала куда себя деть, но и улететь тоже не могла. Флюгер держал Рафаэлька, а причина тайфуна, корова Киса, переминалась с копыта на копыто. В отделении Кисе, похоже, все нравилось – здесь было красиво, тепло и сухо, не хуже, чем в сухом сарайчике у бабушки Ханифы. Здесь был даже телефон, но, откровенно говоря, Кису, не спешившую звонить подругам по стаду, куда больше, чем телефон, устроил бы сейчас просто клочок душистого сена. Да и звонить ей было некуда, с дойными подругами по стаду она вдоволь пообщалась днем. Это был ее первый привод в милицию, и легко предположить, что она не вполне осознавала – куда и за что ее доставили.

Лейтенант Барханов понимал, что идея привести сюда провинившуюся корову принадлежит, конечно, не бабушке Ханифе, а Рафаэльке. И в душе одобрял поведение бабушки Ханифы, которая сочла нужным уступить настоянию внука и позволила ему сдать властям свою провинившуюся любимицу, повинную в гибели светлячков.

Но тут бабушка Ханифа наконец-то, обрела дар речи. Теребя платок, укрывавший седые пряди, она взмолилась:

Товарищ милиционер! Вы уж скорее как-нибудь накажите Кису и отпустите нас поскорее. Она же еще не доена. Извелась ведь, бедняжка.

- Не доена?

Бабушка Ханифа кивнула:

- Никак не доена. Сразу повели к вам. Рафаэлька раскричался, расплакался, ну и... светлячков он пожалел. И правда ведь, жалко. Красиво светят.

Лейтенант Барханов вновь надел фуражку, придвинул чистый листочек, и едва заметно улыбнувшись, стал писать размашистыми буквами. Буквы торопились. Задние наваливались на тех, что забежали вперед, и уже сообща мчались за кончиком пера, преследуя его, как нарушителя.

Лейтенант Барханов писал:

«Дело о светлячках.

Корова Киса в результате утраты бдительности при возвращении домой из стада в условиях дождливой погоды и наступления сумерек допустила наезд копытами на семерых светлячков с летальным исходом. Корова Киса сурово приговаривается:

1. К отбытию заключения по месту постоянного жительства;

2. К даче молока в количестве до ведра

Приговор привести в исполнение немедленно»

На другом листочке лейтенант Барханов написал:

«Частное определение.

Отряду юных друзей милиции (командир Стасик Барханов) установить в дождливую погоду дежурство на пути следования стада в районе нахождения бетонных плит с целью недопущения пребывания светлячков на последних. Заместителем командира операции по обороне светлячков назначить Рафаэля Аскарова».

Подписав оба листочка, милиционер протянул их Рафаэльке:

- Второй отнесешь завтра в школу. Там написано – кому. Сам прочтешь или лучше мне?

- Сам, сам! – обрадовано закивала бабушка Ханифа. – Он и на микрокалькуляторе считать умеет.

Рафаэлька, беззвучно шевеля губами, пробежал глазами текст, засопел и, подойдя к корове Кисе совсем близко, громко огласил приговор. Киса слушала, прядая ушами, а дослушав – замычала.

- Что такое? – строго спросил лейтенант Барханов. – В каком смысле – «Му»?

Рафаэлька объяснил:

- Мучается она. стыдно ей.

- Больше ко мне вопросов нет? – спросил лейтенант Барханов, приподнялся и откозырял: - Не смею задерживать!

Рафаэлька спрятал листочки в кармашек и вместе с бабушкой Ханифой ступил за порог. Веревка туго натянулась, но Киса неуверенно топталась, явно не торопясь к месту отбытия наказания.

— Пройдемте, Киса! — серьезно предложил корове лейтенант Барханов и, чтобы прибавить ответчице уверенности и прыти, схватил ее за рог, развернул к двери и подтолкнул. Киса сообразила, что ее вновь выдворяют под дождик, и нехотя повиновалась туго натянутой веревке.

Вышел и лейтенант Барханов. Яркая лампочка без колпака над дверью отделения милиции пекла у порога большущий блин света. Но дальше этого круга было темно.

— Провожу вас немного, — вызвался лейтенант Барханов. — Отличный сегодня воздух, диетический!

Но едва ступили в темень, как под сапогом лейтенанта Барханова раздался зловещий скрежет.

— Светлячок! — горестно воскликнул Рафаэлька. — Вы же раздавили светлячка... Или улитку... Это

панцирь треснул. Ой, что же вы наделали...

Милиционер наклонился, пошарил в том месте, куда только что так предательски ступил его левый сапог, нащупал что-то и, не скрывая радости, воскликнул:

— Это не улитка! Это была половинка от теннисного шарика.

Наверное, ни одно его стихотворение не доставляло еще лейтенанту Барханову столько счастья, как это бесформенное целлулоидное крошево.

— Погодите! — остановил он путников. — Я так идти не могу. Я сейчас... — Он торопливо вернулся в отделение и тут же появился вновь. На его плече сейчас висела на толстом ремне

пластмассовая коробка, а в руках был фонарь. Он повернул на коробке рычажок, и фонарь брызнул ослепительным светом, разоблачая темноту. Лейтенант Барханов шел первым, освещая путь. Рафаэлька, доверив веревку бабушке Ханифе, ступал за милиционером. Зоркий глаз силача-фонаря выхватывал улиток и светлячков, беспечно выползших на плиты. Рафаэлька и лейтенант Барханов осторожно отрывали их от плит. Улиток относили в сторонку, на грунт, а светлячков лейтенант Барханов бережно складывал в кобуру, переложив для этого пистолет в карман. Бабушка Ханифа и корова Киса спокойно ступали по безопасному фарватеру. Рафаэлька и лейтенант Барханов действовали как саперы. Киса тревожно и нетерпеливо мычала.

В прозрачной и бездонной выси моргали светляки звезд, бесшабашно бредущих по Млечному Пути Планета Земля, полыхая в темных космических закоулках и тупиках, стремглав брела своей извечной дорогой. Вместе с Землей ползла и сама ее Дорога— сорокамиллиардоножка. Светляк Солнца напоминал о себе теплом, сгущенным за день в бетонных плитах, по которым неторопливо шли сейчас спасители светлячков и улиток. И где бы они ни ступали — раньше здесь проползал, пробегал, проплывал солнечный лучик, оставивший след теплом, травинкой, птичьим щебетом.

Проводив заявителей и ответчицу до дома, милиционер откозырял и еще раз напомнил Рафаэльке:

— Не забудь отдать Стасику частное определение. Пусть завтра же приступит к исполнению.

И добавил:

— Непорядок, действительно беспорядок! Упустили...

Утром Рафаэлька вновь постучал в дверь лейтенанта Барханова, внес литровую банку молока и поставил ее на стол перед милиционером. Банка дымилась.

— Бабушка и Киса прислали, — объяснил Рафаэлька.— Приговор приведен в исполнение! Сейчас отнесу Стасику второй листочек, у них скоро первая перемена. Я придумал! Пусть они в опасных местах специальные знаки установят, а на них улиток нарисуют. Все тогда поймут, что надо под ноги смотреть.

— И под копыта!— подсказал лейтенант Барханов.

— Так я пойду, ладно?

— Иди, милый,— заулыбался лейтенант Барханов и, отхлебнув молочка, зажмурился: — Парное! Аж светится!

На столе дремало дописанное стихотворение, а на самом листе бесцветно спали две дюжины светлячков. Лейтенант Барханов вытряс их сюда из кобуры и дописывал стихотворение при живом удивительном свете. Сейчас, под солнечным ливнем, наотмашь бьющим из окна и гарцующим на зеркально чистом стекле на столе лейтенанта Барханова, светлячки, конечно, угасли и уже не казались такими загадочными и прекрасными, какими были ночью. Но уж ночью-то живых батареек на две последние строчки, наверное, хватило с лихвой.

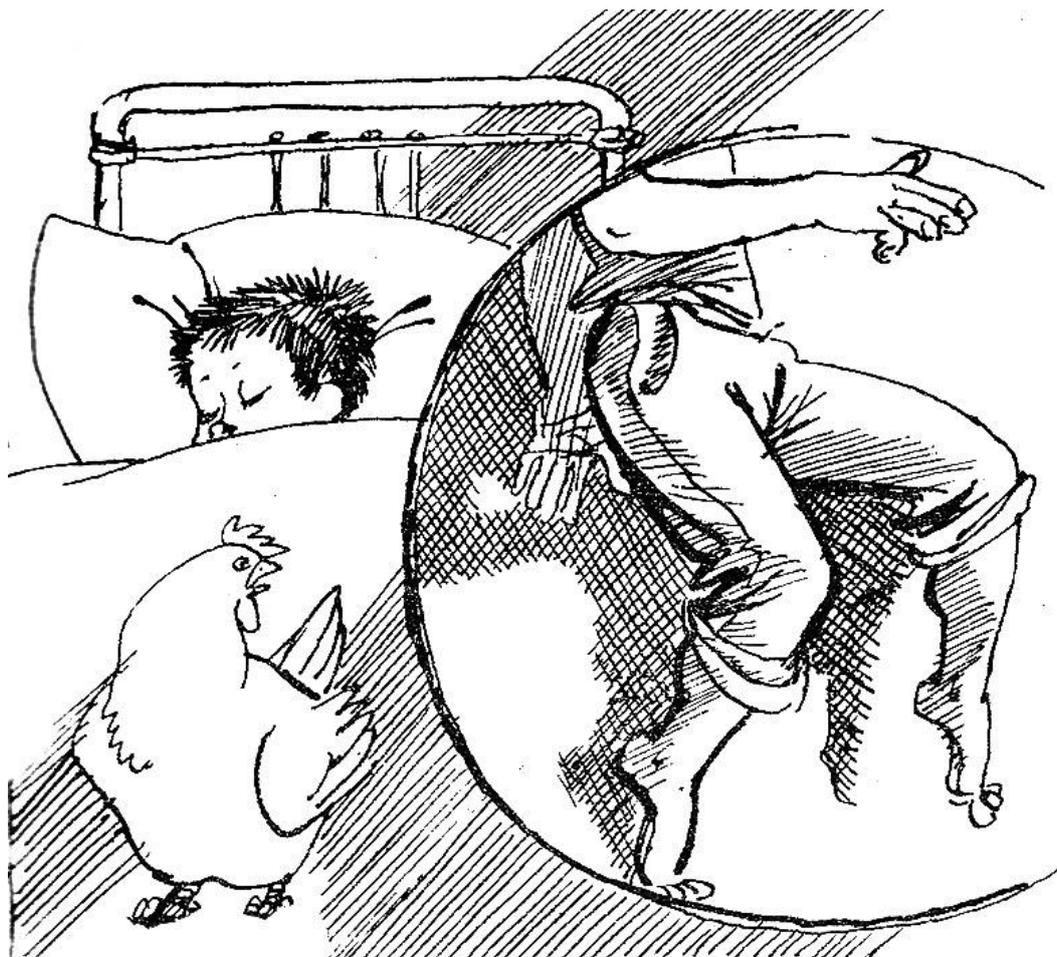
Лейтенант Барханов не дал Рафаэльке прочитать это стихотворение. Он вообще неохотно показывал стихи. Вдобавок это была не служебная лирика для стенгазеты «Всегда на посту», а очень личное стихотворное послание неизвестному Рафаэльке адресату поэта «Щит и Меч».

Впрочем, об этом можно было и догадаться. Ясно ведь, что даже милиционеры не пишут по ночам для стенгазеты стихи при свете светлячков, расставленных по листу как постовые.

Зато в очередной милицейской стенгазете поэт «Щит и Меч» поместил свое новое стихотворение. Заканчивалось оно так;

Выхожу один я на дорогу —
Из окна позвал меня сверчок.
Кобура пуста, но нет тревоги,
Выходи, не бойся, светлячок!

ЗАГОВОР ПРОТИВ БЛОНДИНКИ

Три великие радости у бабушки Ханифы: внук Рафаэлька, корова Киса и удивительная курица по имени Блондинка. Юркую Блондинку можно спутать с солнечным зайчиком. Правда, у зайчиков не бывает гребешков и клюва... Внук у бабушки Ханифы один и корова одна, а кур — с десяток. Ведь ясно, что одну курицу держать во дворе — только соседей смешить. Но Блондинка — не рядовая курица, а, можно сказать, действительный член семьи. Остальные куры хозяйничают только во дворе, а умница Блондинка и в дом вхожа. Точнее на веранду. Рафаэлька — ее закадычный друг. Блондинка будит его по утрам, Кукарекать она, правда, не научилась. Да и к чему? Только неразумные горлопаны-петухи, взбодрившись на насесте, будят хозяев так зычно, что заодно просыпается вся округа.

Блондинка — курица интеллигентная. Видя, что ее дружок, как обычно, разоспался, она ранехонько взлетает на подоконник веранды, где приторно-сладко спит Рафаэлька, спрыгивает на одеяло и, понежившись в мягких складках, роняет в них горячее яичко — я тебе завтрак принесла.

Так что Блондинка куда ценнее любого солнечного зайчика, хотя он тоже слепит глаза точно по будильнику. Зато ни один солнечный зайчик не способен снести для хозяина даже тощенькое яичко, а Блондинка делает это с удовольствием и даже с доставкой на дом.

Рафаэлька улыбается во сне. Он давно привык к таким побудкам, и одного прикосновения закадычного клюва достаточно, чтобы Блондинка тотчас приснилась ему за миг до пробуждения.

Сон отрепетирован, как концерт на школьной сцене. Каждый раз снится ему одно и то же. Блондинка квохчет Рафаэльке:

— Осторожно, яичко не разбей. Кушай на здоровье.

Рафаэльке шесть лет. Скоро он пойдет в школу. А пока живет у бабули. Родители Рафаэльки — в длительной командировке. Они работают на консервном заводе, но только завод этот

необычный,— он в море плавает. А с ним пустые консервные банки плывут рыбу ловить. Хлеб за брюхом не ходит.

У Рафаэльки три шефа. Кроме бабушки Ханифы и курицы Блондинки, еще и Замирка Артыкова из нашего отряда. Замира — тимуровец. Мы прикрепили ее к бабушке Ханифе, поэтому и о Рафаэльке знаем все. Он у нас как бы сын отряда. Рафаэлька уже умеет читать, знает наизусть полсотни стихов. Когда Замира в последний раз отчитывалась о тимуровской работе, она привела на заседание совета отряда Рафаэльку. А когда дошла в своем отчете до раздела «Моя забота о внуке бабушки Ханифы», просто-напросто «включила» Рафаэльку, как включают магнитофон. Рафаэлька оказался парнем смелым и, не заставляя себя долго уговаривать, сыпнул стихами в таком изобилии, что мы рты пораскрывали. У нас хватило терпения выслушать до конца всю «запись». Словом, и мы, и Блондинка вполне можем гордиться нашим подопечным.

Рафаэльке, которому курица Блондинка царственно подавала по утрам яйцо в постель, мог бы позавидовать даже «Аэрофлот», явно не поднявшийся в уровне кулинарного обслуживания пассажиров до высот, взятых Блондинкой.

И только Васька Кулаков высмеял наши восторги по поводу Блондинки, заявив, что не верит ни единому слову о курице-официантке, да и вообще сомневается в существовании самой Блондинки.

— Не надо завидовать! — обиделась за Блондинку Замира, подозревая, что Васька просто хочет злодейски сорвать ее гладкий отчет о шефстве.— Если хочешь, пойдем к бабушке Ханифе — сам увидишь Блондинку.

— Ты бы еще и курицу сюда принесла!— хохотнул Васька.— Что ж ты одного Рафаэльку привела, заодно бы и курицу...

Заморгал Рафаэлька, поняв, что обижают его белоснежную любимицу.

— Хотите, сбегая и принесу,— вызвался он и уже дернулся к двери.

— Не пойдет!— остановил его Васька.— Ну, принесешь ты сюда курицу — что с того? Почему я знаю, что она гениальная? На лбу у нее не написано, что она курица особого назначения. У нее и лба-то, наверное, нет. Эдак я тоже могу сюда своего пса привести и утверждать, что он ужасно гениальный — ночью наизусть лает ворах статьи из Уголовного кодекса. Что, тоже поверите?

— Чего же ты хочешь?— не выдержал я.— Может, тебе еще и видеозапись подавай с Блондинкой в главной роли?

— Нет чистоты эк-спе-ри-мента!— отчеканил Васька, повторив давно известную нам любимую фразу нашего учителя, биолога-ботаника. Последнее слово он с натугой снес по слогам — на все слово целиком у Васьки явно не хватало дыхания.

Тогда я придумал, как осадить Ваську:

— Сядь утром с биноклем на соседнюю крышу и все отлично увидишь.

— Нет у меня бинокля,— отмахнулся Васька.

— Свой дам.

— А зачем на крышу?

— Чтоб курицу не спугнуть. — И добавил: — Для чистоты эксперимента.

Васька не поленился и встретил рассвет на крыше, ни на миг не сводя бинокля с Блондинки, которая и на этот раз, верная долгу, не изменила расписанию. Перед началом уроков Васька вернул бинокль, кривя губы:

— Пад-думаешь, яйцо снесла. У всех куры яйца несут и никто не хвастается. Вот если бы она помидор снесла...

— Но ты же не верил, что...

Васька упорствовал и не спешил признать поражение:

— Да я и сам могу любую курицу так выдрессировать, что она не то, что в постель — в школу яйцо будет приносить, на большую перемену.

— Скажи еще — сразу вареное и посоленное,— усмехнулся я.

Чудеса начались на третий день после прослушивания Рафаэльки на совете отряда. Он сам прибежал к нам и, не дожидаясь звонка на перемену, приоткрыл дверь. Мы знаками показали ему — подожди, мол, сам видишь — урок идет.

На лице Рафаэльки цвело и благоухало ликование. Ни слова не говоря, он разом полез в оба кармана курточки и из каждого достал по яйцу.

— Вот! Сразу два снесла!

Воцарилась тишина. Первой опомнилась Замирка.

— Кто... снесла?..— испуганно спросила она.

— Блондинка!— обрадованно залопотал Рафаэлька.— Я их сегодня на одеяле нашел.

Он отыскал взглядом Ваську Кулакова и закричал:

— Дядя, а вы не верили!

Это он Ваську Кулакова дядей назвал.

Дядя Вася пробился сквозь кольцо ребят, окруживших Рафаэльку, и взял из его рук яйца.

— Действительно два, — уронил он, переводя взгляд с яйца на яйцо и как бы стараясь убедить себя, что в глазах не двоится.— Может, и правда, гениальная курица?

Если учесть, что совсем недавно Васька и вовсе не верил в наличие у Блондинки каких-либо способностей, то сейчас перемена в нем была особенно заметна.

— Может, это у нее случайно получилось?— предположил Васька.

— Это как?— покосилась на него Замирка.

— Очень просто. Снесла одно, а потом забыла, что дело сделано, и снова пришла отработать смену. Куриная память коротка.

Я не выдержал и возразил:

— Это все равно, что ты после уроков второй раз в школу придешь. Фантастика! И не клевети на Блондинку, будто у нее склероз. Она еще молодая.

Все ясно. Васька оставался самим собой. Ему и сейчас хотелось любой ценой бросить тень на скромную работягу Блондинку и хоть чуточку принизить планку ее достижений. Но факт требовал объяснения. И мы решили потревожить нашего биолога-ботаника Александра Григорьевича.

Мы нашли его в школьной теплице. Выслушав наш радостно-сбивчивый рассказ о Блондинке и глянув на доставленные Рафаэлькой вещественные доказательства, Александр Григорьевич вздохнул и вымолвил:

— Не верю.

Рафаэлька разрыдался. Бедный мальчуган. Уже второй человек отказывался верить в талант Блондинки.

Тут Рафаэлька потянул Ваську Кулакова за рукав:

— Дядь Вась, вы сами расскажите...

— Что рассказать?

— Как с биноклем сидели. На крыше.

— Ну, сидели. Что с того...

— Видели ведь, как все было?

— Ну, видел. Ходила по тебе, спящему, эта курица, видел.

Рафаэлька просиял и воскликнул, обратив взгляд к Александру Григорьевичу:

— Вот видите! А если все равно не верите — тоже можете на крыше с биноклем посидеть.

Мы рассмеялись.

Но учителю было не до смеха.

— Да пойми же ты, несмышлениш!- с жаром доказывал он.— Курица не приносит за день два яйца. На собаке не растут помидоры. Яблоня не ходит на базар. Ясно тебе? И вечного двигателя не бывает. Это же элементарно.

Рафаэлька обиженно надул губы. Потом круто повернулся и припустил со школьного двора.

Зато наутро на первой же перемене он появился вновь. На этот раз в глазах его полыхало не ликование, а испуг.

— Случилось что-нибудь?— любопытствовал я.

— Случилось...— тяжело уронил Рафаэлька, и я, подозревая худшее, осторожно спросил:

— Блондинка пропала?

Рафаэлька покачал головой и достал из кармана яйца:

— Опять два...

Вот это было уже слишком! Два дня подряд по два? Ничего себе результативность!

На этот раз на Александра Григорьевича мы обрушились уже в учительской.

— Не верю!— уныло повторил он.— Вот вы физика спросите — бывает ли в принципе вечный двигатель? А это одно и то же.

Мы были в отчаянии. Наверное, никогда в истории бескорыстные рыцари науки не испытывали таких мук. Шутка сказать — Александр Григорьевич с порога отметал голые, как скорлупа, факты. А его сравнение бескорыстного усердия Блондинки с легендой о вечном двигателе просто убивало.

Уже не надеясь, что удастся склонить учителя если не к вере, то хотя бы к сомнению, Замира Артыкова пролепетала:

— А может, Блондинка не как все. Может, это курица этого... как его... нового поколения. Как компьютер... Может, это курица двадцать первого века... Может, она способна совершить революцию в сельском хозяйстве? А мы ее проспим, а?

От ее бесконечных «может» вполне могла закружиться голова.

Но Замирка с такой мольбой посмотрела на биолога, что он сжалился и вздохнул:

— Понимаю... Таинственный случай... Но поймите — нет чистоты эксперимента!

Это была почти победа. Биолог, похоже, колебался. Значит, для полного триумфа рафаэлькиной Блондинки оставался удачный эксперимент. Учитель был прав, требуя эксперимента. Разве нельзя было, к примеру, допустить, что умница-Блондинка заразила своим благородным примером одну из подруг по яичному цеху—и та тоже начала послушно плыть по проложенному Блондинкой фарватеру и тем самым ловко мистифицирует всех нас сенсационной и мнимой урожайностью Блондинки.

Бороться за чистоту эксперимента вызвались все, однако решено было допустить лишь тех, у кого имеются бинокли, хоть театральные. Но и таких оказалась почти дюжина.

Мы условились, что встретимся на рассвете у ворот бабушки Ханифы. Рафаэльке было поручено спать как обычно, чтобы эксперимент был чище вымыслов барона Мюнхгаузена.

Собравшись, мы полезли на крышу соседской кладовки, принадлежавшей бабке Наталье. Только отсюда удобно было наблюдать за верандой, где спал Рафаэлька. Именно отсюда уже следил за ней Васька Кулаков.

Начинало светать. Самое время объявиться Блондинке — курице второго поколения. Девять биноклей были нацелены на веранду. Еще двое не торопились лезть на крышу, ожидая, когда подоспеют решающие события и не желая разминиваться на детали.

— Смотрите!..— выдохнула Замирка.— Идет...

— Где она, где?..

— Да вон же — крадется к веранде. Ух ты! Все точно! Ну курица! Эх, надо было уговорить и Александра Григорьевича...

Заслышав эти слова, полезли на крышу и двое, что ждали внизу — Андрей Никитенко и толстяк Мубар Ахмедов. Первым ступил на крышу Андрей. А вот когда к нам захотел присоединиться и Мубар, что-то под нашими ногами подозрительно всхлипнуло, хрустнуло, загудело, затрещало, задрожало, закачалось... И вдруг соломенная крыша, обмазанная глиной, ушла из-под наших ног, и мы, объятые ужасом, полетели в сарайчик. Слава бабке Наталье! В сарайчике она держала сено для коровы. В него мы и угодили, радуясь тому, что не напоролась на рога или вилы. Отделались легким испугом. Зато крыша отделалась... дырой. Выскользнув из сарайчика, мы устали на Мубара с нескрываемым негодованием.

— Из-за тебя провалились!..— всхлипнула Замирка.

— Почему из-за меня?— злился Мубар.

— А ты самый жирный.

— А у тебя бинокль самый тяжелый!— нашелся Мубар.

Ясно было одно — эксперимент трещит по швам. Ни одной подходящей крыши рядышком больше не было. К тому же, того и гляди на шум выйдет бабка Наталья, и тогда нам будет не до эксперимента. Еще хуже, если шум разбудил и Рафаэльку. Это тоже мешало чистоте эксперимента. Ведь Рафаэлька должен честно спать, чтобы Блондинка была вне подозрений. Все рушилось вслед за крышей... И только светлая голова Сервера Мамбетова в этой ситуации сработала как микрокалькулятор.

— Побежали в Дом пионеров! — предложил он и, не дожидаясь расспросов, молниеносно объяснил:

— Там же телескоп... Вот мы и...

Идея была поразительно гениальной. Сейчас нам мог помочь только телескоп пионерского планетария. Уж если он солнечные пятна видит, будто это клякса на промокашке, да кратеры на Луне, то уж Блондинку, хоть на ней и пятнышек нет, наверняка разглядит, да еще и увеличит до размеров коровы.

Не знаю как насчет Блондинки, а вот светлая голова Сервера явно была головой следующего поколения. Опытным образцом...

Нельзя было медлить; ведь Блондинка уверенно семенила к веранде.

Минут через пять мы сгрудились у телескопа и завертели рукоятками.

Телескоп нехотя оторвал линзы от Луны и уставился в сторону двора бабушки Ханифы. Сервер прильнул к окуляру и, силясь разглядеть что-либо в мутном, неохотно светящем утре, с сомнением процедил:

— Что-то не вижу никакой Блондинки...

— Дай-ка посмотреть,— я припал к окуляру и, вглядевшись, отпрянул:

— Какая тебе Блондинка! Это же бабка Наталья.

Впрочем, всей бабки Натальи я не видел, а только разъяренное ее лицо — оно заполняло все. Овраги морщинок бороздили это огнедышащее лицо.

Бабка Наталья металась. Заслышав подозрительное беспокойство во двореке, она едва не застигла нас, мы успели улизнуть, и теперь она причитала по обвалившейся крыше, беззвучно раскрывая рот.

Но надо было искать Блондинку.

«Чуть дальше надо взять» — сказал я сам себе, малость передвинул ствол и сразу же напоролся на чьи-то огромные ноги. Теперь оставалось легонько подняться вверх по туловищу и...

— Рафаэлька!— воскликнул я.— Это же Рафаэлька!

— Спит?— осведомилась Замирка.

— Глазами хлопает. Ну и глаза! По-моему, он сходит с ума... Что-то там случилось...

— Дай поглядеть.

Я уступил Замирке место, и она принялась разглядывать Рафаэльку, потом перевела телескоп пониже и в страхе отпрянула от телескопа.

— Что с тобой?— Сервера явно позабавил испуг Замирки. Испуг был не искусственным, а вполне из натурального сырья.

— П-пог-лядите... — пролепетала Артыкова. — Чудеса какие! Мамочка!..

Мы по очереди заглянули в телескоп. На рафаэлькином одеяле, окруженные барханами складок, покоились три гигантских валуна овальной формы.

— Это же куриные яйца!— охнула Замирка. — Неужели Блондинка сегодня три снесла? Ой, что будет... Александру Григорьевичу даже сказать страшно.

— Еще бы!— кивнул я, смущенный новостью не меньше Замирки,— За такие антинаучные сказки и из школы могут попросить. В лучшем случае — двойку в аттестат.

Все это произошло, когда я разглядывал лицо бабки Натальи...

Жаль все-таки, что наш телескоп не оборудован фотоаппаратом. Как теперь докажешь учителю чистоту эксперимента? Опять ведь не поверит.

Блондинка становилась все большей загадкой. Правда, мы опять не могли быть уверенными, что в те минуты, когда мы мчались к телескопу, а потом возились с телескопом, к Блондинке не присоединились еще две подруги. Вероятность такого заговора была близка к нулю, но исключать ее все равно было нельзя. Этого требовала Кристальная Чистота Эксперимента. Если же Блондинка все-таки справилась с таким потрясающим делом в одиночку, то ей пора заказывать бронзовый бюст, приглашать на пресс-конференцию и с почетом назначить ректором Международного института повышения квалификации кур. Блондинка грозила революцией в биологии, в сельском хозяйстве, а также в научных воззрениях Александра Григорьевича.

Блондинка тянула на памятник. А что? Существуют же памятники собакам, гусям и даже легендарному ослу Ходжи Насриддина. А Блондинка — никакая не легендарная, не придуманная, она ведь наша, можно сказать, современница. Мы еще и гордиться будем, что жили с ней рядом и были ее земляками. Вот ведь как!..

Нас распирала восторг и тревога, ликование и смятение. А главное — желание поскорее объявить всему человечеству о явлении миру Блондинки.

Мы помчались к Рафаэльке, и скоро каждый из нас уже не через телескоп любовался мировым рекордом Блондинки.

— Я знаю, что надо делать! — с жаром выпалил Сервер.— Давайте отвезем Блондинку на ВДНХ! Для такой курицы отдельный павильон построить не жалко. Может, с нее там и начнут собирать всех гениальных животных? Идея?!

И вновь Мамбетов был прав. Мы, конечно, гордимся Блондинкой, и расставаться с ней жалко. Но имеем ли мы право держать у себя в поселке сокровище, которое принадлежит всем. Всему прогрессивному человечеству! Ведь даже найденные в земле клады нужно обязательно сдавать государству. А Блондинка — настоящий клад, только не древний, а современный.

Но нас смущало одно. А вдруг на ВДНХ Блондинка закапризничает и откажется нести яйца по две-три штуки за сеанс? А вдруг запротестует и потребует: подавайте мне Рафаэльку, я кормлю именно его, а никакое не ВДНХ? Ведь вполне может статься, что Блондинка откажется работать в непривычных условиях и уронит производительность до нуля, перестав давать продукцию? Это же позор!

Выход был один — во имя чистоты эксперимента в условиях ВДНХ везти с собой и Рафаэльку — вместе с раскладушкой и постелью. А главное — не забыть его одеяло, ведь Блондинка именно его складки облюбовала. Может, у нее именно на это одеяло условный рефлекс срабатывает... Эх, Рафаэлька! Он даже не подозревает, что его ждет мировая слава. Правда, вполне может статься, что ему придется потом пожертвовать и одеялом. Сам Рафаэлька навечно выставке не нужен. Специалисты, если надо, его сфотографируют и сделают надувной манекен — и тогда Блондинка его от всамделишного Рафаэльки не отличит. А вот одеяло должно быть неподдельным. Вот почему мы твердо решили, что повезем на выставку и одеяло. В первоисточнике. Назавтра была суббота. Вот и отлично! Оставалось определить, кто повезет Рафаэльку и Блондинку в Ташкент — с научной ночевкой и возвращением в воскресенье. Все выходило на редкость удачно. Ведь в другой день никому уехать бы не удалось — учеба. Мы решили, что с Рафаэлькой поедут Сервер Мамбетов и Андрей Никитенко — пусть наш фотограф Андрей сделает снимки — документы. Интересно, что скажет Александр Григорьевич, когда ребята привезут с ВДНХ справку авторитетных специалистов?! Уж с ней-то он не отошлет нас вновь на крышу бабки Натальи.

Кстати, нужно было срочно заняться раненой крышей и сегодня же залатать прореху. Пойдет дождь, зальет сено...

... Время сгорало как бумага. Пора торопиться в школу. И когда мы уже расходились, Сервер предупредил:

— Давайте пока никому не говорить о нашем уговоре везти Блондинку на ВДНХ. Пусть это будет нашей тайной. Государственной...

Можно было подумать, что, прознав о чудесной курице, международные террористы захватят рейсовый автобус, которым наши депутаты последуют на выставку, и потребуют выдать им Блондинку живой или... Нет-нет, в любом случае только живой!

И все-таки мы согласились с Сервером.

Бабушка Ханифа повздыхала, но согласилась, что Блондинкой надо украсить выставку. Молодец бабушка Ханифа, что не покупились, что оказалась сознательным представителем прогрессивного человечества.

После уроков починили крышу, застелив дыру связками соломы и обмазав ее глиной. До отъезда на выставку оставался целый день.

Но главное — оставалось еще одно утро! Еще один эксперимент. Правда, на крышу сарайчика бабки Натальи надеяться больше не приходилось. Но зато у нас был телескоп! Ведь если все

приготовить заранее и как следует навести глазище телескопа на веранду, можно даже биолога-ботаника пригласить: успех гарантирован!

К нашему удивлению, Александр Григорьевич сразу согласился прийти утречком к планетарию. Видать, его не на шутку озадачила наша подозрительно упрямая вера в гениальность Блондинки. Мы тщательно нацелили телескоп на то место, где Блондинка совершала свои чудеса, и посменно наблюдали за объектом. Здесь появление Блондинки посчастливилось засечь Замирке.

— Пришла!..— восторженно взвизгнула она, прилипла к окуляру и повела репортаж.— Села, голубушка!.. Ой, что сейчас будет!..

— Дай-ка, дай-ка,— заволновался Александр Григорьевич и сменил Замирку. Вдруг он нервно сжал руками ствол телескопа и зашептал:

— Так-так... Встает ваша курица... Встала... Ну-ка.... Вижу, одно яйцо есть... Ага, она уходит... Ой, что это? Чьи-то руки!.. Эй, да это же... Ха-ха!

И тут он схватился за живот и густо захохотал. Я прильнул к окуляру и не поверил своим глазам. На рафаэлькином одеяле покоилась решетка величиной с футбольное поле с тридцатью яйцами. Что за мистика? Тут что-то не так.

Я решительно повел бинокль влево, к калитке, и метко поймал залитое счастьем лицо... Васьки Кулакова.

— Вот он! — зло сказал я.

— Кто?— упавшим голосом спросила Замирка.

— Он, он, кто же еще у нас способен на такое.

— Ну и кто же там? — полюбопытствовал Александр Григорьевич.

В это мгновение он, конечно же, ликовал. Наш позорный провал одновременно означал торжество здравого разума и незыблемость науки. Курица второго поколения на глазах становилась мифом. Можно было поверить в два и даже три яйца. Но поверить в тридцать, да еще вместе с решеткой, мы никогда не смогли бы и сами, даже если бы не узнали, что нашими «открытиями» дирижировал Васька Кулаков.

Мы подавленно молчали. Александр Григорьевич вздохнул и не стал подшучивать над нами, понимая, что нам и без того ужасно плохо. Он вновь вздохнул и, воздымая палец, провозгласил:

— Чистота эксперимента, друзья, великая сила!

Уже сходя с лестницы и видя наши понурые лица, учитель добавил:

— А я все-таки вас поздравляю. Отрицательный результат — тоже результат. Опыт завершен, результат налицо... М-да... Советую поспешить, не опоздали бы на урок.

Мы побрели к Рафаэльке. Малыш еще спал. Я осторожно снял с одеяла решетку, чтобы спрятать ее от Рафаэльки. Довольно и нашего разочарования.

У Рафаэльки дрогнули ресницы, он заулыбался во сне — видать, все еще беседовал с Блондинкой. Наконец он разлепил глаза и увидел нас.

— Что? Надо собираться? Уже едем в Ташкент?

— Погоди, Рафаэлька,— остановил я его.— Где вчерашние три яйца?

— В тумбочке, вот.

— Дай их сюда.

Ребята с любопытством смотрели на меня, все еще не понимая, что я задумал. Я знал, что во дворе Васьки Кулакова кур нет. А коли так, то, если и прежде яйца подбрасывал он, они могли быть только из магазина. А значит...

Я внимательно осмотрел скорлупу. Так и есть! Вот она — буква «Д». Тщательно стертая, она все-таки проглядывала на скорлупе.

Диетические! Из магазина! Васька!.. Ну и циркач! Он провел нас как цыплят. Всех... всех, кроме Александра Григорьевича, кроме биологии и сельского хозяйства.

Но что с ним теперь делать? Что?..

Что сказать Рафаэльке? Что?..

Малышу нет пока дела до чистоты эксперимента и его не утешит отрицательный результат. Он верит в свою волшебную Блондинку, и эту веру нельзя расколоть как яйцо. Может, в наказание заставить Ваську продолжать каждый день подкладывать Блондинке по яйцу, и тогда Рафаэлька еще долго не перестанет быть счастливым? А что? Вынесем решение совета отряда, а если надо

— и дружины, вот и придется Ваське выполнять поручение. Идея! Пускай теперь скалит зубы и дальше. Но уже над собой... Пока Рафаэлька не вырастет.

Пока малыш с горечью не поймет и сам, что два яйца в день курица снести, увы, не может. И что в телескоп легче разглядеть Луну, чем друзей и себя...

КРУГЛЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Если бы Мумин Ахмедович не шутил, а сразу толком все объяснил история, эта хотя бы не началась так ужасно. А может, ее и вовсе не было бы.

Что стоило ему открыть нам — какой новичок появится в классе наутро? А он только сощурился и сказал:

— Завтра вас ждет сюрприз. Надеюсь, не станете обижать новичка?

— Придет новый ученик? — воскликнула Стелла, председатель совета отряда. — Вот здорово! Теперь нас будет ровно тридцать. Ровно-ровно!

Стелла больше всего любит круглые цифры.

Представляю ее восторг, если бы директор школы объявил, что к нам спешно перебрасывают не одного, а целых одиннадцать новичков. А лучше сразу семьдесят одного.

Впрочем, тогда пришлось бы ставить парты в три этажа.

Я давно заметил, что Стелла на удивление влюблена во все круглое и ровное. Особенно в свои отчеты на заседаниях совета дружины. По ним выходит, что наши отрядные тимуровцы так хороши, что им нет подобных во всем поселке, а наши двоечники столь совестливы и трудолюбивы, что всегда полны готовности ровно через неделю после очередной крутой проработки стать образцовыми отличниками, минуя мучительную стадию пребывания в

хорошистах. Прямо-таки отличные двоечники!.. Я уверен: Стелла втайне считает, что идеальный треугольник должен быть круглым, а идеальный круг — ровной линией...

Но я малость отвлекся.

Мумин Ахмедович в ответ на восторги Стеллы хитровато улыбнулся и подтвердил:

— Верно, новичок тоже ученик. В известном смысле... Думаю, вы подружитесь.

— А как его звать?— пробасил Васька Кулаков.

— Я же сказал — сюрприз. Новичок сам о себе расскажет. У вас завтра первый — литература? Вот и отлично...

Но утро началось с другого сюрприза: не пришла литераторша. Светлана Андреевна обычно являлась за минуту до звонка на урок.

Васька Кулаков, выглянув в коридор, юркнул обратно с заговорщицким видом и притворил за собой дверь.

— Идет! — шепнул он. — Новичок идет!— и вдруг метнулся к шкафу, где у нас хранится нехитрое хозяйство дежурных — веник, швабра, тряпки. Мы и опомниться не успели, как он водрузил пушистый букет веника на дверной косяк. Теперь стоило новичку толкнуть дверь — и веник непременно рухнул бы на него.

— Сейчас мы его поздравим! — довольно хихикая, Кулак метнулся к своей парте. — Будет знать, как опаздывать на первый урок.

Ничего нельзя было сделать — так неожиданно и быстро успел Васька все устроить. Дверь скрипнула, веник подчинился суровым законам физики... Предчувствуя потеху, хохотнул Васька.

Странный он все-таки человек. Чужое огорчение в него вливается радостью. Это как знак минус перед скобкой. Раскрой скобки с плюсовым в них результатом, а на положительные скобки эти заранее наточи свирепый минус — вот и получишь отрицательный результат. Васька как раз и есть большущий мастер минусы перед любыми скобками ставить. Плохо только, что не всегда в тетради по математике... Вот и сейчас поставил он этот минус перед новичком. Сам придумал, сам поставил. А получается, будто от всего класса.

Веник рухнул на левый ботинок вошедшего. Новичок невозмутимо нагнулся, поднял веник, пылливо разглядел его и одобрительно кивнул:

— Хороший веник. И вполне спелый... Он что же — на двери у вас рос? Замечательно... Кстати, случайно не продается?..

Тут уж грохнули все.

Одного мгновения было достаточно, чтобы разом увидеть: новичок значительно старше любого из нас. Был он невысокого росточка, волнистый чуб набегал на лоб, будто на его штормовой прическе начался прилив. Наверное, каждый из нас в это мгновение подумал об одном: странный, однако, новичок. Пожалуй, этот профессиональный двоечник и второгодник будет учиться с нами в седьмом пятый раз подряд. Никак не меньше. Ветеран двоечного движения...

Продолжая удивлять нас, новичок не стал искать взглядом свободной парты, а подошел к учительскому столу и поставил на него свой шуплый портфельчик.

— Что ж, друзья,— сказал он.— Вы уже представились. Запомню вас как Класс Падающих Веников. А меня звать Эммануилом Львовичем. Как вы уже, видимо, догадались — буду вести у вас литературу.

Надо ли говорить, какая воцарилась тишина. Будто мощным насосом из класса выкачали все звуки, и даже шум нашего дыхания. Вот так новичок! Вот так ветеран двоечного движения!.. Неужели Мумин Ахмедович разыграл нас, специально не предупредив, какой «новый ученик» появится на первом уроке.

Первой опомнилась Стелла.

— А как же Светлана Андреевна? — спросила она.

«Новичок» объяснил:

— Коромыслова уехала в Ташкент на курсы и вернется через месяц.

Продолжить он не успел — в класс вошел Мумин Ахмедович. Взгляд его упал на веник, нелепо стоящий у доски. Директор нахмурился:

— Дежурный, почему веник посреди класса? Поставьте на место.

Метнулся к венику Сервер Мамбетов, и веник вполз обратно в шкафчик, как сабля в ножны.

Директор перевел взгляд на новичка и заулыбался:

— Уже познакомились? Вот и отлично! Ребята у нас, Эммануил Львович, замечательные!

Нам казалось, что сейчас «новичок» горько ухмыльнется и расскажет директору про наш «салом алейкум». Но он промолчал.

— Эммануил Львович, — продолжал директор, — приехал к нам на практику. Он студент, учится в университете. Так что тоже ученик, но только в высшей школе. Думаю, вы понравитесь друг другу.

С этими словами директор вышел из класса, оставив нас наедине с новичком и нашей виной перед ним. Ну и разини же мы! Это же надо: учителя, хоть и практиканта, студента — приняли за второгодника с громадным стажем. Васькина выходка, наверное, так сильно обидела его, что теперь отопьется нам этот веник горючими двойками.

Эммануил Львович, храня торжественное молчание, изучал классный журнал, читая наши фамилии и записи Светланы Андреевны. Мы удивлялись. Новые учителя всегда начинали с того, что вызывали по списку, делали переключку, стараясь нас запомнить. Хотя мыслимое ли дело — мгновенно привязать формулы фамилий к трем десяткам незнакомцев. Но он неожиданно сказал:

— Знакомиться с вами я буду не сегодня, а завтра. А сегодня стану объяснять новую тему.

— А что будет завтра? — не выдержал я.

Эммануил Львович заулыбался:

— А разве вы забыли? Завтра будем писать сочинение на тему «Так поступают пионеры». Об этом и Светлана Андреевна запись в журнале оставила. Не будем же мы нарушать ее планов. Да, видимо, вы уже и подготовились как следует. Сочинения и познакомят меня с вами лучше любого списка. Возьму их вечером с собой в поселковую гостиницу — и познакомлюсь. Так-то, друзья...

После звонка Эммануил Львович ушел в учительскую, а мы дружно набросились на Ваську. Ведь это, считан, по его милости станет теперь Эммануил Львович проверять наши сочинения через линзы бинокля, ни одной оплошности не простит. Но Ваську не прошибешь. Васька оправдывался:

— Кто же знал, что никакой он не новичок. А на вид он — сами видели — с меня будет, не больше. Тут любой мог ошибиться. Не-е, ребята, это не я, это директор виноват. Надо ему было вчера все сразу и сказать, вот ничего бы такого не случилось.

Бесполезное это дело — заставлять Ваську признать свою вину. Наверное, даже прежде чем сознаться, что его фамилия Кулаков, Васька округлит глаза и на всякий случай скажет, что впервые слышит об этом.

И смех, и слезы. Тема-то сочинения — «Так поступают пионеры». А мы на практиканта веник обрушили. Ну и герои... Ерунда, что это Васька сделал. Получается, что все...

К сочинению мы готовились уже с недельку. Светлана Андреевна советовала нам полистать пионерские газеты — там часто печатают такие истории. Но лучше, предупредила она, привести примеры из жизни.

Лучше-то лучше, это мы и сами соображаем. Но только где они, герои — рядом-то с нами? Никто из нас никогда не задерживал террористов на борту самолета и не доставал из проруби незадачливого рыбака. У нас и прорубей нет — с нашей-то ласковой зимой. На нашем поселковом озере ни один ловкач не получит приличную прорубь — даже если ухитрится дать крупную взятку Деду Морозу, а его любимице Снегурочке подарит мотосани. Никаких условий для героизма — хоть лопни! Вот если бы поселок наш был пограничным, тогда кому-нибудь из нас хоть захудалого нарушителя посчастливилось бы выследить. Но где мы, и где — граница?! От нас до нее добраться — уже подвиг. Хоть па велосипеде...

Поневоле позавидуешь тем ребятам, о которых в газетах пишут. Здорово у них все-таки получается, везучие какие-то. В самый подходящий для подвига момент рядом с ними кто-то послушно тонет, что-то с готовностью горит, а на стене окраинного магазина тревожно скулит и мигает сигнализация, жалуясь, что в помещение забрались грабители. Здесь все ясно. Тут мимо подвига прошмыгнет только ленивый. Или очень занятый. Кому, к примеру, нужно срочно писать сочинение про героев и значит некогда отвлекаться на посторонние дела. Тоже ведь уважительная причина. Тоже, если подумать, героизм — мужественно и добровольно отказаться

от звания героя во имя того, чтобы хорошо и в срок выполнить свой будничные долг и заработать почетную отметку в журнал, а в перспективе — и похвальный лист.

Ясненко... Выходит, завтра нам предстоит писать сочинение о героях рядом с нами. А сегодня...

Сегодня мне и еще четверым предстояло унылое дело. Мама Сервера Мамбетова тетушка Марьям, знаменитая мастерица по засолке капусты, вновь попросила нас помочь ей. Да и как не помочь — ведь несколько бочек ее мастерской работы попадут в школьную столовую. Выходит, и для нас старается. Дело это, впрочем, уже привычное. Мы даже график составили — кто когда будет помогать тетушке Марьям. По пять человек в смене. Хуже всех, конечно, Серверу. Ему-то все равно домой идти. А значит — поневоле подключаться к каждой бригаде.

Сегодня же выпало крушить кочаны мне, Андрею Никитенко, Ваське Кулакову и двум девчонкам — Стелле и Кате Суровцевой.

Сложная компания! Проще всего с Васькой. Главное — следить, чтобы он заодно с капустой злой шутки ради не отшинковал веник, а заодно и зазевавшегося кота тетушки Марьям.

Андрей — этот смирный. Он у нас фотограф, у него есть в школе лаборатория. Деньги на фотоматериалы ему директор выдает. Андрей потом из магазина счета директору приносит.

Труднее с девчонками. Стелла — известная аккуратистка. Уж она никому не даст покоя. Каждую капустинку, каждую морковинку строго оглядит и потребует, чтобы все у нас было ровненькое, одинаковое, стандартное. Не девчонка, а выездная палата мер и весов. Шаблон ходячий!

Зато Катя — белоручка высший сорт. Тоже эталон. Почти как Стелла, но только наоборот. Первым делом она, знаю заранее, прилепит к носу клочок газеты, чтобы не выгорел на солнце, а еще хуже — не расцвел осенними веснушками. Резать капусту она будет в резиновых перчатках — в аптеке специально купила. Боится свежего капустного сока. Считает, что его действие на девичьи руки еще не изучили как следует. Может, вредно. Так что — стоит ли рисковать?..

Сама тетушка Марьям работает на загляденье красиво. Да и капуста у нее — высший сорт. Было время, мы всерьез помышляли закатать соленую капусту ее работы в литровую банку и послать в Москву какому-нибудь министру по делам капусты. Пусть попробует волшебную капусту тетушки Марьям и пришлет ей Знак качества. Но так и не собрались мы послать опытный образец, не знали адреса — куда посылать, где такой министр обитает. Но капуста от этого хуже не стала. Весь поселок хрустит и ликует. Потому-то каждую осень заключают с тетушкой Марьям договор на соленую капусту" и привозят ей гору моркови и кочанов. Ну, а мы ей помогаем. Тимуровцы все-таки. Ее выручаем, а заодно и Сервера — в нашем же классе учится. Как не помочь?..

В этот раз все шло как обычно. Тетушка Марьям любовно уложила на дно трех на диво пузатых бочек уютные кочанчики, а сверху принялась устилать приготовленным нами хирманом капустного и морковного крошева, выжимая из него сок. Затем она дала Ваське толстую круглую колотушку, и Васька, орудуя ею, как ломом, нещадно исколол содержимое бочек, пробуривая в крошечке глубокие колодцы, тотчас же заполнявшиеся соком. Когда все было заполнено доверху, тетушка Марьям водрузила поверх капусты круглые деревянные тубетейки и с нашей помощью придавила их тяжеленными камнями. Однако для третьей бочки в этот раз гнета не нашлось. Тетушка Марьям огорчилась:

— Нельзя капусте без гнета. Это как стадо без пастуха — не туда капуста моя побредет, заблудится...

Выходит, мы — пастухи, и капусту не солим, а пасем? Интересно...

Тут всех удивил Васька. Обычно у него доброе дело и за рубль не купишь, и вдруг сам вызвался.

— Я, говорит, тетя Марьям, мировой гнет вам привезу. Всем гнетам гнет, он вашу капусту так придавит, что она, бедняжка, через день созреет и даже сама себя съест — лишь бы от такого тяжелого гнета поскорее избавиться.

Вот что Васька заявил хвастливо, обещая добыть лучший гнет всех времен и народов.

Рассмешил Васька тетушку Марьям.

— Давай, — говорит, — свой знаменитый гнет, а за капусту не бойся. Ей тем лучше, чем тяжелее.

Наверное, капуста получает от гнета такое же удовольствие, как штангист от своей штанги. Если так, то соленая капуста тетушки Марьям вполне могла бы участвовать в первенстве тяжелоатлетов, защищать спортивную честь поселка и отнимать у чемпионов их соленые медали.

Посмеиваясь, мы расходились по домам, поверив Ваське, что гнет он доставит. Васька пообещал, что привезет его на велосипеде и что если за дело взялся он сам, то волноваться не надо.

Что ж, тяжести — это по его части. Наверное (после капусты, конечно!), Васька был у нас главным силачом. Правда, на какое-то мгновение меня насторожила хитринка, мелькнувшая в глазах Васьки. Подумалось: а не затеял ли Кулаков какую-нибудь очередную пакость? Но я пристыдил себя. Нехорошо. Одноклассник решил сделать доброе дело, в этом нет ничего плохого. Тем более, что Ваську нашего хлебом не корми и пепси-колой не пои, а только дай ему тяжести носить да поднимать. Он же мускулы отращивает, это всем известно. Культурист, одним словом. Бройлер! Кочан!..

... Наутро, идя в школу мимо чайханы, я удивился, встретив Сервера Мамбетова. Он поджидал меня близ чайханы, положив портфель на тахту. Странно, подумал я. Сервер, бывало, заходил за мной утречком. У чайханы ждал впервые.

— Ты чего здесь примостился?— удивился я.

Вместо ответа Сервер кивнул в сторону, и я увидел зияющий люк канализации. Из шахты кудрявился парок.

— А где крышка? — удивился я.

— Вот то-то и оно! Нет крышки,— хмуро буркнул Сервер.— А люк видишь где — на самой дорожке в школу. Тут и малышня в школу пробегает, того и гляди кто-нибудь в кипяток свалится. Живо сварится вкрутую. Если, конечно, вовремя не вытащат.

— Надо сказать чайханщику,— заволновался я.— Азим-ака здесь?

— Его и жду. Не пришел еще.

— Погоди, когда он приходит?

— Кажется, в девять.

— Ого! — присвистнул я.— У нас же сейчас сочинение. Опоздаем.

— А как быть с этим?— Сервер вновь показал на люк, предательски разинувший горячую пасть.

Ситуация складывалась горестная. Как поступить? До начала урока пятнадцать минут, а Азим-ака, чайханное хозяйство которого «обслуживается» этим люком, появится еще не скоро. Азим-ака живет, правда, недалеко, можно и сбегать за ним.

Я решительно опустил портфель на тахту.

— За ним слетаю.

Сервер кивнул.

Пришлось взять хороший разгон. Запыхавшийся, взмокший от бега в свитере, я вскоре колотил в калитку чайханщика. Заливисто отозвался кобель. Он был ничуть не тише сигнализации, разве что не светился, не мигал и не отключался. Наконец вышла дочка чайханщика.

— А папа рано-рано уехал. За продуктами уехал. Сказал, что на работе будет в девять, как всегда.

Обратный стремительный путь к Серверу, сторожившему люк, я проделал с куда меньшим энтузиазмом. Сервер прямо побагровел, узнав, что мое путешествие безрезультатно. Положение было отчаянным.

— Никуда не уйду отсюда, — грозно объявил мне Сервер. — Сам посуди... продолжать он не стал. Все и так ясно.

Вздохнули разом. Ситуация!

— Иди в школу,— буркнул Сервер.

— Не, я с тобой...

— А это еще зачем?— поднял глаза Сервер.

— Чтобы тебе не было обидно.

— Вот глупости. Ты беги. Тут работы хватит и на одного. Главное — люк сторожить. Азим-ака что-нибудь придумает.

— Конечно, придумает... — согласился я.— Но только урок уже будет заканчиваться. Новичок нам двойки за неявку на сочинение запросто поставит.

— Может,— вздохнул Сервер.— Иди хоть ты. Хватит с нас и одной двойки на двоих.

С тяжелым сердцем побрел я от Сервера, стыдясь поднять глаза на друга. Уже издали зачем-то крикнул, вспомнив вчерашнюю капусту.

— Слушай, а Васька не обманул? Привез гнет для бочки?

— Я сам не видел. Но мама сказала, что привез. Очень хвалила Ваську... Еще сказала, что он у нее какую-то записку в школу вытребовал... Ты беги, опоздаешь.

Я влетел в класс, когда ребята уже склонились над тетрадками. Эммануил Львович не стал распекать меня за опоздание, молча разрешил сесть за парту. Я хотел было сказать ему, где Сервер и почему его сейчас нет в классе, но учитель-новичок не дал мне говорить, приложив палец к губам и обводя рукой класс — не понимаешь, мол, что ли — нельзя мешать.

На доске красивым и крупным почерком было выведено название сочинения: «Так поступают пионеры». Впрочем, можно было бы и не транжирить мел, тему мы отлично знали заранее...

А Сервер так и не появился до самого конца урока. Зато Васька Кулаков удивил всех. Шла десятая минута урока, когда Эммануил Львович спросил Кулакова:

А ты почему не пишешь? Васька торжествующе объявил:

— А у меня уже готово, сдам в срок!

— Ну-ну!.. — Эммануил Львович недоверчиво покачал головой. — Поглядим твою скороспелку.

Сочинение Васьки явно принадлежало к рано созревающему сорту дыни «хандаляк».

Он, и правда, сдал свой листочек первым. Удивлению — и нашему, и учителя — не было границ, когда, глянув в листок Кулакова, Эммануил Львович призвал нас слушать и громко прочитал написанное.

— Это не сочинение, а записка! — с изумлением сказал учитель. — Но зато какая!.. Вот послушайте...

«Так поступают пионеры!» — читал нам Эммануил Львович. — «Дорогой товарищ учитель! Знаете ли вы, что герои ходят и живут рядом с нами и с вами? Один из них — ваш ученик Василий Кулаков. Вчера он совершил настоящий поступок с большой буквы и спас от смерти бочку капусты. Ребята порезали кочаны и спокойно ушли домой, бросив беспомощную бочку на произвол судьбы. И только Василий был до конца верен своему пионерскому долгу и чутко отозвался на мой отчаянный призыв — достать для бочки гнет. Это было вчера. Образцово-показательный гнет, который достал Василий, заставит капусту быть вкусной как никогда! Равнение на таких как Василий Кулаков! Считаю, что поступок скромного героя заслуживает самой высокой награды в лице пятерки и даже с жирным плюсом! Равнение на героя! С уважением к вам, Марьям-апа Мамбетова. Заранее благодарю за содействие».

— Это о тебе? — спросил Эммануил Львович и явно нехотя, оторвавшись от столь сочной записки, поднял на Ваську глаза, в которых читалось неподдельное уважение.

Васька бессовестно опустил глаза, разыгрывая из себя скромника мирового класса. Интересно, может ли скромность быть нахрапистой? Впрочем, конечно же, может, если существует в мире даже один только Васька.

— Это тетушка Марьям просила свою записку зачем-то передать вам. А я... я и не знал, что там написано... — фальшиво молотил Васька.

С последним Васька явно загнул. Если не загнул, так почему, спрашивается, сидел и ни строчки не писал. Все ясно. Был уверен, что записки тетушки Марьям с лихвой хватит, чтобы не писать сочинения, а попытаться самому влезть в герои сочинения. Слушать записку тетушки Марьям было обидно всем нам. Это же надо такое придумать — «спас капусту от смерти»... Это же надо — «бросили бочку на произвол судьбы», оставив ее, бедняжку, без сиделки и без спасительного гнета... Было ясно, что записку ей сам Васька и продиктовал. Продал за нее свой гнет. Дороговатый, однако, вышел...

Но сейчас героем мгновения все равно был, безусловно, Васька. Эммануил Львович сказал:

— Записка хорошая, читать ее приятно. Ваш товарищ совершил добрый поступок, принес человеку радость. Это прямо по теме сочинения, верно. Честь ему и хвала.

Но тут он обернулся к Ваське — гордому, как монумент:

— А тебя, Кулаков, все-таки попрошу написать это сочинение дома, обязательно принесешь завтра. Тетушка Марьям в вашем классе не учится и отметку ей поставить не могу. Такое вот будет содействие... Договорились?

Только сейчас смог я попытаться овладеть вниманием учителя.

— Эммануил Львович! Там Сервер остался, — бессвязно закричал я.

— Какой Сервер?

— Мамбетов.

— Тоже Мамбетов?

— Ну да. Тетушка Марьям — мама его. А Сервер около чайханы застрял.

Бедняга-учитель растерянно заморгал, с трудом понимая мои, надо сказать, бессвязные объяснения.

— Около чайханы? А что он там делает? Чай с аксакалами пьет?

— Какой чай?! — я протестующе замахал руками.— Он люк сторожит. Боится, как бы малыши не посыпались в кипяток. А чайханщика не было...

Только с третьей попытки я успокоился и спокойно растолковал, что к чему.

— Он и сейчас там?

— А где же еще, раз до сих пор в школу не пришел? Очень опасное там место. Если бы вы только видели. Люк... Глубокий очень... А из него пар идет...

— У вас сейчас будет труд?— быстро спросил Эммануил Львович.

— Труд,— подтвердил я.

— Вот и хорошо. У меня — «окно», а насчет тебя с вашим учителем договорюсь. Пойдем, покажешь, где Сервер застрял. Может, надо помочь.

Он улыбнулся:

— Это ведь гоже по теме урока. Верно?

— Я тоже пойду,— вызвалась Стелла.— Раз по теме.

— Лучше пусть Васька пойдет, — сказал я, явно удивив всех. И объяснил:— Может, что-нибудь тяжелое нужно будет таскать.

Васька, к моему удивлению, уклонился от приглашения отличиться.

— Не-е,— запротестовал он решительно. — Я не пойду... У меня с утра... рука болит... Сильно-сильно...

Ну и лентяй... Перереботал что ли вчера?..

Следом за учителем мы со Стеллой выскользнули из класса и поспешили к чайхане. Сервер, устроившись у тахты, как у верстака, ловко орудовал ножовкой, сооружая самодельную крышку из досок, вынесенных Азимом-ака. Пот струился по лицу Сервера, но он в горячке ничего не замечал.

— Вот, — показал он свое корявое изделие. — Временная, конечно, крышка, но зато спокойнее будет.

Азим-ака горестно развел руками и забавно запричитал:

— Ничего моя не понимает! Вчера люк был, сегодня люк нет. Баран не съел, курица не съел. Кто съел?

Он горевал не зря — ведь люк входил в ЗДЧ — зону действия чайханы. Подобно тому, как подшефные наших тимуровцев входили в ЗДШ и ЗПД — в зону школьного и пионерского действия.

— Можно, я что-то скажу...— пискнула Стелла.

— Говори, если хочешь.

Удивительно! Стелла даже личное информационное сообщение готовила как яичницу. Нашептывала в уши слушателей масло и только следом сырые слова. Чтобы прожарились, что ли, как следует?..

Стелла вдруг шепнула:

— Сбегай быстро к тетушке Марьям.

— А это зачем?— усмехнулся я.— Капусту проведать — не готова ли?

— В бочку загляни,— растолковывала Стелла.— В третью. Ну, Володечка, ну, пожалуйста! Уж больно все хитро в записке, которую Васька принес от тетки.

Дело-то пустяковое. А раз просит Стелла — то, выходит, и вовсе пионерское поручение. Тем более, что бочки тетки Марьям входят в ЗДШ и ЗПД. Надо выполнять.

... Заглянув в бочку, которую мы вчера доверили Васькиным заботам, я вскрикнул от удивления. На капусте важно покоилась... чугунная крышка люка!..

Вот так история! Выходит, Васька эту крышку вчера потехи ради и выковырял вечерком в ЗДЧ, когда Азим-ака ушел домой?

Тетка Марьям подтвердила уже и без того понятное:

— Вася привез этот гнет. Совсем ночью. Говорит, долго не мог подходящего гнета сыскать. Но дал слово — выполнил. Сам сюда и положил его. Настоящий пионер!

Я не стал объяснять, что за гнет доставил Васька, создав в ЗДЧ угрозу ЧП.

— Да-да...— Только и вымолвил.— Выдающийся гнет! Лучший в мире... Но только из-за него ваш Сервер пропустил сочинение и теперь получит двойку.

У тетушки Марьям вытянулось лицо:

— Сервер не был на уроке? Но он же вовремя ушел в школу!— ее изумление было неподдельным.

— Васька от вас записку принес учителю. Ее вы писали?

— Я,— подтвердила тетка Марьям.— Он бумагу просил и даже помогал, подсказывал, что писать. Сказал, очень нужно.

— И вы написали?

— А разве я написала неправду? — обиделась тетка Марьям.— Вася ведь гнет принес, как и обещал...

Гнет, гнет, гнет... Он уже давил на меня, как на капусту. Я пробовал ковырнуть его, приподнять. Куда там! Будто прирос чугунок к капусте и готов всю жизнь прожить в этой вкусной среде обитания, а под старость и самому хорошенько просолиться и назло всем прочим чугунным собратьям размякнуть, стать съедобным. В крышке был добрый пуд веса...

Уныло побрел обратно. Сервер и Стелла стояли у люка с новенькой, хотя и корявой, деревянной крышкой. Эммануил Львович пил чай на тахте и беседовал с чайханщиком Азимом-ака. Я не узнал Сервера. С его лица смело можно было лепить аллегорическую гримасу с названием «Неподдельное удивление». К тому же он почему-то беспрерывно моргал и дурацки улыбался.

— Ты чего,— насторожился я. — Стресс после перепуга?

— Угу,— кивнул Сервер и непослушной рукой открыл портфель, нашарил дневник и протянул его мне. — Т-ты что-ниб-будь п-онимаешь? — спросил он.— Открой, открой сам...

Я открыл дневник и опешил. В графе первого урока рукой Эммануила Львовича было вписано: «Сочинение на тему «Так поступают пионеры». Рядышком стояла потрясающе жирная, прямо-таки упитанная пятерка.

— Ловко! — восхитился я. — А ты, парень, не промах. Все ясно. Вижу, время даром не терял, на тахте написал мини-сочинение, пока люк был голеньким. Ну, циркач! Успел уже и Эммануилу Львовичу на проверку подсунуть.

— Ты н-ничего не п-онял,— отшатнулся Сервер.— Не писал я сочинения, ничего не писал! Я тут крышку делал, пока ты в школе был.

— Ты не писал сочинения?— переспросил я.

Наверное, Сервер начинал тяготиться моей бестолковостью. Но я действительно никак не мог понять — как в таком случае очутилась вполне реальная пятерка в его дневнике.

— Сочинения я... не писал,— пытался объяснить Сервер.— Я... караулил... За это... Понимаешь?..

Вот так новость! Впервые слышу, чтобы пятерку по литературе получали за дежурство у люка. Правда, вышло так, что Сервер дежурил... на тему сочинения.

Подошел Эммануил Львович, и я рассказал ему, что родная крышка деревянного люка, старшая сестра, забрела в сарайчик тетушки Марьям и преспокойно хлебает капустный рассол. Не сказал только, кто помог крышке добраться до бочки. Наверное, он и сам догадался.

Вот бы не подумал, что наш Эммануил Львович — силач не хуже Васьки Кулакова. Васька на велосипеде крышку вез, прикрутив к багажнику. Если по справедливости, то, выходит, силачом вчера вечером был не Васька, а его велосипед.

Зато Эммануил Львович только крякнул и уверенно выковырял крышку из бочки и поставил на плечо — как огромную толстую монету из коллекции Циклопа. И понес до чайханы, ни разу не делая привала.

Уже у люка мы быстро поменяли крышки местами. Деревянную я предложил захватить с собой и после уроков прибить к Васькиной калитке — как прибывали в древности свой щит счастливые полководцы к побежденным воротам. Лучше, конечно, было бы приколотить эту триумфальную деревянную крышку к Васькиной парте. Да только парту жалко, парта за ученика не ответчик. За порчу парты запросто можно вместо триумфа кое-что другое схлопотать.

А тетушку Марьям мы успокоили тем, что пообещали после уроков доставить другой гнет.

Сколько событий! Но на урок, следующий после труда, все равно не опоздали! Эммануил Львович ушел в учительскую. Стелла вздохнула и мечтательно произнесла:

— Ребята, а я бы очень хотела еще одно сочинение написать. Знаете какое? «Так поступают учителя» — вот какое! И не из газеты, а из жизни! Из нашей с вами жизни.

Что ж, Стелла права. Такое сочинение охотно написал бы из жизни и я, но не сейчас, а через месяц, когда вернется Светлана Андреевна. Только, боюсь, сочинили бы мы тогда со Стеллой одно и то же и скорее всего получили бы по двойке. Ведь Светлана Андреевна могла бы подумать, что кто-то из нас сочинение списал, и наказала бы обоих.

Ну и пусть. Все равно не побоялись бы написать из жизни.

Если подумать, то можно, и не ожидая приезда Светланы Андреевны, заранее написать такое сочинение. А вернется со своих учительских курсов — сразу же и сдать:

— Это, Светлана Андреевна, наше сочинение на тему «Так поступают учителя»...

Она, конечно, удивится и скажет, что задавала другое. Ничего, можно объяснить, что мы его сами себе задали.

Если поступок на пятерку — пускай хотя бы и тайную! — то почему его надо на всякий случай стесняться и даже бояться? Ведь это нелепо. И нехорошо.

Как круглый треугольник.

Как чугунная крышка люка, занятая на своем месте важными делами, но перекочевавшая по чужой, злой прихоти в бочку с капустой.

Как уважительные причины труса.

Как веник на двери.

Вот этого не понимаю. Вот этого...

УСПЕТЬ УСЛЫШАТЬ ЛИСТЬЯ

Между правилами хорошего тона и таблицей умножения есть общее: необходимость твердо помнить наизусть. Если, к примеру, рядом чихнет знакомый, вовсе не нужно суетливо заглядывать в шпаргалку, чтобы, следуя ей, бодро восклицать:

— Будьте здоровы!

Это — таблица умножения доброго настроения.

Дважды два — «Большое спасибо!»

Трижды пять — «Будьте так любезны!»

Семью девять — «Приятного аппетита!»

Девятью шесть — «Не смею вас более задерживать».

Но виданное ли дело — чтобы за знание этой таблицы назубок человек имел неприятности? Не знаете такого горемыку? А я знаю. Это Стасик Барханов из нашего класса. И угораздило же его попасть под горячую руку... а точнее нос Стеллы Хван — председателя совета отряда. Когда Стелла, судорожно глотнув воздуха, оглушительно чихнула, Стасик тотчас вежливо посочувствовал:

— Будь здорова!

Но устная мера, примененная командиром отряда юных друзей милиции Стасиком, не помогла, ибо Стелла еще трижды потрясла чиханием тишину комнаты в доме Стасика, куда она пришла в воскресенье, чтобы помочь своему подшефному подтянуться по математике. Стасику хватило терпения на все четыре раза. Но видя, что Стелла завелась не на шутку и что вежливыми формулами ей не помочь, он всерьез заволновался:

— Слушай, может, ты простудилась? Может, у тебя грипп? Давай таблетку принесу.

— Ап-ч-хи!— ответила Стелла.

— Подожди, я мигом. У нас аптечка на веранде.

— Ап-ч-хи!— согласилась Стелла.

Стасик вернулся, осторожно неся чашку с водой. В левой звучно хрумкал прозрачный патронташ с пульками этазола. Стасик нес этазол, чтобы расстрелять грипп и подавить кашель превосходящими силами, заключенными в целебных снарядах лекарства.

— Держи!— он протянул Стелле таблетку.

— Д-думаешь... ап-ч-хи!.. поможет?

— Глотай скорее.

Стелла послушно положила на язык таблетку и богатырским хлебком отправила ее со стартовой позиции прямоком во враждебный стан простуды. Оставалось ждать, когда таблетка там освоится и начнет метко поражать микробы на территории противника.

— Окно закрой! — сердито крикнула Стелла. — Гляди — и окно распахнуто, и дверь. Может, от сквозняка это? Когда к тебе собиралась, здоровая была. Забыла, когда чихала последний раз.

— Может, у тебя аллергия?— покосился на одноклассницу Стасик.— Сейчас это у многих. Мой дед, к примеру, от запаха силикатного клея чихает. Его личный рекорд — сорок два раза. Сам считал. Еще от тополиного пуха чихают...

— И от твоей математики! — перебила Стелла.

Стасик Барханов не успел и обидеться — в комнату вошел его дед — Абдурахман-бобо. На нем был теплый в зеленую полоску халат. Голову венчала тибетейка. Белая борода Абдурахмана-бобо казалась крошечной клумбочкой из пушистых одуванчиков. Ну просто дунь на бородку — и разлетится пушинками по всей комнате, а по весне, прорастет там, куда спланировали ее парашютики. Дед держал в руке рукоять посуды, из которой валил белый дым. Дым был похож на бороду самого Абдурахмана-бобо, но гуще, пышнее, окладистее. В комнате сразу же запахло приторно-сладковатым. Улыбаясь, дед обнес посудиною все углы, не обращая при этом ни малейшего внимания на Стеллу, с изумлением наблюдавшую за его диковинными действиями. Окутив комнату густыми клубами восходящей к потолку бороды дыма, Абдурахман-бобо приблизился к Стелле со своей дымовой шашкой. Пелена дыма прянула к лицу ошеломленной Стеллы, а дед, добродушно посмеиваясь, посоветовал:

— Дыши, доченька, хорошо дыши. Ртом дыши, ртом. И руки над дымом пополощи.

Стелла закашлялась, дернулась со стула, подбежала к окну, распахнула его, жадно приняла к живительной свежести, ворвавшейся из сада, и только тогда, опомнившись, подняла на Абдурахмана-бобо перепуганные глаза:

— Что это у вас, дедушка?! Этим же малярийных комаров усыпляют!

— Исирик это, дочка! — с радостью объяснил дед.— Трава волшебная, целебная, святая. Ее дым болезнь изгоняет, а грипп — и подавно. Видишь, — показал он узловатым пальцем на дотлевающий прутик.— Вот, шишечки эти, коробочки...

— Семена, что ли? — догадалась Стелла. Дед гнул свое, не слыша Стеллу:

— В них вся сила сидит. Поджалась и сидит, как добрый джинн в кувшине. Подождешь веточку, подкрадется огонь к коробочкам, и вся сила из них на волю выбирается. Вся сила — в

дыму этом! Приятно пахнет, да? — старик мечтательно закрыл глаза и покачал чадящей посудиною под собственным подбородком. Лицо его на миг скрыл клубящийся занавес.

Стелла вновь чихнула.

— Будь здорова!— сладковатый дым не выгнал из Стасика остатков вежливости.

— Я т-тебе покажу б-будь здорова!..— гневно воскликнула Стелла, отмахиваясь от льнущего, обволакивающего запаха дыма.— Т-ты зач-чем заставил деда зажечь эт-тот... этот религиозный дурман?

Стасик отшатнулся,

— Что ты, Стелла! При чем тут я? Просто дед услышал, как ты чихаешь и решил травку свою зажечь. Он же добра тебе желал. Травка безвредная, ты не думай.

Абдурахман-бобо, прижав к груди свободную руку, преданно закивал:

— Хорошо будет, очень хорошо! Анальгин не надо, этазол не надо. Исирик сам грипп прогонять будет, дочка! Как шайтана прогонит.

Но Стеллу слова деда не убедили.

— Извините, дедушка, — строго сказала она, совладав с дыханием.— Но попрошу немедленно прекратить этот дым и очистить от него помещение! Требую как председатель совета отряда. Знаю я, слышала... Мы по истории проходили. Это в старину, когда медицины еще не было, Шаманы и муллы народ дурачили такими штучками — дымом и колокольчиками. И еще — молитвами. Мол, отдай, больной, мулле черного петуха или барана, а он в него болезнь перекачает, шайтана из тебя выгонит. Сказки это, дедушка. Неужели вы сами верите?

Абдурахман-бобо не ответил, виновато поморгал и тихо выскользнул из комнаты — словно дым, мираж, шепот, эхо...

Стелла покачала головой:

— Не ожидала я от тебя, Стасик. Не ожидала. Ты же пионер! Ты же командир отряда юных друзей милиции!

— Ну и что с того,— буркнул Стасик. — Арестовать что ли деда за его траву?

Стелла нервно заходила по комнате, трясая кулаками, будто приколачивала ими дым к паласу, и зло выговаривала:

— Ты не имел права бросать отсталого деда на произвол судьбы. Это не по-пионерски. И я обязательно расскажу о твоём поступке совету отряда.

— Да о каком поступке?!— взмолился перепуганный Стасик.— Он же тебе добра хотел и не виноват, что ты расчихалась. Сама подумай.

— Я-то подумала! — отрезала Стелла.— А вот тебя, Стасик, мы заставим задуматься. Шутка ли — родной дед верит в какие-то заклинания, а пионер Барханов закрывает на это глаза. Позор!

— Какие заклинания? Да ты знаешь, какой у меня дед? И про траву ты зря это. Погоди, я сейчас...— Стасик бросился в соседнюю комнату, включил свет и забежал глазами по корешкам книг, ища нужную. Достав наконец пухлый том энциклопедии, он с торжественным видом вернулся в комнату, где оставил Стеллу.

Комната была пуста. Стелла ушла, оставив дверь распахнутой. Стасик положил книгу на стол и вздохнул:

— Будьте здоровы!..

Стелла оказалась человеком слова. В понедельник она попросила членов совета отряда остаться. Стасик с унылой мольбой во взоре глянул и по полыхавшему в ее глазах огню понял, что просить пощады бесполезно. Стелла смогла бы сейчас взглядом поджечь степь, задуть домну или заставить чайник закипеть.

Рассказав о том, как Абдурахман-бобо окуривал ее подозрительным дымом, Стелла заключила:

— Стасик заслуживает наказания. Предлагаю поручить ему подготовить лекцию «Чудеса без чудес» и прочитать ее деду. И пусть про травку эту ему расскажет. Да-да, Стасик. И не выкручивайся. Подойдешь к ботанику нашему, Александру Григорьевичу — он тебе подскажет, что говорить.. Покажи ему травку с джинном в кувшине... Ты же сказал, что у деда ее много.

На другой день Стасик принес в школу том энциклопедии, который не успел показать улизнувшей Стелле. В портфеле лежала и веточка исирика. Он положил книгу на парту перед Стеллой, раскрыл заранее заложенную страницу и с обидой ткнул в обведенную статью:

— Читай сама... Я же тебе еще тогда хотел показать, а ты удрала. Вот — гармала...

Стелла тряхнула косичками и принялась читать. Статья была небольшой, в шесть предложений, круто посоланных латынью. Но было ясно, что речь идет о траве, чей запах и дым, по исследованиям ученых, убивает болезнетворные микробы.

— Ясно теперь?! — торжествовал Стасик. Стелла поджала губы:

— Мне-то ясно. Но при чем тут трава твоего деда? С джином которая...

— Так вот она же и есть! — воскликнул Стасик. — И дед то же говорит. А дед не обманывает.

Стелла ухмыльнулась:

— Что-то я не понимаю тебя, Стасик. Ты притворяешься или серьезно все это говоришь? Как та трава называется? Ну та, что дед твой запалил.

— Исирик.

— Вот! А ты мне совсем другое в глаза тычешь. Гармала какая-то. У тебя, наверное, курица и верблюд — одно и то же. Так что не отвертись от поручения — готовь лекцию. Сама проверю...

Стасик до боли закусил губу и захлопнул книгу.

Урок Александра Григорьевича был предпоследним. Едва ботаник вошел в класс, Стасик бросился к нему с веточкой, которую заранее положил в парту. Протягивая Александру Григорьевичу подрагивающую в руках веточку, он взмолился:

— Скажите Стелле!.. Скажите!..

Учитель повертел веточку и спросил:

— Откуда у тебя исирик?

— У деда взял...

— Вот так-то! — злорадно заключила Стелла. — А он про какую-то гармалу нам в классе показывает. Я же говорила... А он выкручивается.

— Верно, — кивнул учитель. — Называют это удивительное растение по-разному. В Таджикистане, например, его имя — испанд. А по-научному — гармала. Это ты, Хван, верно сказала.

У Стеллы вытянулось лицо. Стасик торжествовал. Наконец Стелла уронила:

— Удивительное?.. А чем оно... удивительное?

Александр Григорьевич охотно объяснил:

— Свойства своими оно удивительно. Еще в древности люди заметили, что гармала, или, если хотите, исирик, уже одним тем, что просто находится в комнате, дезинфицирует воздух, убивает растворенную в нем болезнь. Народ сметлив, наблюдателен, а народная медицина — и вовсе вещь до конца не изученная и по сей день. Сам Ибн Сина знал целебные свойства гармалы и советовал подвешивать ее пучки в комнате.

— А если... Если жгут ее?.. — Стелла пыталась ухватиться за последнюю ниточку.

— И так поступают, — подтвердил учитель. — Дым гармалы — настоящая аптека! Чудо природы. В старину, бывало, объявлялись шарлатаны, называвшие себя заклинателями злых духов. С помощью этой травы они дурачили лекаверных, делая вид, что изгоняют из больных злых духов, демонов болезни. А ведь вполне приличное, дельное растение. Никакой мистики, сплошная наука. Эту траву можно в лабораториях изучать...

Стасик упивался словами Александра Григорьевича. Стелла сидела, не в силах оторвать взгляда от крышки парты. В середине урока к ней пришла записка от Стасика: «Ну, как лекция? Привет от джина!» Стелла отослала записку ему же, упрямо написав на обороте: «Все равно! Сам слышал, что сказал А. Г. Ее колдуны использовали». Стасик не отступил и прислал новую записку: «А Ибн Сина? А лаборатория?» Стелла упорствовала. Она ответила с подковыркой, с подглядыванием в учебник химии, с оттяжкой, с кастетом в каждом слове: «А аппендицит этой твоей травой вылечить можно? И вообще, Барханов, пионер обязан верить не в чертовщину, а в биохимию растительных соединений и в журнал «Знание — сила». Понял? И деда к тому же приучать. Ясно?»

Поняв, что Стелла непобедима, Стасик сложил язык и прекратил борьбу.

Но на другой день он удивил нас, явившись в школу только к третьему уроку. Был Стасик бледен, рассеян, расстроен. Эммануил Львович трижды назвал его имя, прежде чем Стасик услышал и испуганно вскочил:

— Что?.. Меня?..

— Если ты — Барханов, то тебя,— улыбнулся Эммануил Львович.— Стихотворение выучил? Рассказывать иди.

Стасик опустил голову.

— Не выучил... В смысле — не успел.

— Траву жег?— хохотнула Стелла.

Стасик молчал.

— Что случилось, Барханов?— Эммануил Львович подошел к парте Стасика.— Заболел, что ли?

— Не я...— глухо сказал Стасик.— Дедушка... Сердце у него слабое... Осколок с войны в левом плече притаился. Как мина в теле сидит. Чуть погода переменится или, к примеру, расстроится дед, понервничает — сразу нехорошо ему.

— Фронтвик?

— Танкистом он был, — вздохнул Стасик, — До ухода на пенсию работал бульдозеристом. А теперь вот... болеть зачастил. В больницу его утром увезли. Я у него был, термос с бульоном отвез, потому и опоздал в школу.

— Поправится твой дедушка, не беспокойся,— вздохнул Эммануил Львович и добавил:— И погода хорошая на дворе. Долго не переменится.

— Погода-то хорошая,— скучно кивнул Стасик. Он не видел, что при этих его словах Стелла метнула в залитое радостным солнцем окно взгляд, полный тревоги и отчаяния.

После урока она тронула Стасика за руку, проговорила виновато:

— Может, деду нужно что-нибудь? Ты скажи.

— Ничего не нужно,— ответил Стасик, не поднимая глаз.

— Может, за каким лекарством нужно в Ташкент съездить? Ты узнай, ладно? — вкрадчиво продолжала она.— Лично я с удовольствием.

И по тому, как отшатнулся от нее Стасик, как задрожали его губы, Стелла поняла, что сказала обидное.

— С удовольствием? — переспросил Стасик. — С удовольствием можешь лекции читать. А деда моего не трогай!..

— Так я же...— Стелла растерянно развела руками.

А солнце в окнах стояло и правда замечательное. Каждый день спрашивали мы Стасика—как дедушка.

— Уколы делают,— отвечал он.

Однажды Стасик появился совсем грустный. Мы всполошились: что с дедом? Стасик вздохнул:

— День рождения у него завтра. А он в больнице.

— Поправится — выйдет,— сказал я.— Все будет хорошо, ты не волнуйся. Он же танкист.

— Танкист-бульдозерист,— поправил Стасик. — Он часто вспоминал, как после войны сменил танк на бульдозер. Любил он его. Говорит, пока работал бульдозеристом — продолжал считать себя танкистом...

— А давайте мы ему торт испечем! — загорелась Стелла.— И завтра поздравим с днем рождения. Я могу испечь.

— Не надо торт.— мотнул головой Стасик.— Он сладкого не любит.

— А что любит?— во взгляде Стеллы можно было прочесть готовность испечь, сварить, засолить, изжарить что угодно — лишь бы дедушка Абдурахман был доволен. И Стасик тоже.

Стасик подумал. И сказал неожиданное:

— Он песню любит. И листья любит. На свой день рождения дед всегда ставит свою любимую пластинку и слушает раз десять — не меньше.

— Что за пластинка?

— Вальс. Про то, как на фронте один гармонист играет в лесу вальс, а бойцы слушают,

— А что за листья?— не выдержал я. — Ты сказал, что он любит листья...

Стасик заулыбался.

— Примета у него такая, Он ведь плохо видеть стал. Зрение сильно ослабло. Он мне сказал, что времена года теперь различает по звукам.

— Как это — по звукам?

— А очень просто. Зиму — по скрипу снега, осень — по хрусту листьев под ногами. Примета у него есть,— Стасик снова вздохнул. — Он мне однажды вот что про нее сказал. Если, говорит, услышу скрип снега, считай дотянул танкист до зимы, а значит, переползу ее, вражину, и обязательно встречу весну... Он и осень так же ждет. Верит, что, если захрустят листья под ногами, значит, он и осень победил.

Я скосил глаза в окно. Солнечные блики плясали на листьях — еще по-летнему сочных, зеленых. Осень пока ни на граммулечку не напоминала о себе, хотя уже вовсю листала дни сентябрьского календаря. После урока можно было даже загорать — духовка лета не спешила остывать, будто природа замешкалась и забыла выключить ее,

— Может, через месяц желтые листья появятся...— неуверенно протянул я.— Знаешь, как бывает? Жарко-жарко, а потом — Р-раз, и сразу золотая осень! Вот дедушка твой и пройдет по хрупким листьям. Если любит это...

— Очень любит! — подхватил Стасик, — Когда начинается листопад, он или без конца по саду гуляет, или просто на тахте там сидит и листья ловит. Чудак...

После уроков я заглянул в актовый зал. Сквозь его приоткрытые двери лилась музыка. Новобранцы оркестра репетировали на новеньких духовых инструментах, которые подарили шефы.

Музыканты раздували щеки и пучили глаза, барабанщик, поставив ногу на «лапу», старательно доставал колотушкой тугой бок барабана, огрызавшегося сердитым гулом. Репетицию проводил учитель пения Михаил Харитонович Бялый. Сквозь хаос звуков в зале, где, казалось, никто не желает слышать собрата по оркестру, с трудом вызревал «Марш энтузиастов». Духовики готовились к концерту. И тут меня осенило: а что, если...

Оглушенный этой мыслью, я закричал;

— Михаил Харитонович, можно вас на минуточку!

Мой жалкий писк захлебнулся и утонул в Гольфстриме звуков, в их неодолимом водовороте. Казалось, это многоголосое и бессвязное пищание, уханье, рев никогда не остановятся. Наконец я не выдержал, выдрал листочек из тетрадки и написал: «Михаил Харитонович, есть очень срочное и важное дело. Надо помочь хорошему человеку. Прошу вас выйти в вестибюль, здесь — ужас, ничего не слышно», И передал листочек учителю.

Пробежав глазами записку, Михаил Харитонович вдруг воздел руки над головой, поставив их крест-накрест. И произошло чудо. Сходу натолкнувшись на незримую, но строгую преграду, тайфун звуков задрожал, притормозил, с визгом взвился напоследок. ввысь и, словно больно ударившись в потолок, бессильно рухнул и умолк, оглушенный, укрощенный. В тишине, непривычно кольнувшей уши, Михаил Харитонович сердито спросил меня:

— Что случилось? Почему мешаешь репетировать?

— Погодите!— взмолился я.— Я не мешаю... Но случилось вот что... — и я рассказал учителю обо всем, что произошло у нас из-за Стеллы.

— С сердцем фронтовик лежит? — сочувственно вздохнул учитель. — Это плохо. Особенно, если осколок рядышком... Танкист... И день рождения, говоришь, завтра?

— В том-то и дело, что завтра...— я заговорил торопливо, комкая слова,— Стасик переживает... Любимая, говорит, это у него пластинка. Как же он завтра без нее?

— А если проигрыватель в палату принести?— предложил Михаил Харитонович.— Или магнитофон?

— Не выйдет. Стасик и сам думал об этом. Но там почему-то розетки нет.

— М-да,— протянул учитель с ухмылкой,— Тогда нужен патефон с заводной ручкой. Ею эту штуковину можно как трактор заводить. Крутанул — и играет без всякого электричества.

Он вздохнул и, подойдя к табуретке, стал рыться в стопе нот.

— Вот.— показал наконец. — Ноты есть. Песня эта — знаменитая, ее все фронтовики любят. «В лесу прифронтовом...»

— А вы уже разучивали? — осторожно спросил я.

— Нет пока. Думал, на двадцать третье февраля сыграем. Но по нотам быстро разобрать можно, Если надо...

— Надо! Михаил Харитонович!— воскликнул я, боясь, что он может передумать.

Учитель вздохнул, стал набрасывать на чистые нотные линейки точки, палочки, закорючки и передавать ноты музыкантам.

Уже стемнело, когда в окно постучали. Я увидел Стеллу, Лицо ее, залитое сейчас светом из моей комнатки, было изумленно-растерянным. Она протянула мне странный в эту теплую пору светло-коричневый листок — съезжившийся, застывший, заледеневший. Целлулоидный какой-то.

— Откуда он у тебя! — вскричал я.— Где достала? Сейчас же еще нет таких.

Стелла объяснила:

— Понимаешь, как все вышло... Мама велела мне сухарики к чаю приготовить. Чтоб румяные были, поджаристые. Любит она их.. Печка у нас на открытой веранде стоит, ты знаешь, Я на противень хлеб уложила и, видать, не заметила, как с яблони листок слетел — и прямо... Понимаешь.

— Что же?

— А то! Я листок с сухарями и... А вынула противень — что такое?! Даже сама испугалась... Понимаешь?..— лицо Стеллы излучало вдохновение, глаза сверкали, горели жаром. Наверное, сейчас она вновь могла бы одним только взглядом сушить сухари и перекаливать масло в котле. Я сразу же понял, куда она клонит. Ну и Стеллка! Умница!

Шепнул ей.

— Подожди меня, я сейчас.

И выскочил в сад с двумя пустыми ведрами.

— У Стасика в саду какие деревья? — спросила Стелла.

— А какая разница?— удивился я. Стелла спокойно объяснила:

— Ты же сам слышал от Стасика — дедушка Абдурахман осень по хрусту листьев узнает. А хруст, наверное, разный бывает. Специфический. От разных листьев разный. От яблоневых один, от тополиных другой. А?

— Яблони у них,— уверенно сказал я. — И урючины. Давай сюда...

Мы быстро набили оба ведра сочными, зелеными, полными жизни листьями с яблонь и урючин. И поспешили домой. Мои папа с мамой и сестра Айгуль смотрели пятую серию детектива. Мы скользнули на кухню,

— Сейчас. Сейчас... — нетерпеливо повторяла Стелла.

Движения ее были суетны, беспокойны. Она достала из духовки оба противня, и мы устлали их густым слоем мягких листьев.

Я запалил огонь, загнал противни в пазы и захлопнул духовку. Мы уставили друг на друга безумно счастливые глаза. Вскоре по кухне поплыл горьковатый дымок.

— Давай поглядим, — шепнула Стелла. — Может, готовы?

Мы потрогали листья. Они бугрились, шуршали, хрустели и вкусно трещали, как сухари. Впрочем, сейчас мы со Стеллой не променяли бы эти скрюченные, опаленные жаром листья не то, что на сухарики — не уступили бы ни листочка, ни прожилки в обмен на торт весом в тонну!..

Высыпав испеченные листья обратно в ведро, мы вновь уложили па горячие противни зеленое сырье. Но тут вошла встревоженная Айгуль, с подозрением поводя носом.

— Горит что-то, — обеспокоенно сказала она. — Что вы тут делаете?

— Печем,— ответил я и на глазах у изумленной сестры вставил снаряженные листьями противни в пазы духовки.

— Что это?! — ахнула Айгуль.— Это же... листья!

— Они самые,— подтвердил я.

— Ничего не понимаю. Вы печете... листья?

— Печем.— Я был невозмутим. — Понимаешь, очень надо. А эти, видишь, уже готовые,— я окунул руку в ведро, и оно тотчас отозвалось приятным хрустом.

— Не поломай! — испуганно дернулась Стелла. — Осторожно.

Айгуль отступила, бормоча:

— Ясно, опыт по ботанике... Так бы и сказал. А то — печем...

В больницу мы смогли прийти только к пяти часам. Обидно, конечно, что не с утра. Но что поделаешь — с утра уроки, а потом у них тихий час.

Дедушка Абдурахман — ура! — еще спал, когда мы втроем — со Стеллой и Стасиком — вошли в его палату на третьем этаже и осторожно высыпали вдоль всего прохода у его кровати листья из обеих ведер. ни с готовностью отзывались треском и шуршанием на малейшее наше движение, и хотелось умолить их, стуча пальцем по губам:

— Тише, милые, тише. Еще не время вам шуршать. Спите пока... Лежите спокойно...

— Вчера интересная история была,— шепотом рассказал Стасик.— Во время обхода... Профессор приехал со своими студентами, ужасно строгий, и потребовал, чтобы они побеседовали с больными и определили, что у них, болезнь какая.

— Диагноз называется! — с видом знатока вставила Стелла.

— Вот-вот... Потом подошли к деду. Стала одна студентка деда пытаться, вопрос за вопросом, а все никак не может профессору-своему угодить. А тот хмурится, недовольный, Двойкой пахнет, И точно: "Не видать вам зачета!— говорит он студентке,— Ходите вокруг да около, а ухватить не можете". Тут дед за нее и вступился.

— Не ставьте, говорит, девушке двойку, Это не она виновата, а война проклятая. Откуда же бедняжке знать, что у меня в плече железка еще с войны сидит, Не надо ей из-за того фашиста, что в меня этот осколок усадил, двойку ставить, очень вас прошу, уртак профессор.

И так разволновался, что профессор сдался.

— И что он ему сказал?

— Пообещал пожалеть, если дед обещает не нервничать. Ему ведь нельзя.

Я подошел к окну и по заранее условленному знаку во дворе больницы ожил духовой оркестр. Михаил Харитонович дирижировал, стоя впереди оркестра — лицом к окну. Казалось, он дирижирует окнами: форточки и стекла, повинувшись магии его дирижерской палочки, казалось, должны послушно хлопать, скрипеть и дребезжать. В распахнутые окна палаты вплыла мелодия вальса и закачала все вокруг, У меня закружилась голова. Мне показалось, что я никогда на свете не слышал музыки — чарующее, прекраснее, волшебнее этой. Губы сами шепотом листали слова:

С берез неслышен, невесом
Слетает желтый лист.
Старинный вальс «Осенний сон»
Играет гармонист...

Дрогнули веки дедушки Абдурахмана. Он открыл глаза, но лицо оставалось неподвижным. Дедушка Абдурахман словно оставался в тысячный раз повторяющемся сне, где он, старший сержант запаса, только что вновь и вновь подавлял упрямый и злой фашистский дзот, за который вспыхнул на его груди орден Красной Звезды. А может, снилось ему, что он сидит в кабине бульдозера и режет ухабы, тянет за собой дорогу. Но вот он разлепил губы и осторожно скосил глаза вправо, увидел внука Стасика и нас со Стеллой, молчаливо выпевающих одними губами вслед за мощно ворвавшейся в палату мелодией:

Вздыхают, жалуюсь, басы,
И словно в забытьи,
Сидят и слушают бойцы,—
Товарищи мои...

— Что это, ребята?— растерянно уронил дедушка Абдурахман.— Это же... Это же...— голос его задрожал.

— Мы поздравляем вас с днем рождения, — сказала Стелла.— От имени всей школы.— Стелла показала в окно.— Они тоже пришли. Специально разучили для вас. Оркестр. Хотите посмотреть?

Дедушка Абдурахман приподнялся на локте, спустил с кровати ноги, и тотчас же листья отозвались веселым, сочным треском Дедушка Абдурахман испуганно дернулся.

— Листья?! — потрясение прошептал он.— Это же осенние листья!

— Листья, дедушка, — зашептал и Стасик. — Не бойся, это листья. Осень пришла, дедушка. Сам видишь — осень. Все теперь будет хорошо. Ты же сам говорил, главное — успеть услышать листья. Слышишь их, слышишь?..

Дедушка Абдурахман подрагивающей рукой взял с тумбочки очки с толстыми, круто выпуклыми фарами стекол, снял со спинки стула пиджак с орденскими колодками и, накинув его поверх больничного халата, застегнул на все пуговицы. Стасик подскочил к деду и, придерживая за локоть, помог ему подойти к окну. Листья шуршали и трещали, вплетаясь в музыку вальса. Неслышные, невесомые листья, словно слетев в том немыслимо давнем прифронтовом лесу с остывающих после жаркого лета берез, бесконечно долго вальсировали в осеннем воздухе часы, сутки, десятилетия — и только сейчас, всласть накружившись, плавно легли па зеленый дощатый пол этой больничной палаты, устлав его, как осеннюю поляну, чтобы старый солдат, старший сержант запаса танкист Абдурахман Барханов, услышал их и вспомнил их, и поверил в новую весну.

Дедушка Абдурахман стоял у распахнутого окна, откуда больно била в упор, как из дзота, до слез ласковая музыка, а учитель Михаил Харитонович поднимал песню в атаку и вел бой, чтобы вырвать из плена дедушку Абдурахмана.

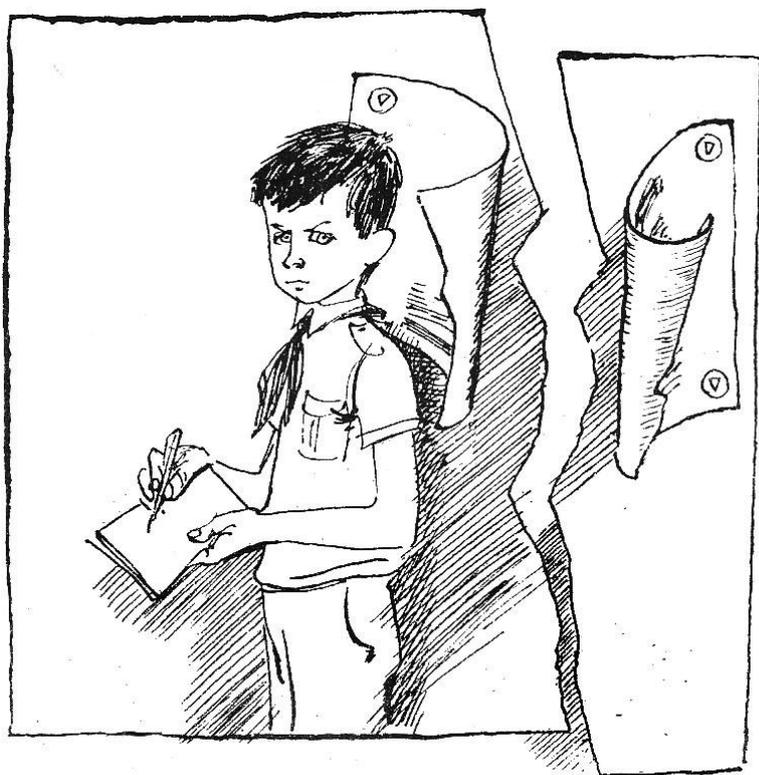
Старший сержант запаса Абдурахман Барханов стоял у окна, высоко подняв голову и, сильно шурясь, вглядывался в незримую быль — поверх оркестра, поверх все еще зеленых, живых садов, поверх тяжелых, с танк величиной облаков, нахлобученных на острые верхушки тополей, что встали цепью у горизонта — словно готовились взмыть в безудержную штыковую и пронзить облака, бесцеремонно оккупировавшие голубую высь, и только ждали боевого приказа, чтобы немедленно проучить захватчика.

Старший сержант запаса Абдурахман Барханов, стоя у окна, принимал парад у музыки и у своей давней фронтовой юности.

А когда оркестр умолк и мелодия, призвавшая к окнам больницы десятки ходячих больных, вновь улеглась отдыхать в меди полыхающих на солнце инструментов, дедушка Абдурахман, так и не шелохнувшись, тихо сказал:

— Стасик... Стелла... я слышу... Слышу листья...

ТРЕЩИНА В ПЕРВОЙ КОЛОНКЕ

— А что если здесь, в пустующей первой колонке стенгазеты, поместить воспоминания участника войны?— подумал я.

— Хорошая идея! — сразу же согласился Сервер Мамбетов и хлопнул крышкой парты. — Давай спустимся в библиотеку. Это же секундное дело! И никаких хлопот...

— Зачем в библиотеку?— удивил я Сервера.

— За воспоминаниями, конечно,— Сервер окинул меня взглядом, в котором читалось недоумение. Он как бы говорил сейчас сам себе: вот не думал, что редактор нашей стенгазеты такой бестолковый и непонятливый...

Но вслух он произнес совсем другое:

— Попросим у библиотекаря какую-нибудь книгу фронтовых воспоминаний и перепишем кусочек. Можно еще из газеты. В газетах часто такие материалы печатают. «Бойцы вспоминают минувшие дни...» — что-то в этом роде.

— Не пойдет! — возразил я.— Нужно другое... Нужно, чтобы это был наш ветеран, свой, поселковый. Как думаешь, Стасик?

Стасик Барханов был третьим, кому совет отряда поручил выпустить стенгазету, посвященную Дню Советской Армии. Для того мы и остались после уроков, чтобы наутро газета висела на стене — ведь праздник уже завтра.

— Прав Володя,— сказал Стасик. — Давайте с моим дедом посоветуемся. Он подскажет...

— Слушай!— обрадовался я.— Не надо никаких его подсказок. Ведь твой дед в войну был танкистом, так?

— Танкистом!— подтвердил Стасик и не без гордости добавил: — Старший сержант запаса!

— Вот и говорю!..— продолжал я, словно спохватившись. — Давай запишем воспоминания не кого-нибудь, а твоего деда. Случай фронтовой запишем. Интересно ведь, а?

А газета была почти готова. Оставалось заполнить лишь первую колонку.

И мы отправились за этой колонкой к Стасику домой. Портфели и рулон оставили в классе, решив, что вернемся сюда через часик-другой, чтобы довершить дело и прикрепить газету к стенду. Захватили с собой лишь тетрадку с ручкой — воспоминания бойца записывать.

Но во дворе дедушки Абдурахмана не было. Обычно он возился в саду.

— Чай пьет, — со знанием дела сказал Стасик. — Зеленый. Девяносто пятый. Около телевизора. Наверное, что-нибудь про войну показывают.

Но не оказалось деда и на застекленной веранде, у ступенек которой стояло два ведра, прикрытых листом фанеры. Телевизор скучал в углу, невостребованный. Стасик толкнул дверь, ведущую с веранды в комнату, и окликнул тишину:

— Дедушка, ты где-е?..

До нас донесся приглушенный голос из спальни.

— Уснул, что ли? — удивился Стасик. — Странно. Он к тихому часу не привык.

Мы протиснулись в спальню. Дедушка Абдурахман полулежал на двух высоких подушках поверх цветного одеяла. Он был в полосатом халате, в руках держал толстый альбом, а по одеялу рассыпались десятки фотографий.

— Дедушка, ты чего? — насторожился Стасик. — Заболел, что ли?

Дедушка Абдурахман как-то виновато улыбнулся и постучал пальцем в плечо.

— Колет? — догадался Стасик, — Осколок фронтовой опять беспокоит?..

Он поправил сползающие подушки и наклонился к деду:

— Тебе удобно?

— Все хорошо... Пройдет... А я вот фотографии посмотреть решил, вспомнить. Как праздник военный подходит — тянет меня к этому альбому, тянет. Душа болит, сердце ноет... А посмотрю снимки, загляну в глаза фронтовых друзей — и полегчает, отпускает. Это как переключка наша боевая. Я их окликаю и они меня тоже. И живые, и...

Абдурахман-бобо умолк.

Я подтолкнул Стасика локтем: говори, мол, самое время.

Стасик понял, сел на край кровати и сказал:

— Дедушка, ты помоги нам, ладно?

— А что случилось, сынок? — сынками он называл всех — и собственного сына, и внуков, и всех нас — друзей Стасика.

— У нас задание — газету надо повесить завтра ко Дню Советской Армии.

— Хорошее дело!— кивнул дедушка Абдурахман. — Доброе дело. А я вам зачем?

— Колонки у нас не хватает. Первой колонки. Понимаешь?

— Вот и допишите, если не хватает.

Тут я не выдержал, уж больно долго Стасик раскачивался.

— Помогите нам, дедушка Абдурахман!— взмолился я.— Без вас у нас ничего не получается.

— Это как же?

Я с готовностью объяснил:

— Мы не простую колонку задумали, а чтобы живой она была.

— Живой?

— Ну да. Бойцы вспоминают минувшие дни... Понимаете?.. Воспоминания чтобы ваши...

— Мои воспоминания?..— вздохнул дедушка Абдурахман.

— Ваши — подтвердил я, торопясь убедить Абдурахмана-бобо согласиться и рассказать нам какой-нибудь потрясающий эпизод. Я уже представил, как завтра сгрудятся все наши у этой колонки.

— Газету эту завтра будут все читать,— весело добавил я.— Мы ее сегодня вечером допишем и повесим.

— Завтра, дедушка, у нас будет сочинение!— подхватил Стасик.

— А тема какая? — спросил дед.

— Праздничная. «Памяти павших будьте достойны».

Дед поднял на него глаза;

— Праздничная, говоришь, тема?

Стасик, поняв, что сказал не так, заметался:

— А как же, дед? Завтра праздник. Так ты помоги нам, ладно? Вспомни что-нибудь. Ведь войну не забывают, правда?

Абдурахман-бобо не ответил, собрал разбросанные по одеялу фотографии и стал их перебирать, вглядываясь в каждую и молча думая о чем-то. Молчали и мы. На моих коленях наизготовку лежала тетрадка, куда я собирался записать воспоминания танкиста.

Наконец Абдурахман-бобо протянул нам одну из фотографий.

Перед двумя грозными танками, увешанными для маскировки густыми ветками, стояли, обнявшись, два танкиста. Одного из них мы узнали сразу — это был сам дедушка Абдурахман. Но, конечно, еще не дедушка, а молодой улыбчивый парень. Второй был незнаком нам.

— Это Гияс,— тихо сказал дедушка Абдурахман.— Гияс Абдуганиев. Брат мой фронтовой. Тот самый...

— А где он сейчас?— выпалил Сервер и осекся, заметив, как побледнел дедушка Абдурахман, как дрогнули его брови.

— Под Прохоровкой он, сынок. Под Прохоровкой. Слыхал о такой?

Сервер напрягся и судорожно закивал:

— Да-да! Слыхал... Я в кино видел... Там танки воевали... Одни только танки... Самое большое танковое сражение. Верно?

— Верно, сынок. Так было. Вот там Гияс и остался... Его машина впереди моей шла. Прямое попадание... Загорелся как свечка... Может, враг в меня целился... Выходит, заслонил он меня, Гияс. Танком своим заслонил. Собой заслонил.

Абдурахман-бобо умолк, взял снимок, молча кивнул, будто спрашивал о чем-то Гияса, глядевшего на него со снимка, и сказал:

— Перед тем боем сфотографировались. Корреспондент из дивизионки снял.

— Для газеты?— спросил я.

— Нет, так просто. Гияс его уговорил. На память. Вот у меня и хранятся оба снимка.

— Почему оба?— встрепенулся Сервер.

— А тебе непонятно? Снимки корреспондент тот где-то через месяц привез, по случаю. Для нас обоих привез. Оба мне и остались,— и он показал второй снимок.— А что, сынки, не слыхали о таком? Об Абдуганиеве Гиясе, говорю, впервые что ли слышите?

Мы смущенно переглянулись. Нет, не слыхали мы о таком герое. Вот рассказал о нем дедушка Абдурахман — и узнал немного.

Абдурахман-бобо сунул снимки в альбом, положил его на тумбочку и спросил:

— Сочинение, значит, писать собираетесь завтра?

— Сочинение, дедушка! — подтвердил Стасик.

— Как, говоришь, название его?

— «Памяти павших будьте достойны».

— А готовились?

— Конечно, дедушка. Книжки про героев прочитали. Нам эту тему Эммануил Львович еще месяц назад сказал. И список книжек дал про погибших. Чтобы каждый про кого-нибудь прочитать успел.

Абдурахман-бобо, кряхтя, приподнялся с подушек и спустил ноги на палас.

— Молодцы, — сказал он.— Молодцы, что готовились.— В голосе его, впрочем, не было радости и тепла, а сквозила какая-то горечь и грусть.

— Не удивляйтесь, сынки. Я ведь тоже готовился к этому дню... и этому сочинению,— продолжал он, изумляя нас тем, что говорил.

Он сунул ноги в шлепанцы, морщась, встал и пригласил следовать за ним.

— Да-да, я тоже готовился... Пошли, покажу.

Мы вышли на веранду. Абдурахман-бобо спустился по ступенькам и зачем-то поднял фанерку, прикрывавшую ведра.

— Вот моя подготовка,— сказал он.

Ведра были полны доверху. В одном ведре был песок, во втором — цемент. Дедушка Абдурахман вновь прикрыл их фанеркой.

— Что это? — не выдержал я, теряясь в догадках.

— Сказал же. К сочинению готовлюсь. Как и вы.

— К-какое... с-сочинение?

— Именно это. Памяти павших...

Удивительно ли, что все мы испуганно молчали, в недоумении переводя взгляды с ведер, укрытых фанеркой, на спокойное и грустное лицо дедушки Абдурахмана. Наконец он сказал:

— Непонятно, да?

— Честно говоря, не очень,— признался я.

— Значит, придется объяснить подробнее, — вздохнул дедушка Абдурахман и, стряхнув шлепанцы, сунул ноги в туфли и принялся зашнуровывать их. Управившись с этим, он молча двинулся к воротам. Мы послушно последовали за ним, гадая, куда он ведет.

Путь, впрочем, был недолог. Дедушка Абдурахман привел нас к центру поселка и остановился у серого обелиска с выбитыми в граните именами. Бронза имен порыжелела, выцвела, но читать было можно.

Это был памятник землякам, не вернувшимся с войны.

— Вот здесь...— тяжело сказал Абдурахман-бобо.— Здесь буду Я завтра писать сочинение. Вот ваше, к примеру, кто будет проверять?

— Эммануил Львович,— ответил вконец обескураженный Сервер.— Учитель.

— А мое сочинение память проверит. И друг мой тоже... Читайте шестую строчку.

Мы глянули на рыжие ложбинки и разобрали: «Абдуганиев Гияс». Гияс?! Абдуганиев?! Неужели тот самый танкист с фотографии?

— А разве он из нашего поселка?— вскричал Сервер.

Надо же! Сотни раз проходили мимо памятника, да так и не удосужились толком прочесть на нем имена.

— Земляк... Мы до войны в одной бригаде работали. Оба трактористами были. А до Берлина я один допахал. А после войны уже пересел на бульдозер. Вот как вышло, сынки.

— А мы и не знали...— протянул я.— Может, и родственники его еще живут здесь. Не знаете?

— Сестра живет. Ханифа-апа. Двоюродная...

Ханифа-апа!.. Надо же. А ведь наша Замира Артыкова шефствует над ней. Ну и тимуровец! Даже не знает, что брат Ханифы-апы — герой. Нехорошо вышло...

— А ведра те зачем?— не выдержал Сервер, теряясь, как и мы, в догадках.

Дедушка Абдурахман показал на край плиты, на которой стоял обелиск:

— А вы сами гляньте — трещина тут. Вода просачивается. Скоро отвалится этот угол, если не привести в порядок. Давно вижу — растет трещина, растет... Вот и решил я — завтра, в самый праздник, и подлатаю плиту. А разве вы сюда не придете завтра?

— Как же!— воскликнул я.— Всею школой. Цветы принесем... Гирлянду славы возложим. Ритуал у нас!

— В пионеры малышей примут!— вставил Сервер.— Каждый год ведь здесь собираемся.

— Вот и я приду,— тихо сказал дедушка Абдурахман.— Для цветов, правда, рук не хватит — только ведра и принесу. Песок и цемент. А вода тут есть — вон, в арычке. Я заранее присмотрел, что да как можно сделать.

Вечерело. Стасик с дедушкой пошли домой, а мы с Сервером повернули в школу. Разговаривать не хотелось. На душе было неспокойно. Рулон стенгазеты лежал на столе — одним концом на наших с Сервером портфелях, составленных как сошки миномета. Этот рулон, нацеленный одним концом в потолок, был похож на ствол орудия — умолкший, безъязыкий ствол. Мы развернули его и глянули на все еще пустующую первую колонку.

— Что будем делать? — мрачно спросил Сервер. — Заполнять надо. Нельзя, чтобы осталось пустое место.

— Чем заполнять? — отозвался я.

— Может, запишем рассказ дедушки Абдурахмана? Мы же так и хотели. А что? Боец вспоминает минувшие дни... Напишем все про его боевого друга и нашего земляка Гияса Абдуганиева. Хорошо ведь?

— А про все напишем? — сощурился я.

— Конечно, про все! — воодушевился Сервер. — Он же герой. Танкист. Он, можно сказать, танк Абдурахмана-бобо собой заслонил. Ты же сам слышал.

— Слышал... — кивнул я. — А про плиту тоже напишем? И про трещину?

Сервер, лицо которого еще мгновение назад горело воодушевлением, вытянулось.

— Разве про это можно писать?.. — с упреком протянул он. — Это же первая колонка. Разве ж можно тут про трещину писать?

— Ну и что с того, что первая? — разозлился я. — По-твоему, про трещину можно писать только в разделе «Веселая смесь?»

Сервер покачал головой и процедил:

— Я... так... не считаю... Но... не знаю...

Мы просидели еще час, так ничего и не решив. Уходя, прикрепили газету к стенду.

Первая колонка по-прежнему оставалась пустой.

... Ночью мне приснилась трещина.

Я увидел ее на плите под обелиском. Она была едва заметной, крохотной. Казалось, ее можно залепить пластилином и легко сделать невидимой. Потом стало холодно. Полил дождь, посыпал снег, мороз застудил воду, затекшую в трещину, и ледовый клин стал кормить и разрывать ее.

Я увидел — трещина вдруг поддалась, прыгнула с плиты, переползла на землю и, вгрызаясь в нее, стала пучиться, расти и красться к моим ногам. Я в страхе отступил — трещина не отставала. И вот я уже бежал... Летел, не разбирая дороги — к школе, скрыться в ее четырехэтажной крепости. Но трещина, будто живая, будто зрячая, гналась, змеилась за мной, и вот уже вползала в вестибюль... вот уже подкрадывалась к школьному звонку... повалила стену вместе со звонком...

... И он зазвенел, залился — тревожно, набатно.

Я в ужасе проснулся и утопил кнопку разбудившего меня будильника. Жаль, не было нигде под рукой еще и кнопки, нажав на которую можно было бы утихомирить жутко колотящееся сердце.

Выпив чаю, я вышел на улицу, и ноги сами повели меня не в школу, а к дедушке Абдурахману. Уже у его ворот я неожиданно столкнулся с Сервером.

— Ты чего? — удивился он.

— А ты чего? — мрачно спросил я. Мы мгновение помолчали.

— Успеем? — спросил он.

— Должны, — ответил я.

— Сочинение на втором?

— Йес! — кивнул я. — Первый — английский.

— Попадет нам от Тамары Петровны, — обреченно уронил Сервер. — Опоздаем мы на англиш. А то и вовсе пропустим.

— Оф коз попадет! — подтвердил я. — Обязательно. Бат ви маст. Должны мы, говорю...

— Конечно, маст, — согласился Сервер, заулыбавшись, и мы ринулись к ведрам у лесенки.

Дедушка Абдурахман стоял на веранде, прилаживая к пиджаку ордена. Увидев нас, он хмуро спросил:

— Что, сынки? Опять пришли за первой колонкой? Так и не заполнили свою стенгазету?

— Что вы, дедушка! — хором воскликнули мы, и уже один Сервер продолжил:

— Мы за песком пришли. И за цементом. Можно?... Можно мы сами?

А я добавил:

— С праздником вас! Не болейте!

Абдурахман-бобо, растирая плечо, заулыбался:

— Помочь решили? Ну, молодцы. А я Стасика хотел с собой взять. Чтобы одно ведро помог донести. Что-то плечо никак не проходит. Тяжело...

— Вы не беспокойтесь! Мы сами.

И подхватив по ведру, мы заспешили к воротам.

— Я за вами! — крикнул нам вслед дедушка Абдурахман.— Сейчас приду. Вы не спешите, вместе сделаем... Замешивать знаете как? Один к двум. К дву-у-ум...

В эту рань у обелиска еще никого не было. Кроме Ханифы-апы. Она принесла с собой пустое ведро и, набрав в арыке воды, налила ее в металлическую вазу перед обелиском и поставила цветы.

— Дайте ваше ведро, Ханнфа-апа, — взмолился Сервер.— Не бойтесь, мы его потом вымоем. Нам

раствор разводить надо:

Замесив раствор, мы залили трещину, упрятав ее под надежной цементной шубой. Когда мы уже домывали ведро Ханифы-апы, подошел дедушка Абдурахман. Он нес портфель Стасика, а Стасик — банки, кисточки и еще что-то в сетке.

— Бронза! — объявил Стасик, а дедушка Абдурахман достал из кармана фото — то, вчерашнее, с танкистом Гиясом — и протянул его мне.

Дедушка Абдурахман и Ханифа-апа стояли у обелиска и молча смотрели, как мы втроем, споро и красиво, покрывали свежей бронзовой краской имена, выбитые на обелиске. Стасик был просто молодчина — догадался захватить сразу три кисточки. Когда мы добрались до шестой строчки, дедушка Абдурахман дрогнул и попросил:

— Гияса не трогайте. Я сам...— он взял кисточку у Стасика и принялся старательно покрывать бронзой дно букв...

Мы подходили к двери класса, когда звонок оповещал о конце первого урока. Из дверей вылетела Катя Суровцева. Увидев нас, остолбенела, потом всплеснула руками:

— Ой, вы почему прогуляли?

— Надо было...— обронил я.— Трещину перешагивали.

— Какую еще трещину?— отступила на шаг Суровцева.— Овраг, что ли?

— Овраг,— согласился я.

— Не надо врать-то! — рассмеялась Суровцева.— У нас ни одного оврага нет. Сплошные асфальты.

И добавила:

— Ух, и попадет же вам сейчас!

— От Тамары Петровны,— я вздохнул.— Мы объясним ей... Постараемся объяснить...

Суровцева всплеснула руками:

— Да вы же ничего не знаете! Мы сейчас сочинение писали.

— Сочинение?!— дрогнул я.

— Ну да! Памяти павших... Я первая сдала,

— Но первый же — английский! — не выдержал Сервер.

— Они поменялись. Тамара Петровна почему-то попросила.

Все еще не веря услышанному, я осторожно заглянул в класс. Так и есть — сидя за столом, Эммануил Львович складывал в стопочку листочки, которые сдавали ему ребята. Увидя нас, он нахмурился и, строго оглядев наши растерянные физиономии, спросил:

— Почему прогуляли? Где ваши сочинения?

И тогда я открыл портфель, достал фотографию, которую подарил нам у обелиска дедушка Абдурахман, отвинтил тюбик с цепким клеем «Феникс», подошел к нашей стенгазете и молча приклеил снимок на пустующую первую колонку,

— Вот...

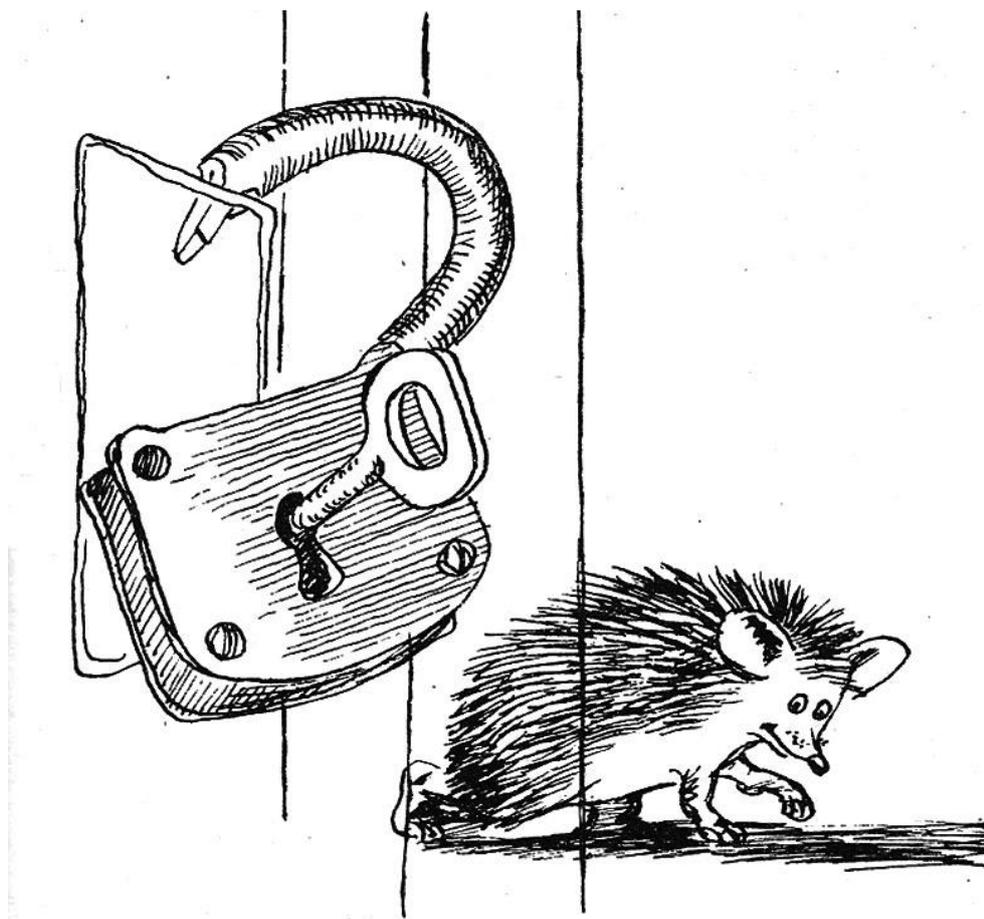
Еще вчера вечером первая колонка, пустынная как нейтральная полоса, казалась нам с Сервером странной и пугающей трещиной, разделившей стенгазету на две половины. Сейчас на ней жили друзья — фронтовые братья Абдурахман и Гияс. Они стояли, обнявшись, близ своих танков. Живые. Вечные.

Позади весело пели мирные предвоенные моторы их тракторов.

Рядом с ними — закипала и торопила в бой жатва — кровавое и великое поле Прохоровки. Поле Славы, поле Памяти.

Впереди, в победном далеке, танкисты видели колоссящиеся колхозные нивы, небо, отвоеванное ими у пороха, копоти и огня, и нас, спешащих в прекрасные классы, где на чистой доске твердый мелок учителя выводит гордые и святые слова: «Памяти павших будьте достойны!»

ЦАРЕВНА НЕСМЕЯНА

Тайна могла раскрыться в любое мгновение. Стасик шел по ее следам и был близок к успеху.

Сомнений не оставалось — ведь похититель ежа (а наверняка это он!) оглянулся дважды. Значит, проверял — не следят ли за ним... Стасик похвалил себя за собранность — оба раза успел спрятаться. Таясь за стволами деревьев и спинами прохожих, Стасик Барханов не спускал глаз с рослой фигуры Васьки Кулакова. Сейчас, когда мы окончательно зашли в тупик и уже не знали, где искать пропажу, Стасик, убежденный, что к случившемуся скорее всего причастен Васька, терпеливо следил — не выдаст ли сам Васька местонахождение исчезнувшего ежа.

Ведь ясно, что ежа надо было где-то тайно содержать и подкармливать, чтобы он попросту не угас к нужному часу, когда от него потребуется бравый товарный вид. Иначе покупатель может и отказаться от хилого колючего шарика. Да и колючки протянут недолго без питания... А наш любимец еж, похищенный столь внезапно, пожевать любил. Его смешные глазенки словно спрашивали: принесли что-нибудь вкусненькое? Было ясно, что ни дома, ни во дворе Васька (если это все-таки он!) не станет держать похищенного — слишком просто было бы тогда разоблачить похитителя и вызволить ежа...

Но где же, где держал он ежа?..

Вот почему Стасик, командир отряда юных друзей милиции, решил набраться терпения и незаметно последить за Васькой, чтобы похититель сам вывел его на зверька...

Это произошло позавчера. Еще накануне еж преспокойно гулял в своей просторной клетке в живом уголке и любезно позволял угощать себя лакомством. На другой день еж бесследно исчез, и первым это обнаружил наш ботаник-биолог Александр Григорьевич. Он сообщил об этом, не поднимая глаз — либо ему было стыдно за нас, либо он нас в эту минуту попросту тихо ненавидел.

Слушая учителя, мы пришли в ужас.

Выходит, кража все-таки произошла? Выходит, Замирка Артыкова была права? Но зачем же, зачем накануне рассказала она на уроке услышанное от Ханифы-апы?! Ведь не перескажи Замирка этого — и не пропал бы еж. Ни за что бы не пропал...

На том уроке Замира вдруг сказала:

— А ежи, оказывается, очень полезные!

— Верно,— кивнул Александр Григорьевич.— Они мышей ловят. Больных, слабых. А те, что здоровые и сильные — и сами лесу и степи полезны. В природе нет ничего лишнего и случайного.

Но Замирке этого было мало, ибо то, что она узнала от бабушки Ханифы, требовало немедленного выхода.

— Мясо у ежей, оказывается, волшебное!— сказала Замира.— Ни за что бы не подумала.

— Вкусное, что ли?— спросил Мубар Ахмедов, по прозвищу Грызун.

— Тебе лишь бы пожевать!— махнула рукой Артыкова. Грызун обиженно фыркнул, а Замира продолжила: — Бабушка Ханифа вчера рассказала... Она про животных кучу разных историй знает. Мясо у ежа, говорит, целебней любого лекарства. Простуду лечит, легкие как новые от него становятся.

— А зуб можно ежом вылечить? — хохотнул Васька.— А то у меня дупло.

Замира гневно сверкнула глазами и запальчиво проговорила:

— Зря смеешься, Васенька! Если хочешь знать, за ежами, оказывается, специально охотятся, чтобы скорее выздороветь. Знаешь, сколько еж стоит? — она выдержала эффектную паузу и уронила:— Сто рублей! Понял? Кому надо — денег не пожалее.

У Васьки вытянулось лицо.

— Сто рублей...— прошептал он потрясенно.— А не врешь?

— Говорю же — бабушка Ханифа рассказала.

— А кто тебе столько денег за ежа отдаст? — упорствовал дотошный Васька.— Где, спрашиваю, такого покупателя найдешь?

— Очень просто! — спокойно ответила Замира.— Бабушка Ханифа говорит, что покупатели сами ищут того, кто бы им ежа продал. Если хочешь знать, на любом базаре ежа выхватят в секунду.

— Здорово!— восхитился Васька.— Сто рублей... Вот бы не подумал.

Замира молчала, торжествуя победу.

Александр Григорьевич улыбался. Его забавляла научно-финансовая перепалка одноклассников. Сказал примиряюще:

— Не стану комментировать утверждение о лечебных свойствах ежатины. Неловко как-то говорить об этом. Неужели кому-нибудь из вас может прийти в голову мысль... Ну, вы меня понимаете. Это ведь все равно, что подстрелить лебедя или аиста. Вон какой славный ежик живет у нас. К нему ведь, случается, и с дурным настроением подойдешь. А покормишь его, посмотришь на его забавную мордашку — и словно выздоровел в минуту. Конечно, природа лечит. Но ведь не обязательно мясом! Пейзажем она лечит, свежестью своей, да и просто тем, что живая, Понимаете — живая!

Ушел он от разговора, ушел.

А еж пропал. И, по-видимому, в тот же день...

Ежа в сентябре подарил школьному живому уголку Алишер — водитель автобуса. Он ослепил ежа фарами, когда возвращался затемно из Ташкента. Еж испугался рычания мотора и света фар и, свернувшись колючим мячиком, улегся на шоссе прямо перед капотом неведомого и страшного зверя, остро пахнувшего бензином. Впрочем, о том, что это запах бензина, еж, конечно, не знал.

Алишер вышел из кабины с синим пластмассовым ведром, из которого поил мотор водой, вкатил туда ежа и прямо в ведре принес утром в школу.

Когда Александр Григорьевич сообщил на другой день, что еж исчез, в классе воцарилась страшная тишина. Мы понимали, почему учитель пришел с этой печальной вестью именно к нам, а не в другой класс — ведь это у нас была беседа о цене ежового мяса. Я глянул на Замиру — она опустила голову и, наверное, предпочла бы сейчас быть не ученицей, а крышкой от парты. Я догадывался: Замирке сейчас, конечно, хуже всех. Она ругает себя, что затеяла вчера этот дурацкий разговор, и в результате кто-то позарился на драгоценного нашего ежа.

Но кто же?

Вспоминая вчерашнюю перепалку Замиры и Васьки Кулакова, можно было предположить, что это, быть может, его работа. Неужели решился на такое? Невероятно... Впрочем, разве это не похоже на Ваську? Вообще-то похоже...

По-видимому, о том же в эти неприятные минуты размышляли и все остальные. Потому что вскоре наши взгляды сошлись на Ваське. Почувствовав это, он поежился и с вызовом бросил, оглядываясь по сторонам:

— Эй, вы чего? Чего так на меня смотрите? Словно это я вашего ежа утащил.

— Нашего! — уточнил я. — Общего, между прочим.

— Да хоть какого. Нужен он мне больно. Я простудой не болею, мне ваш-наш ежик ни к чему. Я до зимы на улице под краном купаюсь, ясно? Мне от простуды лечиться не нужно. Уставились тоже...

— А деньги? — зловеще спросил Стасик.

— Какие деньги? — испугался Васька.

— Сто рублей — вот какие! Ежик сто рублей стоит.

Васька, мигом поняв, к чему клонят, растерянно залепетал:

— Ребята, да вы что... Не брал я ежа, не брал. Хотите — домой ко мне идите, ищите...

Александр Григорьевич прекратил наш спор и взаимные упреки и подозрения.

— Разберитесь сами, — сказал он. — Но смотрите, чтобы еж завтра снова был на месте.

После уроков Васька, хлопнув партой и обиженно шмыгая носом, вылетел в коридор. Шли домой вчетвером — я, Сервер Мамбетов, Стасик Барханов, Замирка. Замира молчала, будто еж по языку ее прокатился. Сервер возбужденно махал левой рукой и доказывал:

— Нужна собака!.. Она бы сначала клетку обнюхала, а потом каждого в классе!.. Живо нашла бы, кто похоже пахнет...

— Угадай-ка, — прервал я его, — кого бы та хитроносая собака поймала?

— Вора, конечно, — ответил Сервер.

Стасик промолчал и только пытливо зыркнул на меня, подозревая подвох.

— Столяра школьного она бы облаяла! — объяснил я. — Он клетку для ежа делал, вот кто больше других клеткой и пахнет.

— Значит, Васька... — протянул Сервер. — Больше никому. Вы припомните, кто больше всех ежом заинтересовался. Продать он его решил — точно вам говорю. Или уже продал.

— А на что ему такие громадные деньги? — спросил Стасик.

Сервер посмотрел на Барханова как на лунатика:

— Велик новый купит! Да что угодно. Деньги ведь. Сто рублей!..

— А кому он ежа продаст? — сощурился Стасик. — Если в поселке, то мы все равно об этом узнаем.

— Почему именно в поселке? — возразил Сервер. — Может и в Ташкент увезти. В воскресенье, например. Или после уроков. Замирка ведь сама сказала, что ежа можно на любом базаре в момент продать. Верно, Замира?

Артыкова шла, словно во сне.

— Чего молчишь? — обиженно вскинулся Сервер.

Замира не ответила и на этот раз. Ясно, переживала, что все это случилось в общем-то из-за ее вчерашнего рассказа о волшебном, жутко целебном мясе ежа.

Мы дошли до чайханы. Отсюда наши пути расходились. Мы топтались в нерешительности.

— Что будем делать? — протянул наконец Сервер. — Жалко ежа.

— Жалко... — вздохнул я.

— Жалко... — подтвердил Стасик. И только Замира промолчала.

— Последить за Васькой надо, — убежденно сказал Стасик. — Держит он его, конечно, не дома. Слыхали сами — он нас и домой приглашает. Значит, не боится. Потому что не дома держит ежа, не дома...

— Следить? — спросил Сервер. — А если он заметит?

— Надо незаметно, — сказал Стасик. — По очереди. Выследим! — в его голосе звенела убежденность. — Все равно пойдет проведать пленника и покормить. Нужно узнать, где тайник.

— Кто начнет? — деловито спросил Сервер.

— Давайте я! — вызвался Стасик.

Мы договорились, как станем сменять друг друга, и отправились по домам — завтра каждый из нас должен был принести сочинение на тему «Моя любимая профессия». Его план нам продиктовал Эммануил Львович.

Стасик остался на посту. Получилось у него вот что...

Он выждал момент, когда Васька вышел из калитки и решительно заспешил куда-то. Стасик осторожно двинулся следом. Вскоре Васька Кулаков зашел в гастроном и свернул в дальний его угол, к мясному отделу. Стасик скользнул в магазин и, спрятавшись за тумбой, стал наблюдать за Кулаковым.

То, что увидел Стасик, поразило его. Васька, задрав голову и уперев руки в бока, прилежно изучал красочную схему, висевшую над пнями для рубки мяса.

Это была схема разделки туш. Говяжьих и бараньих. На схемах безголовые туши были расчерчены на многоугольники и напоминали план местности, сделанный с помощью аэрофотосъемки. На треугольниках, квадратах и овалах — цифры, означавшие, к какому сорту относится данное место на плане коровы или барана.

Итак, Васька изучал схемы разделки туш! Занятный интерес...

Сердце Стасика сжалось как кулак... Это ли не момент разоблачения?! Это ли не триумф его, Стасика, интуиции? Ведь ясно теперь, что Васька решил спрятать концы в воду — то есть избавиться от главной улики, от ежа. Он попросту решил освежевать его, а целебное мясо незаметно продать. И, наверное, рассудил, что самые ценные места совсем одинаковы — что у коров, что у ежей. Потому и изучает схему, будто ему по ней завтра экзамен сдавать.

Медлить было нельзя. Убедившись, что из гастронома Васька все тем же бодрым шагом возвращается домой, Стасик поспешил сообщить нам о своем наблюдении. Ведь надо было действовать стремительно — похоже, жизнь ни в чем не повинного ежа висела на волоске.

Военный совет мы вновь проводили на тахте у развилки. Все решили молниеносно: идем напрямиком к Ваське! Нельзя давать опомниться юному любителю разделки ежей. Берем Ваську с поличным!

— Может, я не пойду? — взмолилась вдруг Замира. — Мальчики, идите без меня, а?

— Все пойдем! — отрезал Стасик. — Чем больше свидетелей, тем лучше. Чего это ты от коллектива отбиваешься?

— Я? — испугалась Замира. — Я как все...

И мы двинулись к дому Кулакова.

Увидев нас вчетвером, Васька и бровью не повел. Не испугался, не растерялся и даже не удивился. Его выдержке хоть позавидуй. Васькины нервы будто из алмаза. Можно сказать, почти разоблачен, а как уверенно держится...

— Где еж? — спросил Стасик, сверля Ваську взглядом насквозь.

Но алмаз не спешил крошиться. Васька рассмеялся.

— Вот пристали! — хохотнул Кулаков. — Сказал же вам, что не брал. Ну и люди! Ищите сами, если не верите. Ищите, ищите — дома никого нет. Отец на работе...

— А еж? — сощурился я.

— У ежа и спросите! — вывернулся Васька.

— И спросим! — заверил Сервер. — Найдем и спросим.

Васька развел руками, уселся на стол, поставив ноги на табурет, и сказал:

— Желаю успеха! Давайте, давайте — а я погляжу. Валяйте обыск, сыщики-разыщики.

— Потыше ты! — осадил его Стасик. — Помалкивал бы лучше.

Мы огляделись. Где искать ежа? Куда мог его упрятать Васька? Если учесть, что он явно собирался разделать ежа по схеме, которую так старательно изучал совсем недавно, то, вполне вероятно, еж сейчас был где-то здесь или в сарае. Но где? И хотя сам Васька охотно приглашал нас искать ежа, было, честно говоря, жутковато рыться в чужом доме. Мы-то знали (кто же этого не знает, хотя бы из кино!), что настоящий обыск — дело не такое уж простое. На него разрешение нужно иметь, никак не иначе. Даже к закоренелому и явному преступнику приходят с ордером, чтобы все было по закону, а не по злобе на него. Хоть сто раз уверен, что краденая вещь у него, а все равно получи-ка сперва разрешение. Никакого ордера на обыск у Васьки у нас, конечно, не было. Мы переминались с ноги на ногу, подталкивали друг друга локтями и робко озирались.

— Ну что же вы! — взбадривал нас Васька и гулко хлопал себя по коленям. — Что стоите, раз уж пришли за ежом своим. Хватайте его скорее и уходите.

Он откровенно вышучивал нас, насмехался, видя нашу нерешительность, робость. Как же — отлично понимал, что не станем мы сами ходить по чужому дому с самовольным обыском. Первой сдалась Замира.

— Мальчики... — робко пискнула она. — Пойдемте отсюда... Пожалуйста...

— Никуда не уйдем! — решительно отрезал Сервер. — Пока сам не отдаст — не уйдем.

— Вот и отлично! — хохотнул Васька. — Значит, школу не закончите. До конца десятого класса здесь стоять будете из-за своего ежа.

— И будем! — спокойно кивнул Сервер. — Хоть до пенсии. А ежа отдай. Говори, Стасик! — он резко обернулся к Барханову. — Рассказывай, что видел в гастрономе. Давай!

При этих словах Васька Кулаков вздрогнул. Алмаз, похоже, начинал плавиться. Ничего. Ничего, — подумал я, — сейчас ты у нас станешь шелковым. И тоже подмигнул Стасику:

— Давай про гастроном.

Но тут снова удивила Замира. Она жалобно уронила:

— Мальчики, давайте не будем... Нехорошо ведь... — и осеклась под нашими суровыми взглядами.

Три взгляда, будто три клинка, сошлись на ней, и она осеклась. Удивительно! С девчонками не алмаз дробить, а разве что бумагу жечь. Ну и соратница! Мешает делу в самый неподходящий момент. У такой растяпы, ясное дело, из-под носа не то что ежа — стадо коров можно увести...

Стасик не замедлил приступить к делу.

— Что ты делал в гастрономе? — сурово спросил он.

— Ого! Следил, что ли, за мной? — удивился Васька.

— Речь не обо мне, а о тебе. Выкладывай.

Васька с ехидцей спросил:

— А сам не знаешь, зачем люди в гастроном ходят?

— То — люди, покупатели.

— А я кто, по-твоему?

— Не увиливай. Ты без сетки ходил.

— Правильно. Зато с глазами и ушами.

— А на схему зачем глаза пялил?

— Надо было — вот и смотрел! — с вызовом отрезал Васька. — Тебе-то что? Я никому не мешал. Раз висит — значит любой смотреть может. На ней не написано, что секретная. Не написано ведь? Скажи — не написано? То-то же! Гласность! — взгляд его был полон насмешки над нами.

— Зачем тебе схема? — упорствовал Стасик.

Мысленно я аплодировал ему. Хватка у Барханова была железной. И Васька почувствовал, что ни тычками, ни шуточками не отделается. Слишком серьезные, суровы наши взгляды, слишком резки вопросы Стасика. И если поначалу наш приход лишь забавлял его, сейчас Васька дрогнул, поняв, что мы не намерены отступить.

— Я работу изучал, — сказал вдруг Васька.

Это было так неожиданно, что мы переглянулись.

— Какую такую работу? — угрюмо спросил Сервер.

— Мясника работу. Продавца мясного отдела.

— Шутишь все,— растерянно проговорил Мамбетов.— Петляешь.

— Я правду говорю,— спокойно повторил Васька. — Работу мясника изучал. Нравится мне это дело — вот и изучал.

— Странно... — протянул я.— Это как же? Выходит, ты в гастроном на экскурсию ходил? Как в музей, или, скажем, на фабрику посуды.

— Вот-вот!— подхватил Васька, согласно кивая.— Именно так. А вы разве не ходили? Ведь Эммануил Львович всем велел.

— О чем ты?— не выдержал я, почувствовав в голове странный звон, а в теле непонятную легкость и даже пустоту. Васька вконец запутал нас. Но тут он неожиданно сказал:

— Так ведь сочинение завтра сдать нужно. Про любимую профессию. Забыли вы, что ли? Мы переглянулись. Что за ерунда? Мы пришли ежа вызволять от неминуемой мучительной гибели, а Васька нам про сочинение толкует. Ясно, что увиливает.

Между тем Васька продолжал:

— Я сочинение уже пытался писать. Плохо получалось. Вот и решил пойти и посмотреть. Эммануил Львович ведь всем сказал, что будет хорошо, если каждый побеседует с представителем любимой профессии. Говорил?

— И с кем же ты беседовал в гастрономе?— спросил я, все еще уверенный, что Васька продолжает классно водить всех нас за нос. Красивая работа, ничего не скажешь...

— С мясником, конечно!— выпалил Васька и доверительно улыбнулся.— Я про мясника пишу, про продавца.

— А не врешь?

Васька обернулся, взял со стола тетрадку, раскрыл и протянул мне первый лист, густо исчерканный. Я читал:

«Моя любимая профессия.

Лично мне нравится профессия продавца мясного отдела. Это очень интересная работа. Она требует много хороших качеств — силу, меткость, вежливость. В профессии мясника мне особенно нравится топор. Очень люблю что-нибудь рубить. Еще мне нравятся печенка, язык, качалка и ножки для холодца. Это самые вкусные места. Кто работает в магазине, тот приносит людям радость и продукты, а значит он нужный обществу человек...»

На этом текст обрывался.

— Это что?— спросил я, не тая усмешки.— Про твою любовь к... языку... хорошо бы прочитать нашей англичанке Тамаре Петровне.

— Здорово! — не выдержал Стасик.— Вот бы не подумал про Ваську...

— А ты сам про кого написал?— спросил Кулаков Стасика.

— Я сыщиком буду!— твердо пообещал Барханов.

— Сыщик! — рассмеялся Васька. — Всю жизнь ежей будешь искать. А еж ваш, может, просто убежал. Дверца из-за какого-нибудь растяпы осталась открытой — вот он и убежал...

Васька оглушил нас таким предположением. А ведь он прав: дверца-то была открытой. Почему же мы твердо решили, что ежа взял именно он? Ведь никаких доказательств у нас не было. А дверцу вполне мог оставить открытой какой-нибудь разиня. Не так, что ли?

Вот ведь как неловко вышло. Привыкли мы как-то, что Васька охоч до всевозможных проказ — вот и решили сгоряча, что и на этот раз — его рук дело. А он, вполне может стать, и вовсе ни при чем. Убежал себе еж в чистое поле, а мы у Васьки чуть ли обыск самодеятельный не устроили. Нехорошо... Ох, нехорошо.

Замира потянула за рукава меня и Стасика одновременно — мы стояли рядышком:

— Пойдем, ребята, поздно уже.

— А как же обыск, сыщики?! — Васька притворился озабоченным.

Стасик отрешенно махнул рукой:

— Отстань.

Мы понуро побрели к двери.

— Салют ежу! — воскликнул Васька.

Первыми свернули к своим домам Стасик с Сервером. Замира была задумчива.

— Ну, привет! — буркнул я. — По домам. Поздно уже. Вон, Васька уже про своего любимого мясника написал, а я и не начинал еще сочинения. Завтра пару схлопочу.

Замира молчала, не двигаясь с места.

— Да не переживай ты! — попытался я подбодрить ее. — Может, прав Васька? Убежал наш еж. Точно убежал. А с Васькой... Это просто совпадение было. Ты не расстраивайся.

Замира подняла на меня глаза. А в них — смятение и тоска.

— Можно тебя о чем-то попросить?— тихо сказала она. Таким голосом просят списать контрольную или сочинение. Но сразу понял — тут что-то не так... Замирка никогда не скрывала, что больше всего любит профессию доярки — дояркой была ее старшая сестра. А у меня и в мыслях не было писать сочинение про доярок и коров. Так что дело явно не в сочинении.

— Случилось что-нибудь?— спросил я.

— Случилось...— уронила Замира и вновь опустила голову. Сегодня я уже устал удивляться ее бесконечному унынию. Прямо царевна Несмеяна какая-то!

— Говори скорее. Поздно ведь...

— Пойдем ко мне домой,— Замира протянула это с такой мольбой в голосе, что я невольно поежился. Загадка на загадке.

— Что у тебя?

— Там скажу.

— А здесь нельзя?

— Нельзя, Володя... Это только дома можно сказать. Очень тебя прошу. Очень надо. Очень...

Я пожал плечами. Ну и девчонка! Одни хлопоты от нее. Сначала ежа объявила драгоценным. Теперь домой не отпускает.

— Ладно уж,— вздохнул я.— Но только скорее.

— Тогда побежали?— предложила Замира, и первая пустилась по дорожке, где она назубок знала любую ямку, любой бугорок.

Мы вошли во двор Замиры, и она повела меня к сараю, где у них был крольчатник. «Вот зануда... — с досадой подумал я.— Нашла время кроликами хвастаться. Да еще в темноте».

Замира нашарила коробку спичек, лежавшую на клетке, чиркнула. Яркий всплеск света брызнул от спички.

— Видел? — упавшим голосом спросила Замира. Наверное, мое вытянутое лицо показалось бы ей глупым, если бы сейчас было светло. Я промолчал, не зная, что ответить.

— Смотри еще раз, — сказала Замира. — Вот здесь, в последней клеточке. Она закрыта от остальных.

Я низко наклонился над клеткой, и Замира взорвала сразу две спички. И тогда я не поверил собственным глазам.

Я увидел ежа. Ежа, а не кролика!

Это было словно мираж, наваждение.

— Дай спички...— прошептал я и скоро убедился, что глаза меня не обманули. В клетке сидел наш еж. Из живого уголка. Тот самый, которого мы искали у Васьки. Ну и дела!

Замира горестно вздохнула. Я долго не мог прийти в себя, слишком велико было потрясение. Вот так царевна Несмеяна! Весь день молчала... Выходит, и правда, зря Ваську обидели. Мирного любителя топора, языка и печени...

— Откуда он здесь?— осторожно спросил я на конец.

Замира всхлипнула:

— Я принесла... Сама...

— Нашла, что ли?— я пытался бросить Замире спасательный круг, словно она свалилась с корабля прямоком в волны — акулам на радость. — Убежал он, да?— спрашивал я.— А ты нашла... так ведь, да?

Замира вытерла слезы рукавом:

— Не нашла я его... Не нашла...

— А что же?

— В уголке взяла. Сама. Никто не видел.

— Не может быть! — запротестовал я, отказываясь верить ей.— Зачем это тебе, зачем?

— Так вышло, Володя,— вздохнула Замира. — Испугалась я очень. Понимаешь?

— Кого испугалась-то?

— Ваську.

— Кулакова? Мясника? А чего его пугаться. Сама видишь — он ни при чем оказался. Зря только напали на него.

— Зря...— подтвердила Замира. — Но я ведь тогда испугалась. На уроке. Когда рассказала про ежа, а Васька почему-то ужасно заинтересовался.

— И что же?

— А то! Ты вспомни, как он стал расспрашивать и удивляться. Вот я и испугалась. Подумала, что он теперь замыслит утащить и продать нашего ежа. За сто рублей...

Меня разобрал смех. Вот так история! Сперва сама же сделала ежу рекламу как звезде экрана, А потом сама же тайком унесла его, испугавшись вдруг, что на ее красочную рекламу кто-нибудь клюнет. Невероятно!

— Володь, что делать, а? — Замира вымаливала совет, помощь.— Знаешь, как мне было стыдно, когда вы... там... Ваську... А я молчала... Думала, сердце выскочит...

Я еще раз чиркнул спичкой. Свет отразился в глазенках ежа, они блеснули фарами. Еж с аппетитом жевал.

— Видала, какой обжора! — показал я. — Вокруг него такие страсти, а ему все нипочем. Ест себе на здоровье и не печалится.

Замира вздохнула:

— Ест. Я ему много положила.

— Вернуть надо,— сказал я.— Завтра,

— А если увидят? Стыдно ведь.

— Я зайду за тобой утром. Идет? Вместе отнесем.

— А что скажем?

— Так положим.

— А если нас увидят?

— В саду нашли. Убежал...

— Соврем, да?

Замирка вполне могла бы написать сочинение о том, что ее любимая профессия — задавать вопросы, доводящие до головокружения.

— Утром зайду! — повторил я и отправился домой...

Нам повезло. Ежа удалось незаметно водворить в живой уголок — в школу мы с Замиркой пришли первыми. Когда на перемене в класс вошел Александр Григорьевич, по его лицу было видно, что он уже видел возвращенного беглеца.

— Поздравляю! — объявил он.— Еж вернулся. Васька Кулаков поднялся из-за парты и, не сдерживая смеха, закричал:

— А! Что я говорил? Видали — сам вернулся.

Его осадил Стасик.

— Сиди ты лучше!— огрызнулся Барханов.— Еще неизвестно, откуда он взялся. Может, ты сам утречком и принес. Испугался и принес.

Васька залился краской, сжал кулаки и молча плюхнулся за парту.. На большой перемене Кулаков выскочил из класса, а потом из школьных ворот. Он вернулся ровно через десять минут — раскрасневшийся, запыхавшийся, злой.

— Д-домой б-бегал...— объявил он.

— Сочинение забыл? — спросил я.

— Какое сочинение? Вот...— он вынул из кармана большой замок с дужками и два ключа.

— Дома взял... Я придумал...— запыхавшись, он не мог произносить разом более двух слов.

— Куда замок?

— А на живой... уголок,— объяснил Васька.— На ежа... Чтобы не пропал... А ключи отдадим Александру Григорьевичу.

Мы гурьбой помчались к ежу, и Васька, ловко продев дужку замка, дважды щелкнул ключом. Еж был под надежной охраной замка. Васька протянул ключ Замире:

— Держи. Отдашь Александру Григорьевичу. Теперь твои сто рублей никто не утащит.

Замира отнесла ключи в учительскую.

Но на следующий перемене Александр Григорьевич вновь вошел в класс. В его руках был все тот же замок — вместе с ключами. Неужели сам снял замок? — удивились мы. Он положил замок на стол и сказал:

— Еж и без замка никуда не убежит. Я в нем уверен...

Поплыл замок. От парты к парте. От Мубара к Стасику, от Стасика к Серверу, от Сервера к Стелле, ко мне, к царевне Несмеяне. Замок плыл к Ваське Кулакову.

Но Александр Григорьевич не успел увидеть, кому мы передавали замок — у нас был сейчас совсем другой урок, и Александр Григорьевич вышел, торопясь в класс, где его уже ждали.

НЕ ПО КАРМАНУ

Он был забавным щенком, когда его принес в школу завхоз Лутфулла-ака. Шарик быстро стал нашим общим любимцем и баловнем. Да и попробуй не стать, если у Шарика десятки друзей, и каждый норовит добыть из дома что-нибудь вкусенькое — специально для него.

Особенно любил Шарик бутерброды с колбасой. Может, не до такой степени, как любил их Первый Аппетит нашего класса Мубар Ахмедов, но тоже не брезговал.

Шарик был добрейшим созданием и в совершенстве владел искусством нравиться всем.

В душу он влезал... хвостом. Завидя утречком кого-либо, первым вразвалочку идущего в школу, изголодавшийся за ночь Шарик стремительно летел навстречу, выделявая хвостом махи почище вертолета. Того и гляди — загудит и взлетит над школьным двором. При этом он преданно заглядывал в глаза и взвизгивал, будто говорил;

— Как я рад тебе! Как соскучился за ночь.

Уж тут таял любой, и если в сумке или ранце был припасен бутерброд, то Шарик приглашался в долю.

Не забывал прихватить утречком гостинец для Шарика и я. Он, чертяка, хорошо знал, что гостинец для него я кладу в левый карман, и так к этому привык, что вскоре при моем появлении

стал салютовать хвостом уже не мне, а Карману. Сначала меня это забавляло, но потом, удивляясь самому себе, я стал замечать, что эта измена меня огорчает. Чутьочку, самую малость, но огорчает.

Бывало так: Шарик с визгом летел ко мне, исправно работая хвостом издалека, но при этом я уже не ловил, как прежде, его преданных благодарных взглядов. Они были устремлены на Карман с двумя декоративными синими пуговицами по краям. Видимо, он принимал эти пуговицы за глаза Кармана и дарил им восторженный взгляд.

А что же я? Похоже, я стал для него всего лишь переносчиком Кармана, слугой Кармана, достающим ИЗ Кармана в нужный момент лакомство для Шарика. Я понимал, что все это глупо, но отделаться от грустной мысли, что Шарик рад Карману, а не мне, уже не мог. Мысль эта саднила, царапала, мешала.

Однажды, когда Шарик в очередной раз бросился к Карману, радостно набирая при этом хвостом подъемную силу, я сделал вид, что не заметил его и, не сбавляя шага, торопливо двинулся к дверям в вестибюль. Шарик проводил Карман до самой двери. Потом, обиженно и недоуменно взвизгнув, сунулся и в вестибюль, но был изгнан строгой вахтершей.

Пахучий бутерброд за шесть уроков так добросовестно насытил карман аппетитным своим запахом, так прошил его насквозь, что, похоже, теперь и без всякого бутерброда Карман мог представлять жгучий интерес для чуткого и жадного носа Шарика. Но всерьез обидевшись на Шарика за измену дружбе в угоду аппетиту, я решил, что имею право разочек наказать его, и подчистую съел бутерброд.

Шарик преданно ждал у дверей вестибюля — видимо, считал звонки. Когда я шагнул во двор, он бросился ко мне, вскинул лапы на брюки, взвизгнул, сыпанул виноватым (так мне показалось!) взглядом и принялся шумно обнюхивать заветный Карман. Карман пах на диво вкусно, но бутерброда-то в нем уже не было. В доказательство я похлопал по пустому Карману. Поверить в это Шарик не мог и продолжал бежать за мной, держа нос по незримому следу, который оставлял Карман для его острого носа.

Говорят, летучие мыши слышат звуки, недоступные человеческому уху. Это называется ультразвуком.

Шарик был мастером по части ультразапахов, но это мастерство сейчас подводило его, ибо он остро чуял запах уже, увы, съеденного мною бутерброда. Не спеша примириться с тем, что лакомства не будет, Шарик проводил меня до калитки. Сдаваться я не собирался, поэтому и в мыслях не держал взбодрить Шарика, поощрив его настойчивость чем-либо вынесенным из дома. Сегодня был День Поучительного Урока. Шарик должен был усвоить, что не в бутерброде дружба.

Оставив дома портфель, я поспешил на автостанцию — нужно было съездить в Ташкент по просьбе мамы и отвезти в библиотеку взятые ею книги, которые она могла взять только там.

Шарик не отставал. Неутомимо продолжая приветствовать льющийся из Кармана незримый запах, он неутомимо салютовал хвостом и, видимо, успел развить на нем отличные бицепсы. Возможно, он смог бы даже поднимать хвостом рекордные штанги — упорство Шарика в закалке хвоста физическими упражнениями на свежем воздухе вполне могло бы служить примером начинающим спортсменам.

«Беги, беги! — с усмешкой думал я.— Держи карман шире!..»

Шарик демонстрировал чудеса преданности Карману — не отставал до самой автостанции. Потом, он послушно стоял вместе со мной в очереди за билетами. Мне повезло — билет достался на автобус, который должен был вести Алишер. Алишер-ака — муж моей старшей сестры Айгуль, свадьба их была совсем недавно.

— Привет, Володя! — улыбнулся он.— В Ташкент?

— Книги надо отвезти,— кивнул я.— Мама попросила.

— Я бы и сам отвез,— развел руками Алишер.— Тебе-то зачем ехать?

— А мне тоже надо в Ташкент,— сказал я.— Дело есть.

— Садись тогда,— кивнул Алишер. — Отправляемся.

Он потянул дверцу кабины, нажал кнопку, и дверь автобуса свернулась гармошкой. Алишер сел за руль, мотор проснулся, взвыл, загудел ровно. Услышав мерную механическую песню, пассажиры заспешили в автобус. Я в очереди стоял последним и поднялся на ступеньку, когда автобус уже тронулся.

И вдруг что-то мягкое ударило мне в ноги. Я удивленно опустил глаза и увидел Шарика. В последнее мгновение он влетел в автобус, чтобы не расстаться с удивившим и озадачившим его Карманом, почему-то так и не желавшим угощать его.

Двери затворились, автобус тронулся. Меня разбирал смех. Карман держал Шарика надежнее, чем цепь. Пес демонстрировал чудеса настойчивости и аппетита. Привязь дразнящего запаха, а его зримо для острого носа Шарика источал Карман, была Шарика сладостна, приятна. Я плюхнулся на свободное сиденье. Шарик преданно пристроился рядышком. Он, ясное дело, решил сопровождать Карман, словно опасаясь — не везу ли я лакомое его содержимое в дальние края, причем совсем другой собаке. Шарик сидел смирно, ничем не беспокоил пассажиров. Ясно, подумал я, решил взять меня измором? Ошибаешься, брат! Ничего у тебя не выйдет.

На середине пути начались неприятности. Алишер обернулся, желая что-то сказать мне, и тут с удивлением увидел Шарика. Алишер резко нажал на педаль торможения, и пассажиры заколыхались.

Из рук сидевшей впереди бабуся вырвалась корзинка с яблоками. Яблоки покатались по полу и бабуся заохала, запричитала, недобро поминая шофера. Пассажиры полезли под сиденья, помогая собирать яблоки. Одно яблоко — краснее помидора — подкатилось к Шарика. Он шумно обнюхал и презрительно отвернулся. Я поднял яблоко и передал бабусе. Заметив, как Шарик отверг роскошное яблоко, бабуся, обидевшись за свои расчудесные фрукты, сказала:

— Ишь, нос воротит! Что бы ты, собака, понимала в яблоках? Знаю-знаю! Вот ежели б на яблоне кости росли — тут бы ты обрадовалась.

Оглядываясь по сторонам, она доверительно сообщила соседям:

— Внучке везу. Чтоб щечки у ей были красненькие, что мои яблочки.

Алишер резко отодвинул стекло, отделявшее кабину, и строго спросил:

— Почему в салоне собака?

— Шарик сам зашел,— объяснил я.

— Так уж и сам?

— Он за мной бежал... То есть — за Карманом. А бутерброда в нем уже не было... Шарик не поверил — и в автобус зашел. Так все было. А я его не звал. Он сам... Честное слово, сам...

Наверное, я объяснял очень путано, потому что в салоне послышались смешки. Но потешались не все. Бабуся с яблоками горестно всплеснула руками:

— Ой, живодер! Чего ж ты собачонку моришь, окаянный? Она же с голодухи за тобой бежала.

— Да не голодный он! — запротестовал я. — Шарик просто жадный.

— Сам ты жадный! — осадила меня она и, порывшись в сетке, отломала от увитой веревками палки кусочек колбаски и поманила Шарика. Предатель, конечно ж, сразу забил хвостом, как рыба на крючке. Привстав на своих сиденьях, пассажиры с сочувствием смотрели, как этот профессиональный вымогатель уплетает колбасу.

Алишер все не трогался с места. Пассажиры заволновались. Дядечка с гусем в клетке сердито закричал:

— Почему стоим, товарищ?

Алишер был невозмутим.

— Собаку ждем,— разъяснил он.

— А чего ее ждать? — удивился владелец гуся. — Она и по ходу колбасу доест.

— Никакого «по ходу» не будет. Собаку надо высадить. Не положено в автобусах собак возить.

Как же так? Мы отъехали от поселка уже километров на десять. Ведь Шарик может и не найти дороги домой, заблудится. И все из-за меня.

— Алишер! — взмолился я. — Не высаживай Шарика. Он потеряется.

— Да пойми же ты — не имею права. Не волнуйся, он раньше тебя домой вернется. Собаки — они без карты лучше любого топографа местность чуют.

— Заблудится... — упрямо твердил я, заглядывая в глаза пассажирам. — Ведь пропадет здесь Шарик.

Тут все пассажиры заступились за Шарика.

— Собака смирная, неудобства никому не чинит,— рассудительно говорила бабуся с яблоками. — Пушай едет, милок. Куда ж ее выгонять? Не по-человечески это.

Поддержал ее и дядечка с гусем;

— Товарищ шофер, пусть покатается собачка. Да и нам веселее будет.

Чувствуя, что Алишер уже колеблется, я поспешил бросить еще одну гирьку,

— Пойми ты,— горячо говорил я.— Он бы ни за что не зашел, если бы знал, что ты его высадишь по дороге.

— Вот и предупредил бы своего Шарика заранее,— проворчал Алишер. Но в голосе его уже не было тугоплавкого металла. Алишер явно сдавался. Вздохнув, он тронул автобус, и хитрый Шарик, догадавшись, что признан шофером официально, решил выйти из подполья на легальное положение, и принялся бегать по проходу салона, как кондуктор, Плату за виляние хвостом он брал лакомством. Одна тетечка протянула Шариком два крашенных яйца — синее и коричневое.

— Вы бы, гражданка, сперва скорлупу сняли,— посоветовал дядечка с гусем.— Разве ж собака станет их так есть?

Очищенные яйца Шарик слизнул в одно мгновение — словно вдохнул.

Мы уже причаливали к автостанции, когда Алишер с внезапным отчаянием в голосе закричал:

— Володя, прячь Шарика! Быстро! Контролеры!

На перроне, куда медленно швартовался автобус Алишера, степенно расхаживали две тетеньки с красными повязками на рукаве.

— Так и знал...— процедил Алишер.— Так и знал, что угодим в историю.

Я показал Шариком кулак и пригрозил:

— Цыц у меня! Сиди смирно!

Шарик подбежал и радостно обнюхал кулак, будто я показал ему котлету по-киевски. Поняв, что на совесть Шарика рассчитывать не приходится, я бесцеремонно схватил его и запихал под сиденье, а для пущей надежности плотно прижал ноги, чтобы Шарик не вылез в самый неподходящий момент. Ноги мои были сейчас как толстые решетки на окне узника. Правда, эти решетки можно было больно укусить. Но за Шарика я был спокоен. И вообще, за этот рейс ему столько перепало всякой всячины, что он вполне мог бы и сам догадаться вести себя прилично и не подводить Алишера.

Пассажиры по одному покидали автобус, предъявляя контролерам свои билеты. Я продолжал сидеть, понимая, что стоит мне подняться, и Шарик предательски устремится за мной. Когда сошел последний пассажир, контролеры заглянули в салон и, увидев меня, вросшего в сиденье, переглянулись.

— Ты чего сидишь? — спросила одна.— Заяц, что ли?

— Не заяц,— угрюмо ответил я. Положение мое было ужасным.

— Как же не заяц, если сидишь. Билета, небось, нет?— они подошли ко мне.

Я полез в карман — в тот, где еще утром лежал бутерброд — и достал билет.

— Держите...

Повертев билет, контролерша удивленно посмотрела на меня:

— И верно, есть билет... Чего ж не выходишь? Заболел, что ли?

Ответить я не успел.

Подвела решетка. То есть ноги. А точнее, то, что их у меня было только две, а не десять. Ну хотя бы шесть. Потому что в редкую ячею ног легко выполз кончик хвоста Шарика. И тут на него наступила вторая контролерша. Шарик дико взвизгнул и забился под сиденьем — оно прямо заходило подо мной упругими толчками. Я невольно вскинул ноги, и узник, обиженно скуля, вылетел из-под сиденья и молнией метнулся в конец салона.

— Что такое?! — взревела первая контролерша.

— Почему собака в автобусе?— вторила другая.— И без намордника! Это гр-р-рубейшее нарушение правил. А билет на собаку ты брал?

Я опустил голову и со вздохом уронил:

— Нет у Шарика билета, Я не знал, что ему билет нужен...

Первая контролерша подошла к кабине, откуда на меня исподлобья смотрел Алишер.

— Товарищ водитель! — торжественно начала контролерша.— Вы знали, что в салоне находится посторонний — в лице собаки без намордника?

— Знал,— кивнул Алишер.

— В таком случае вы будете оштрафованы, а ваше руководство получит письмо о случившемся. Как вы могли?! А если собака бешеная? А если кусается?

Шарик здоров как бык! — закричал я.— И Алишер... то есть, шофер... ничего не знал. В смысле, он только на половине дороги Шарика заметил... Высадить его хотел. А мы уговорили. Зablудиться он мог. Шарик наш...

— Тогда с тебя штраф! — строго сказала контролерша, отдавившая Шарик у хвост. — За все штраф.

— За что за все?— испугался я.

— За то, что друг твой без намордника и за то, что без билета. Тут с тобой гражданин с гусем ехал. Так гусь его — и тот в клетке был. А зачем? А чтобы пассажиров не беспокоить. Гусь — он тоже, не хуже твоего пса, кусаться умеет. Вот его гражданин сознательно и упрятал.

— Может, и на гуся намордник надевать надо?— не выдержал я.

— А ты не огрызайся,— осадил она меня.— Твое дело — штраф платить. Ты закон нарушил. С тобой и разговора нет.

Я послушно полез в карман и достал рубль — других денег у меня не было.

— Этого мало,— сухо сказала контролерша, мельком глянув на мой тощий рубль.— Трояк нужен. Придется на работу родителей сообщить. Адрес давай. Фамилию давай.

Шарик явно был мне не по карману. По сути, я заработал штраф за то, что еще утром, по глупому разобидевшись на Шарика, сам съел запасенный для него бутерброд. Дорогой получался бутербродик...

Алишер входил в салон, роясь в кошельке:

— Сколько надо, девочки? Я заплачу

— С вами, товарищ водитель, будет отдельный разговор! — отрезала контролерша.— А сейчас мы разбираемся со злостным нарушителем правил пользования пассажирским автотранспортом. С него особый штраф.

— Понимаю, понимаю... — миролюбиво сказал Алишер.— Я ведь ему одолжить хочу. Понимаете?

— Знакомый, что ли? — покосилась на Алишера контролерша и, взяв у него зеленую бумажку, выдала мне квитанцию. Держи,— сказала она.— И скажи спасибо шоферу — выручил он тебя. Квитанцию родителям отдай — пусть деньги вернут твоему спасителю. И спасибо пусть скажут.

Кажется, история катилась к благополучному завершению. Протянув мне квитанцию за штраф, контролерша оглянулась на Шарика и, не выдержав, улыбнулась и погрозила ему пальцем:

— Гляди, пес, больше не подводи хозяина.

Это была роковая улыбка. Шарик, подумав, что ему вновь сошло с лап, привел хвост в движение и подбежал к контролерше, благодарно заглядывая ей в глаза.

— Ишь, обрадовался! — восхитилась контролерша.— Набедокурил и радуется. Впервые вижу собаку, которая проехала зайцем.

Шарик был прощен контролершами, и прощение лежало сейчас у меня в кармане в виде квитанции за уплаченный штраф.

Видимо, внезапная тревога, вызванная дискриминацией хвоста, заставила Шарика не только удрать в конец салона, но и начисто позабыть о том, что всю дорогу ему перепадало от пассажиров перекусить. Боль в хвосте перечеркнула сытость. Похоже, все калории, полученные Шариком за день в виде пищи, стремительно ринулись в хвост, чтобы объединить усилия и победить боль. Тоска в глазах Шарика ясно говорила сейчас о том, что он хотел бы малость пожевать и не прочь освежить в памяти, как это делается,

И он взялся за старое — принялся вновь обнюхивать мой Карман.

— Нет там ничего!— оттолкнул я попрошайку и жадину.— Отстань! — в доказательство своей правоты я извлек из Кармана квитанцию за штраф:

— Видишь, больше ничего,

Шарик потянул носом. От квитанции, приобщенной к тайным запахам Кармана, по-видимому, потянулась к его ультразвуковому носу незримая и приятная дорожка, и нос отважно ступил на нее, желая изучить поближе незнакомый предмет, источающий привычный запах бутерброда. Приоткрыв пасть, Шарик шумно вдохнул, и квитанция, повинувшись этому радушному приглашению, скользнула прямоком на липкий язык обжоры. Теперь, пожелай я рассказать кому-

либо о случившемся, у меня не было в доказательство такого важного документа, как квитанция. Она исчезла в пасти Шарика. Мне стало ужасно жалко квитанцию, и я взмолился, обращаясь к контролерше:

— Тетенька, дайте мне другую квитанцию! Пожалуйста! Можно другую?

— Конечно, можно,— отозвалась она.— Уплатите еще раз штраф — и получите новую квитанцию.

— Как это — еще раз?! — возмутился я.— Мы ведь уплатили уже.

— За тот штраф квитанцию вы получали. А у новой — и номер новый. Мы, милоч, за них отчитываемся, это дело у нас строгое. Вот так-то... Лучше за собачонкой своей следи в оба. Она у тебя не то что квитанцию — и автобус того и гляди слопаёт.

Квитанция уплыла бесследно. Теперь и родителям не докажешь толком, как дело было. Разве что Алишер подтвердит.

И тут к автобусу вернулся дядечка с гусем. Он был встревожен.

— В чем дело, товарищи? — спросил он, обращаясь к контролершам.— Я все видел, могу рассказать... Это собака сама в автобус забежала, честное слово! Она сама зайцем ехала, мальчик ее не брал.

Контролерша смерила его ледяным взглядом:

— Уже разобрались, гражданин. Штраф уплачен.

— Ах, штраф!..— охнул дядечка.— Вот как оно обернулось. А я стою, жду трамвайчик и все смотрю на вас и думаю: ну чего они так долго?.. Штраф, стало быть. Вот как вышло...

Контролерша отчеканила:

— Ничего, порядок будут знать назубок. Мы, кстати говоря, вас в пример поставили.

— Меня?

— Вас и вашего гуся. Вы вот гуся просто так, живьем, в автобус не запустили. В клетку сперва усадили. И правильно. А он,— кивок в мою сторону,— и намордника не припас. Как пса своего назад повезет — не знаю. Пусть сперва намордник купит или на новый штраф денежки готовит.

— Что вы говорите!— дядечка открыл клетку и зачем-то взял на руки гуся.

— Вот! — протянул он мне клетку. — Держи.

— Зачем? — удивился я.

— Бери, бери. Собачонку в нее на обратном пути посадишь. Она просторная. А гусь у меня смиренный. Я его и в руках донесу. Дочку еду навестить. За клетку не беспокойся. В поселке мне ее и вернешь. Я на Дачной живу. Дом девять. Принесешь.

Видя, что я колеблюсь, дядечка спросил контролершу:

— Как клетка? Сойдет вместо намордника?

— Оно похоже, что сойдет,— согласилась она. — Правда, маловата она. Но хотя бы на морду ее одеть можно. Главное ведь тут, чтобы пассажиры без покусов были.

Не давая мне опомниться, дядечка заспешил к трамвайной остановке, неся гуся как грудное дитя. Отошли и контролерши. Клетка стояла у моих ног.

Алишер смотрел на меня с усмешкой. Кивнул на Шарика:

— С собой возьмешь? Тебя же теперь во всех трамваях штрафовать будут. Это же сколько трояков! Не по карману... А в метро и вовсе не попадешь. А ты куда, собственно, собрался?

— В библиотеку. И еще — в магазин «Электроника», батарейки для калькулятора нужны.

Алишер дернул головой в сторону трамвайной остановки, и увидев, что дядечка с гусем все еще стоит, заторопил меня:

— Беги к нему! Живо! Отдай клетку,

— А как же?..— я осекся.

— Беги, говорю!— приказал Алишер,— Шарика я к себе возьму, в кабину. Не дело это — собаку в салоне везти, да еще без тебя.

Я ринулся к остановке, и скоро гусь был водворен в клетку.

Когда я вернулся в поселок, Шарик был уже в школьном дворе — отдыхал после всех приключений в своей будке около котельной.

Утром я прихватил для него кусочек колбаски и, как всегда, положил в карман, отлично известный Шарика,

Шарик привычно ждал у школьных ворот. Я не узнал Шарика. Он не крутил хвостом и не визжал. Смотрел виновато. Я не стал дразнить его и, достав колбаску, протянул ему.

Это было так непохоже на него.

Шарик задрал голову и, поскуливая, вывалил язык, будто показывал его доктору. Я глянул и обомлел: в глубине пасти к языку прилипло что-то, беспокоившее сейчас Шарика и даже (даже!) заставившее забыть о колбасе.

— Только, чур, не кусаться.

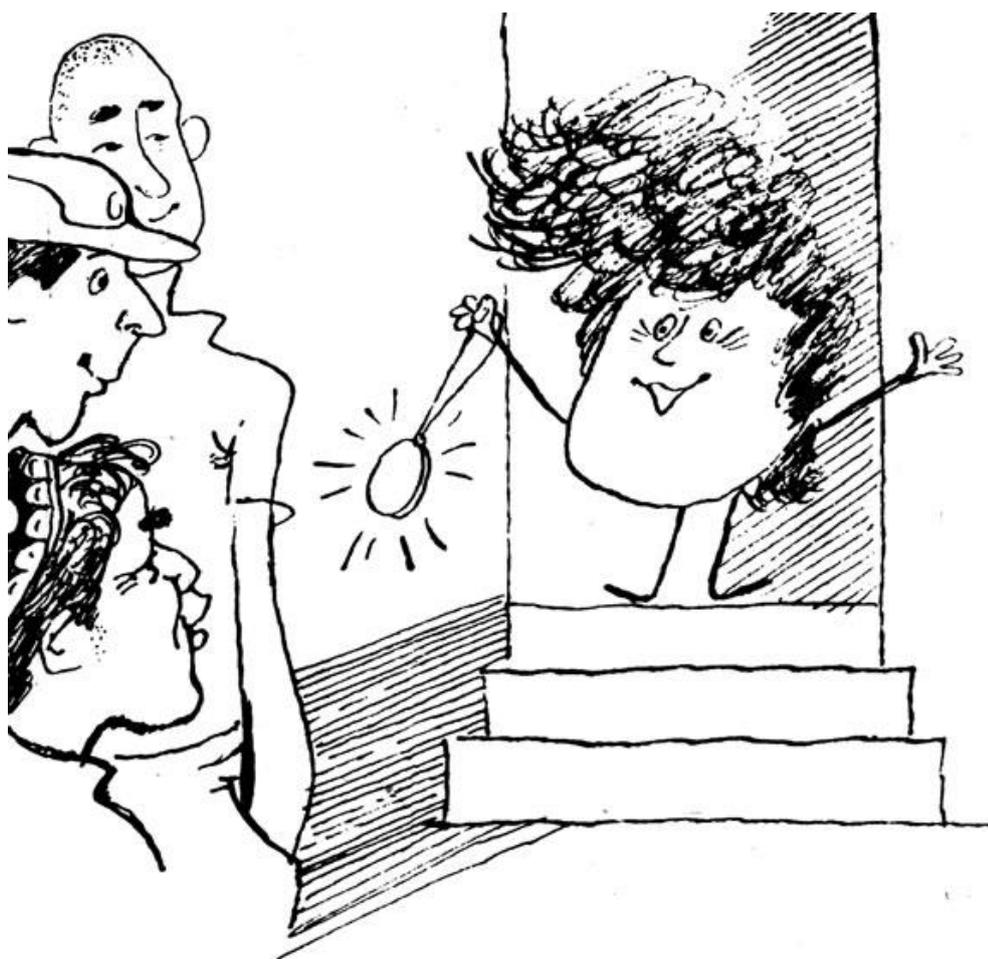
Шарик вновь заскулил, обещая быть паинькой.

Я закатил рукав рубашки и осторожно, двумя пальчиками, словно пинцетом, полез в пасть, тотчас обдавшую мою руку жаром — в пасти Шарика бушевала сауна! — и отлепил бумажку, приставшую к языку.

Это была квитанция! Та самая квитанция за штраф. Я рассматривал ее как чудо. Вещь, казалось бы, навеки сгинувшая в бездонной утробе Шарика, вновь была в моих руках.

Я вертел вернувшуюся из небытия квитанцию, не замечая, что выдавший мне ее сейчас Шарик уже проглотил колбаску и что его хвост, только что уныло волочившийся по земле, вновь стал неугомонным пропеллером и заставляет подозревать — не упряталась ли вековая тайна сомнительного, хотя и дразнящего вечного двигателя, в неугомонный хвост нашего Шарика?..

ПАМЯТНИК ПРИРОДЫ

Если меня спросят, что легче всего на свете, я не стану долго размышлять над ответом. Ибо знаю: нет дела проще, чем нарисовать нашего Ваську Кулакова. Так, чтобы его сразу же рассекретили.

Знаю это как редактор стенгазеты «Улыбка», куда Васька попадает чаще, чем, к примеру, остальные ученики школы на все предметные олимпиады года. Васька, можно сказать, бродячий сюжет стенгазеты. Ей без Кулакова неуютно, сиротливо.

А рисовать его легко вот почему. Во-первых, для этого вовсе не нужно уметь рисовать, а во-вторых, не нужно рисовать самого Ваську! Достаточно изобразить на бумаге его величественный помпезный чуб. Такой чуб — один на всю школу, а может, и на всю страну. Васькин чуб куда более знаменит, чем его же безжалостные щелбаны безответным малышам. После Васькиных щелбанов три дня больно причесываться, а на четвертый их можно забыть.

Зато чуб у него незабываемый. По нем книга рекордов Гиннеса рыдает...

Однажды я листал альбом рисунков какого-то японского художника. Он здорово любит море рисовать, особенно ловко у него волны во время шторма или цунами получаются. Совсем Айвазовский, только японский. На его картинах волны как живые драконы нависают над берегом, грозят рухнуть на него и смять, сокрушить все живое и уползти обратно в море, увлекая за собой бездыханный труп берега.

Чуб Васьки Кулакова — это настоящая волна цунами, взметнувшаяся и застывшая, как крутой трамплин. Достаточно несколькими яростными ударами фломастера взвихрить на листе стенгазеты привычные очертания яростного чуба, как всем становилось ясно, что речь идет о Кулакове.

Рисую газету, я так и поступал — смело приделывая ноги и руки прямо к... чубу. Чуб шагал, отпускал щелбаны, говорил, получал двойки. Чуб жил в стенгазете, как Нос в одноименной повести писателя Гоголя. Но в отличие от Носа, ездил не в карете, а на велосипеде.

Постепенно в классе образовались две группы. Половина называла Ваську Кулаком; по фамилии и за драчливость. Другая половина — Чубом. Бывало, спросит учитель дежурного об отсутствующих на уроке, а дежурный, забывшись, выкладывает:

— Чуб не пришел...

Однажды биолог-ботаник Александр Григорьевич в шутку сказал, что такие, как у Васьки, чубы появляются раз в сто лет и являются памятниками природы — как реликтовый лес или родник среди скал. Правда, на том же уроке это не помешало ему вклеить увесистую двойку обладателю памятника природы. Захлопывая васькин дневник, Александр Григорьевич с усмешкой заметил:

— Если ты, Кулаков, будешь и дальше так же скверно учить уроки, то стать тебе в будущем разве что главным хранителем в заповеднике под названием «Личный чуб». Если, конечно, государство объявит твой чуб заповедной зоной или внесет его в Красную книгу...

Как-то мы в шутку поспорили — сколько весит васькин чуб. Мнения были разные, кое-кто договорился аж до килограмма! Но как проверить, если чуб без головы не взвесишь, да и голову трудно без всего остального. Для этого, наверно, особо умные приборы нужны — чубомеры, одним словом. Только разве такие существуют?..

Утром, перед школой, слушая вполуха передачу местного радио, я прознал о чудном событии и сразу же подумал про Ваську. Дикторша радостным голосом возвестила, что сегодня произойдет нечто выдающееся в культурной жизни поселка — наша парикмахерская ожидает именно сегодня стотысячного со дня открытия салона посетителя, а его администрация намерена не только отпустить юбилейному клиенту бесплатную прическу, но поднесет подарок и даже памятную медаль! Признав, что медаль — дело хорошее, я решил, что администрации, взволнованной предстоящим юбилеем, следовало не торопиться с изготовлением медали, а хорошенько подумать, какой ей быть. Если бы заранее спросили у меня, посоветовал бы отлить в металле изображение чуба Васьки Кулакова. Но, увы, с советами я опоздал. Медаль они, конечно же, успели заготовить по собственному вкусу. Даже если бы эта идея с чубом показалась им гениальной, отлить его поздно. Хоть это и чуб века, и памятник природы...

Но оказалось, что объявление по радио в классе слышали многие. Я не удержался и сказал Ваське про свою идею памятной медали счастливому клиенту. Васька слушал с какой-то тревогой. Чуб его вяло колыхался. Казалось, к тому, что говорят в классе о предстоящем торжестве в поселковой парикмахерской, прислушивается и чуб. Подумав об этом, я мысленно сказал себе, что почему-то до сих пор ни в одной карикатуре про Ваську не сообразил приделать к его чубу ухо. Правда, поразмыслив на эту тему, понял, почему допустил такую оплошность — Васька никого не любил слушать и всегда поступал так, как подсказывали ему не уши, а, скорее, кулаки.

Он мог бы, пожалуй, предоставлять полубесполезные ему уши напрокат, ведь дают же во временное пользование телевизоры и пылесосы.

На пятом уроке Васьки Кулакова в классе не оказалось. Я понял, что он решил влиться в толпу болельщиков, переживающих за судьбу юбилейной парикмахерской медали. И тогда я уговорил Андрея Никитенко тоже пойти после уроков к парикмахерской. Андрей согласился и даже прихватил фотоаппарат, хотя не был уверен, что он ему понадобится. Но у Андрея была странная примета. Если с ним не было фотоаппарата, ему обязательно попадался сюжетец, который он хотел бы заснять. И — наоборот... Фотоаппарат при нем, а снимать абсолютно нечего. Конечно, не всегда так бывало, но часто. Такая вот примета...

Подходя к парикмахерской, над входом в которую трепыхался плакат «Пламенный привет юбилейному клиенту!», мы удивились длинной очереди. Ее хвост вырывался из дверей парикмахерской на улицу и клубился до тротуара.

— Гляди, вон и Васька! — показал Андрей. — Чего это он в очередь влез?

— Все ясно! — мне стало смешно. Я-то думал, что Васька Кулаков удрал любоваться из толпы, а он, оказывается, решил попытать счастья и затесался в очередь страждущих попасть в парикмахерскую. А точнее — стать юбилейным клиентом и навеки войти в историю нашей парикмахерской. Васька, похоже, надеялся поднять свой чуб — этот памятник природы — на новый уровень. Он ведь вот как рассудил, видать... По случаю памятного события парикмахеры должны во все лопатки стараться. Вот и решил Васька добыть счастливый номер.

— Хорошо, что фотоаппарат взял, — похвалил я Андрея. — Авось пригодится.

Заметив нас, Васька выскользнул из очереди.

— Может, тоже станете? — спросил он.

— А нам зачем? — удивился Андрей. — Тут и без нас желающих хватает.

Васька понизил голос и зашептал:

— Зря, между прочим, стоят. Только время теряют. Угадайте, кто будет стотысячным?

Мы с Андреем переглянулись. Вот чудак — кто ж такие вещи может знать. Это же — как потеря, как билет на экзамене.

— А я знаю! — глаза Кулакова радостно блестели.

— Ну и... кто же? — осторожно спросил я. Васька понизил голос:

— Я... Это буду я...

Я поразился самонадеянности Васьки. С такой прозорливостью только в «Спортлото» играть. Это же миллион за неделю выиграть можно. А за месяц — и не сосчитать.

— А кто тебе сказал это? — спросил Андрей.

— Сам посчитал! — хохотнул Васька. — Я заранее в парикмахерскую заглянул, там наша соседка работает кассиром. Она и шепнула мне по-соседски, что ровно тридцать седьмой клиент окажется юбилейным. Она ведь все знает, у нее калькулятор есть. И касса особая, электронная. Очень точно считает.

— Ну и что с того! — воскликнул я. — Тридцать седьмым ведь тоже будет не каждый.

— Тише ты! — замахал руками Васька. — Услышат ведь... Ты послушай... отошел я тогда в сторонку и стал пропускать в очередь всех подряд, а когда их тридцать шесть стало друг за дружкой — тут и подскочил. Ловко?

Мы были потрясены простотой уловки. Вот так придумал! С такой смекалкой, пожелай того Васька, можно было успеть за пять лет окончить школу с золотой медалью, за два — институт, а в двадцать пять стать ветераном труда. Жаль только, что Васькина голова начинала сыпать искрами идей лишь в том случае, если это сулило обладателю «памятника природы» какую-нибудь дармовщинку. Например, списать контрольную. Или — побрызгать чуб чужим одеколоном.

— Видите вот тех парней, — показал Кулаков на очередь. — Ну, тех, где и я стою. Они все вместе пришли, вдесятером. Вот тут я, честно говоря, и испугался. Ведь можно было пропустить вперед только семерых, а восьмой из них, я посчитал, оказывался тридцать седьмым. А значит... Понимаете? Вот это было самым трудным — кто же знал, что они толпой придут? Семеро встали, а я за седьмым.

— Пустили? — это Андрей спросил.

— Сначала стали выталкивать. Стань, говорят, за последним. Мы все вместе из соседнего поселка приехали, у нас парикмахерскую закрыли. Но я их уговорил, сказал, что очень опаздываю в школу. Я во-он за тем, в красной куртке. Ха! Стоит и не подозревает, что я — юбиляр!.. Ну ладно, я пойду на место. А ты... — он обернулся к Андрею и кивком показал на фотоаппарат. — Смотри не пропусти самый момент. Мировой будет снимок.

Оставалось набраться терпения и — ждать, ждать. Но на десятой минуте томления меня осенило.

— Слушай! — я схватил Андрея за локоть. — Тут еще час ждать, не меньше.

— Никак не меньше, — согласился Андрей.

— Давай всех из класса позовем! — продолжил я, — Вот сбегая домой за велосипедом, всех объеду и предупрежу. Ведь какое событие! У нас в классе такого героя пока не бывало. Может, Васька и вправду юбилейным окажется.

— Давай беги, — кивнул Андрей. — А я здесь побуду.

За полчаса я объехал двадцать четыре двора и всех, кого застал, призвал спешить к парикмахерской.

Стелла Хван, председатель совета отряда, схватилась за голову:

— А Андрея ты позвал? Сфотографировать бы надо, как наш Васька в историю войдет.

— Там он уже, — горделиво ответил я, — Караулит событие.

Стелла всплеснула руками:

— А оркестр там?

— Какой оркестр?

— Да наш же, школьный! Духовой! Да ты что! Побежали в школу к Михаилу Харитоновичу.

Я удивлялся Стелле. Ловко она умела к любой чужой идее прилепиться. Да так, что становилась соавтором.

— Садись на багажник — предложил я, и мы помчались к учителю пения, руководившему нашими духовиками.

Нам повезло. Мы застали всех музыкантов в зале на репетиции. Иначе вряд ли успели бы собрать оркестр.

Михаил Харитонович не торопился разделять наши со Стеллой суетливые восторги.

— Вы не могли предупредить заранее? — сердито выговаривал он. Но Стелла была неуправляемой.

— Ну Михаил Харитонович!.. — взмолилась она. — Ну миленький... Вы поймите... Васька же наш ученик. Мы же не за себя — за всю школу просим. Там и Никитенко уже стоит, с фотоаппаратом. Оркестр нужен. Вы поймите!

Михаил Харитонович развел руками и сдался. Он умел командовать оркестром. Зато наша Стелла явно умела дирижировать... дирижерами.

Когда оркестранты усиленной рысью подходили к парикмахерской, я приналег на педали, ибо увидел издалека, что Васька уже у самых дверей, и значит миг триумфа близок. Когда я подъезжал к дверям парикмахерской, Васька сделал шаг вперед, и все зааплодировали. За ним юркнул и Андрей — с расчехленным аппаратом и снятой с объектива крышкой. И в то же мгновение раздались вступительные аккорды торжественного марша. Я оглянулся. Нет, это играл не духовой оркестр — наши ребята лишь только прилаживали мундштуки к своим гулким трубам.

Из парикмахерской лился марш Мендельсона, Свадебный марш, — видать, желая обставить событие поторжественнее, администрация приготовила проигрыватель, а в соседнем Доме бракосочетаний — он в одном здании с парикмахерской — одолжила по такому случаю свадебную пластинку.

Васька стоял посреди парикмахерской с пухлым букетом хризантем. С его шеи свисала на грудь алая лента, к концам которой был приделан огромный шоколадный кругляш. Видать, добрых пять плиток шоколада растопили в баночке из-под рыбного паштета, чтобы отлить шоколадную чушку медали. Андрей непрестанно щелкал, запечатлевал для истории мгновения Васькиной славы. Васька растерянно оглядывался. Словно Свадебный марш Мендельсона заставил его подумать, что он не в парикмахерской, а почему-то на собственной свадьбе. Он озирался по сторонам, словно удивлялся — куда вдруг запропастилась невеста... Пожалуй, Стелла была права. Приведи мы духовиков чуть раньше, и тогда вместо смешной свадебной музыки наши ребята

выдули бы что-нибудь более подходящее. Победное, героическое. Ну, хотя бы просто туш или даже футбольный марш.

А потом наступил самый торжественный миг — юбиляр Васька важно уселся в кресло и жесткая накрахмаленная салфетка укутала его свитер по самую шею. На мгновение парикмахер, склонившийся над Васькой с машинкой, ровно зудевшей в его руках, заслонил собой Ваську. Я видел лишь широкую спину парикмахера.

И вдруг произошло удивительное. Парикмахер дернулся, отступил вправо, а машинка почему-то вылетела из его рук и, брякнувшись на пол, продолжала гудеть и там, медленно вращаясь на месте и словно выбривая пол, проросший вдруг бородой. В то же мгновение раздался истошный, непонятный крик, из кресла выпрыгнул Васька, срывая с себя салфетку и тараща испуганные глаза. «Что с ним?— подумал я.— Заболел, что ли?»

И тут я невольно перевел взгляд на голову юбиляра и не поверил глазам. Слева, пропалывая в васькиной прическе глубокое ущелье и прихватив по пути добрый кусок легендарного чуба, тянулась широкая полоса. Невероятно! Парикмахер покусился на «памятник природы». Его машинка, вместо незаметного полета над чубом, злостно въехала в прическу, как бульдозер в заповедник,

Васька в страхе охлопал голову и, когда пальцы, скользнув с пышного джайляу, нащупали горячий пустырь, обернулся, глянул в зеркало и дрожащим голосом прошептал:

— Что... Что вы сделали?

Парикмахер, оскорбленный буйным поведением юбиляра, поднял с пола все так же звенящую машинку. Подрагивающими от обиды губами осведомился:

— Что случилось, молодой человек? Чем вы недовольны?

Васька пощелкал по свежескошенной полосе:

— Что это? Зачем? Кто вас просил?!

Парикмахер пожал плечами:

— Как это — кто просил? Ваш главный, Он же первый вошел и сразу за всех десятерых вперед заплатил.

— За каких десятерых?— Васька едва не заплакал.

— Ничего не понимаю...— парикмахер не скрывал растерянности.— Тот парень, что первым был, сказал, что военком велел всех вас постричь под ноль. Наголо, одним словом. Всех десятерых. А ты был восьмой. Я хорошо считал.

— Зачем мне под ноль, зачем? — только тут Васька вспомнил, как уговаривал знакомых взрослых мальчишек разрешить ему встать среди них. Так значит они призывники?! Ну и дела... Но он-то, семиклассник, при чем? Зачем его-то под ноль? За что?.. Ваське было ужасно жаль себя. Поняв, что в спешке совершил жуткую оплошность, растерялся и парикмахер.

— Я же не хотел...— лепетал он, повторяя одно и то же.— Я даже не подумал, что... Вот досада! Он мне сказал, тот, первый, что всех десятерых наголо, вот я и... А ты восьмой был, восьмой...

Доказывать, спорить, ругаться было сейчас бесполезно. Самое страшное уже случилось. Повертев головой, чтобы оценить масштабы нанесенного чубу урона, Васька с ужасом понял, что «памятник природы» уже не спасти. И тогда он уныло уселся обратно в кресло. Парикмахер нерешительно подступил к нему, тронул за плечо:

— Что теперь будем делать?

Васька вяло повел пальцами:

— Продолжайте... Что тут уже поделаешь... Я же — восьмой...

Машинка взвыла и стремительно скосила волосы, не споткнувшись и перед грозным чубом. Васькина голова вмиг стала вдвое меньше. Она полыхала синим пламенем, словно шаровая молния — того и гляди полетит искать жертву. Парикмахер нацелил на шаровую молнию пульверизатор и, как бы извиняясь за свой промах, выпустил добрых полфлакона бесплатного одеколona. Затем обтер голову незадачливого юбиляра салфеткой и виновато сказал:

— Готово! Поздравляю!

Васька поднялся с черным лицом. Узнать его было невозможно. Словно могучей приливной волной, вызванной глубинным землетрясением, лохматое цунами сокрушило очередь и вломилось

в парикмахерскую, откуда после стрижки и бритья стыдливо отхлынуло в океан — уже укрошенным, пугливым ручейком.

Васька поплелся к двери. Парикмахер окликнул его:

— Цветы... Ты забыл цветы...

Васька не обернулся. Он вышел из двери парикмахерской, и солнце зажмурилось, уронив лучи на сверкающую голову Васьки Кулакова. Михаил Харитонович резко взметнул руки, и оркестр, истомленный ожиданием, наконец-то грянул туш. Толпа, собравшаяся у парикмахерской, зааплодировала, а все мы, одноклассники Васьки, замерли с поднятыми руками, забыв, что надо хлопать герою события. Васька нашарил на груди шоколадную медаль, снял ее вместе с лентой и подошел к парню, который стоял в очереди за ним.

— Держите,— сказал Васька, протягивая парню свои награды.

Парень отшатнулся и процедил с удивлением:

— Мальчик, ты ошибаешься, Медаль твоя. Ведь это ты оказался стотысячным.

Васька затряс головой:

— Держите... Вы не знаете... Она ваша... Кушайте на здоровье...

Парень, ясное дело, стоял не шелохнувшись. И тогда Васька перекинул ленту через голову парня, опешившего от всего происходящего, махнул рукой и взрыдал:

— Оркестр! Туш!..

Инструменты обескураженно взревели. А Васька, нырнул в толпу и, выбравшись на простор, припустил со всех ног.

... Наутро он пришел в школу в ушанке с туго завязанными под подбородком шнурками. Даже когда прозвенел звонок и в класс вошла учительница, Васька не снял шапки.

— Что с тобой, Кулаков?— удивилась она.— Почему ты не снимаешь шапку. Тебе холодно?

Впору было удивиться. Еще и осень толком не началась, а до сезона зимних шапок была целая четверть.

— Не развязывается...— буркнул Васька. — Туго затянул.

— Так попроси товарищей, если сам не можешь. Балтабаев, помоги Васе.

Я послушно подошел к Ваське, протянул руки, чтобы попытаться расколдовать узел, но тут Васька, зло сверкнув глазами, прошипел:

— Только попробуй!.. Я специально... Я узнал — волосы в тепле быстро растут... Только тронь!..

Зря говорил он мне все это. Развязать узел было невозможно, Васька затянул его так, что снять с его головы шапку можно было теперь только с помощью ножниц. Весь день в шапке просидел...

Трудно стало теперь карикатуры на Ваську рисовать. Ведь уже не нарисуешь в стенгазете несуществующий чуб. Это все равно, что пытаться нарисовать воздух или звук.

Чуть не забыл... Призывник тот... Тот восьмой или тридцать седьмой — это теперь уже не имеет значения — шоколадную медаль с собой не унес. Когда Васька убежал, он ее нам отдал. Передайте, сказал, вашему чудаку. Его слава мне не нужна.

Медаль съели. Делил трофей сам Васька. Ровно на двадцать девять кусков — чтобы всем в классе досталось.

Сейчас он, главным образом, занят тем, что заново чуб отрачивает. Дело это хлопот не требует.

Но, наверное, прежний великолепный чуб появится у Васьки не раньше дня, когда парикмахерская станет чествовать миллионного клиента.

Интересно, сунется ли Васька в очередь?..

УЛЫБКА ЛОРДА БИСТУЗЬЕ ИЛИ «С НОВЫМ ХОДОМ!»

Не знаю, кто первым принес роковую спичку. Но школу охватил настоящий пожар. Через несколько дней все классы были объаты неотвязной игрой.

Играли до уроков. Играли на переменах, забыв о теннисном столе и буфете. А самые азартные игроки ухитрялись даже перекидывать друг другу записочки и во время урока, оттачивая мастерство едва ли не круглосуточно.

Правила игры оказались очень просты. Следовало втайне от соперников взять слово, означающее какую-либо профессию, и, используя его буквы, составить имя и фамилию вымышленного человека,

Каждую букву можно было использовать лишь раз. Затем, собственно, начиналась сама игра. Придуманное имя нужно было предъявить соперникам, чтобы они разгадали, о какой профессии идет речь. Побеждал тот, чьи имена оказывались неразгаданными и, по общему признанию, самыми неожиданными и красивыми, как бы соответствующими профессиям, из букв которых и были слеплены имена. Школа полыхала небывалой игрой. В каждом классе успели определиться лидеры. Поговаривали о скором неофициальном общешкольном чемпионате, на который каждый класс мог выставить по одному своему гению.

Нашим чемпионом был Стасик Барханов. Лично меня ничуть не удивляло, что Стасик лезет из кожи вон, чтобы стать победителем в любом туре. Ведь он, командир отряда юных друзей милиции, был убежден, что когда-нибудь обязательно станет следователем, и значит уже сейчас надо стремиться оттачивать наблюдательность. А в этом он был неумолим.

Учитель литературы Эммануил Львович, вникнув в суть нашего увлечения, сказал, что это называется «анаграмма».

Вот ведь как! Казалось бы — игра! А наука уже успела прибрать ее к рукам и даже придумала ей мудреное имя.

Начинали игроки с совсем простых комбинаций.

Ким Сян — означало «мясник».

Нил Стажур — «журналист».

Лена Рибба — «балерина».

О себе, Стасик, конечно же, придумал сам: Валлет Досье — «следователь». Одно только «досье» здесь заслуживало аплодисментов. Бурных и продолжительных. Переходящих в овации и в желание придумать что-нибудь и того красивее.

Но очень скоро виртуозы игры овладели приемами дешифровки диковинных имен в такой степени, что уже никто не рискнул бы подсунуть им такой пустячок, как, к примеру, Тони де Клоч, в котором зоркие игроки тотчас распознавали слово «отделочник». Такие слова щелкались как орешки, ибо первым долгом гроссмейстерами игры зорко изыскивались растворенные в именах суффиксы «ист», «ник», «тор», «щик», «лог», «тер»... После этого уже было проще пристроить к вагончику, поставленному на рельсы, голову состава.

Но мастерство и изобретательность росли. Уже, казалось, не было в мире профессий и хобби, которые бы не наловчились маскировать в именах самые заядлые игроки. Стоит ли удивляться, что особенно красивые и неожиданные изобретения молниеносно становились известными классу, а затем и всей школе. Кое-кто завел тетрадки, куда нанизывал бриллианты и складывал алмазы. Что ж, некоторые изобретения и конструкции даже нашего Стасика Барханова смотрелись ювелирными изделиями. Это ему принадлежали виртуозные находки, вызывавшие зависть и восхищение:

Товарищ Элекгразос - электрогазосварщик.

Ра ибн Кош — наборщик.

Корина Такси, а также Кирокита-сан — киноактриса.

Демис Сиртакт — таксидермист.

Адик Щволк — кладовщик.

Меир Стэкст — экстремист...

О тайном огне, тлевшем в классе даже во время урока, Эммануил Львович узнал из угодившей в проход между партами в результате недолета записки, посланной Сервером Стасику. В записке стояло только что изобретенное Сервером имя: «Гани-рза Тородзе».

— Что за шифровка? — нахмурил лоб Эммануил Львович. — Мамбетов, почему хулиганишь на уроке? Почти-ка, что ты написал.

И Сервер под хохот всего класса с гордостью расшифровал имя, которое он оказался не в силах удерживать в себе до конца урока.

— Это значит — дезорганизатор! — признался Мамбетов.

— Неужели? — удивился Эммануил Львович. — Хвалю за чистосердечное признание!

Эммануил Львович быстро пробежал глазами по имени в записке и кивнул:

— Сходится. Действительно, дезорганизатор. Очень точно сказано. Это ведь про тебя, Мамбетов. Про тебя. Так что, Гани-рза Тородзе, попрошу тебя выйти из класса и хорошенько подумать в коридоре на тему — для чего предназначен урок.

Ясно, что после этого случая кличка Гани-рза Тородзе прилепилась к Серверу как напалм.

Затеплившийся в школе огонь игры быстро перекинулся и в семьи, запалив фантазию мам и пап, братьев и сестер, шуринов и деверей. Даже шестилетний Рафаэлька — внук бабушки Ханифы — тоже изобрел слово, которое торжественно вручил нашей Замире Артыковой, тимуровке, когда она пришла к своей подшефной бабушке Ханифе. Из профессии милиционера Рафаэлька исхитрился выпарить имя Леон Мцири, чем поверг в изумление даже нашего Стасика, старший брат которого, лейтенант Барханов, был начальником поселкового отделения милиции. Думаю, Стасик втайне кусал локти, досадуя на себя за то, что не смекнул положить под микроскоп брата, чтобы самому увидеть как сквозь слово «милиционер» явственно проступает восхитительное «Леон Мцири».

Стасик, конечно же, продемонстрировал свое мастерство дома — дедушке Абдурахману и старшему брату. Уж ему-то он первым делом показал изобретение малыша Рафаэльки.

— Нашли, чем голову себе забивать! — высмеял Стасика брат милиционер.

— А ты сам попробуй! — горячился Стасик.

— Пожалуйста! — сказал брат и вмиг начертал на листе: «Уго Ловник, Прес Тупник».

— Да это и разгадывать не надо, — оскорбился Стасик-виртуоз. — Просто прочитать подряд — и все дела...

Дедушка Абдурахман молча прислушивался к перепалке внуков и улыбался.

Пожар игры не унимался еще недели две, и не было все это время в школе другого такого же всеохватного дела, пока...

Пока не начались у нас необъяснимые чудеса.

А начались они с того, что в один прекрасный день перед воротами школы пролегла глубокая траншея, отрезавшая свободный вход в школу. Траншея тянулась метров на двести в обе стороны от ворот, ее приходилось обходить, терять время. Школьный завхоз Лутфулла-ака перекинул через траншею две доски, чтобы соединить ставшую островом школу с большой землей. Но после дождика тысячи подошв натаскивали на эти шаткие мосточки глину, растирали ее, и ходить по скользкому настилу становилось опасно.

Траншею вырыли шустрым и клыкастым экскаватором, добывая из глубины изношенные трубы — приспела неотложная пора менять их. Но дело это у ремонтников замерло на полпути. Рабочие исчезли внезапно, будто все разом были вдруг брошены на углубление дна марсианских каналов. И только хобот экскаватора и ладонь бульдозера, в изнеможении навалившись на высокий земляной бруствер, замерли в ожидании работы, когда, с победой закончив престижные ирригационные объекты на Марсе, ремонтники возвратятся к земным заботам и вернут технику к жизни.

Однако когда дождь — поначалу робкий пацан — посолиднел, обрюзг и зарядил всерьез, стало совсем худо. Глиняная каша набухла и поползла от бруствера по обе стороны, сделав подход к воротам неприступным. Смельчаки отважно балансировали на доске, другие преодолевали опасный для обуви, чулок и штанин участок в обход и вброд. Близ водопровода около вестибюля разыгрывались баталии за право первым отмыть обувь. Спасительную воду брали штурмом. Кое-кто посмекалистее захватывали из дома вторую пару обуви.

Директор школы Мумин Ахмедович не отходил от телефона, силясь установить связь с хозяевами экскаватора и бульдозера, беспризорно застывшими у траншеи. Следы хозяев словно смыло дождем.

Положение стало угрожающим. И тогда Мумин Ахмедович принял отважное решение — повалить часть забора там, где кончалась траншея, чтобы мы ринулись к знаниям через пролом и при этом не изводили обувь столь скоростными темпами, повергая в отчаяние и наших мам, и школьную вахтершу, которая со шваброй наперевес стояла у входа в вестибюль, обороняя вход от тех, у кого не хватило терпения или сноровки толком реанимировать обувь после очередного взятия брода штурмом.

Поэтому однажды, в отчаянии положив телефонную трубку на рычаги, Мумин Ахмедович решительно воскликнул:

— Все! Моя совесть чиста! Рабочих опять не могут прислать... Бросили на какой-то аврал... Безобразия! Решено, завтра сделаем брешь в заборе. В районе дыру я согласовал по телефону, они дали добро, можно ломать.

Мы со Стасиком Бархановым и Стеллой Хван слышали это, проходя после уроков мимо распахнутой двери директорского кабинета, когда Мумин Ахмедович громко делился своим отчаянно-героическим решением с тетей Зиной, секретаршей.

А мы шли к Стасику домой. Для дела. Нужно было обсудить важный вопрос — как поздравить Эркина Холматова. Это поручил нам совет отряда.

Эркин — наш вожатый с поселкового рудника. Друг отряда. Он работает электриком. Правда, у нас бывает совсем редко, можно сказать, только по праздникам. И еще как-то раз Эркин приходил, чтобы в кабинете физики сделать две новые розетки.

Но недавно в школу пришло письмо. На конверте значилось — «7-му «Б». В конверте лежала открытка, на которой порхали два спаянных желтых кольца, а текст гласил: «Приглашаем

представителей класса на торжественный вечер, посвященный нашему бракосочетанию. Эркин и Гульчехра».

Вот как! Наш вожатый женится! И приглашает нас... Что ж, давненько не виделись, есть повод встретиться... Посоветовавшись, решили, что на свадьбу пойдём мы трое. Но зато и про подарок должны будем думать сами.

Стелла сходу попыталась навязать нам свою девчоночью кулинарную идею:

— Давайте испечем и подарим торт! Красиво будет. Представляете — поверх торта выведем: «Дорогому вожатому от 7-го «Б»... и еще, — Стелла наморщила лоб и радостно выпалила: — И еще — стихи: «Эркин и Гульчехра, поздравляем, ура!»

— Не пойдет! — возразил Стасик. — На свадьбе будет навалом тортов, наш и не заметят.

— Не заметят, — согласился я и добавил: — Вот если бы Стелла испекла его в каком-нибудь... электрическом виде... Тогда бы Эркину точно понравилось — электрик ведь...

— Отлично! — захопала в ладоши Стелла. — Можно испечь в виде лампочки, плафона или... в виде гирлянды на высоковольтной мачте! Здорово, а?

— Скажи еще — в виде трансформаторной будки, — усмехнулся Стасик. — Для такого торта нужно пять мешков муки, пятьсот яиц и два ящика масла. А перевозить — на железнодорожной платформе. Таким тортом не только свадьбу — всех электриков Советского Союза накормить можно.

Слушая отповедь, Стелла обиженно надула губы — она уже видела себя хлопочущей у плиты.

— Ну и не надо! — сказала она. — Тогда сам думай.

К нашему спору с интересом прислушивался дедушка Абдурахман, отложивший в сторонку журнал «Огонек», который листал, когда мы поднимались на веранду. Еще тогда он с удивлением обратил внимание на наши со Стасиком ботинки и сапожки Стеллы, обросшие пудовыми комьями глины. Обувь мы, конечно же, скинули у крыльца, чтобы позже, уходя, отмыть ее под краном.

— Где достали? — спросил дедушка Абдурахман, с усмешкой кивая на нашу редкодно грязную обувь.

Стасик ответил нехотя:

— Я тебе рассказывал — перерыли там у нас... Пройти невозможно.

— Рассказывать-то рассказывал, — подтвердил дедушка. — Такого я еще не видел.

— А дождик?! — вспыхнул Стасик. — Ты бы, дедушка, сам; посмотрел, что у школьных ворот творится, тогда бы не смеялся. Но ничего, завтра будет хорошо.

— Вернулись строители? — спросил дедушка.

— Какой там... Они все бросили на берегу канавы и испарились. Директор решил забор сломать.

И мы рассказали дедушке Абдурахману о том, что услышали, идя сюда.

— Забор повалить — дело несложное, — проворчал дедушка Абдурахман и вздохнул: — Ломать — не строить...

Наш разговор о подарке вожатому заинтересовал дедушку потому, что он и сам приглашен на свадьбу. Дедушка был дружен с отцом Эркина Холматова — Рахимом-бобо. До выхода на пенсию оба работали на руднике. Дедушка Абдурахман бульдозеристом, а Рахим-бобо — в бухгалтерии. На тумбочке в комнате дедушки сейчас горделиво стояла точно такая же, как у нас, открытка с приглашением на свадьбу.

Мы спорили до хрипоты, перебрав уйму вариантов подарка. Но каждый был чем-то неугоден кому-либо из нас. Уже темнело, когда Стасик, держась за воспаленную голову, уронил:

— А может... торт?..

Мы со Стеллой, разом позабыв про головную боль, с изумлением уставились на Стасика и, не сговариваясь, рассмеялись. Стоило ли терзать себя и друг друга добрых три часа, чтобы в конце концов набрести на то решение, которое легко нашла Стелла в самом начале изнурительного путешествия по вариантам. Но теперь, когда круг замкнулся, было ясно, что от торта нам не уйти.

Кстати говоря, дедушка Абдурахман похвалил эту идею, сказав, что наш рукодельный торт вожатому и его невесте должен обязательно понравиться. Когда дедушка Абдурахман говорил нам это, добродушная лукавинка заставляла его щеки подрагивать.

Утром, подходя к школе, я уже наладился было, как обычно, на глубокий рейд в обход канавы. Но еще издали удивился тому, что ребячьи толпы, как и было когда-то, спокойно втекают в школьные ворота, а не месят глину на объездных путях. Это было удивительно и непривычно. Неужели завхоз Лутфулла-ака добыл и уложил новые широкие доски — временный мост через ущелье перед воротами. Удивление ожидало меня уже у самих ворот. Глубокая траншея была засыпана на всю ширину ворот, и в этот проток устремилась обрадованная сюрпризом толпа.

У ворот, оперев руки в бока, стоял растерянный директор, а на картонке, одетой на шляпку торчащего из ворот гвоздя, зеленым фломастером было выведено: «С новым ходом, дорогие ребята!»

Чуть ниже вилась странная подпись: «Лорд Бистузье»,

Я не выдержал, протиснулся к Мумину Ахмедовичу.

— А кто это — Лорд Бистузье? Иностранец?

Директор растерянно пожал плечами:

— Сам ничего не понимаю. Мистика да и только. Кто-то ночью сделал. Бульдозером. Видишь, он сегодня какой-то другой...

Я глянул на брошенный строителями бульдозер и сразу же заметил, что он стоит вроде бы все там же, но гусеницы густо облеплены свежей глиной. А еще вчера она была засохшей, окаменелой. Сомнений не было — канаву перед воротами засыпал бульдозер. Но ведь не сам же... кто сел в кабину, чтобы навести этот долгожданный глиняный мост?..

Я перевел взгляд на картонку. Лорд Бистузье... Что за наваждение? Какой еще лорд? Откуда он в нашем поселке? К кому в гости приехал? Турист что ли? И почему у лорда явно французская фамилия, ведь титул «лорд» имеет прописку в островной стране туманов, отделившей себя от суши проливом Ла-Манш... Как бы там ни было — переправа через канаву наведена! Но во всем облике директора виделась растерянность. Почему же?

— Молодец он, этот лорд...— осторожно сказал я, косясь на директора.— Вмиг сделал!

Мумин Ахмедович вздохнул:

— Одно хорошо, а другое плохо.

— Чего ж плохо?— удивился я.— Теперь-то ходить можно.

— Мал ты еще о таких вещах рассуждать,— вздохнул директор.— Думаешь, я и сам не смекнул бы, как вмиг засыпать здесь канаву? Да любой класс за урок завалил бы всю ее лопатами, без бульдозера.

— Вот и надо было самим! — воскликнул я.— Зачем ждали?

— А затем,— назидательно и веско объяснил директор,— что нельзя нарушать правила. Инструкции есть, документы, проекты — это дело строгое. Канаву зарыть — это, дружок, сначала согласовать надо. Чтобы без самостоятельности было, без произвола, Это тебе только кажется, что простое дело.

— Так зарыл ведь!— показал я на бульдозер.— Этот... Лорд... Бистузье... Он с кем советовался?.. Мы слышали, что вы и сами хотели сегодня забор сломать. Ведь хотели?.. А зачем? Куда лучше засыпать канаву.

Директор устало махнул рукой:

— Опять не понимаешь. Забор — он наш, он свой, родненький. На нашем балансе. Что хотим, то и делаем с ним. А канава — она по ведомству ремонтной конторы проходит. Чужая собственность, так сказать... Не наша канава, понимаешь?

— Подумаешь — канава...— протянул я. — Зато этот лорд...

Директор сердито глянул на меня и отчитал:

— Больно много вопросов задаешь. Если бы я и сам знал, кто это сделал. И с кем согласовал... Ночью ведь было.

Он тяжело вздохнул:

— Не было бы неприятностей. Что-то тут не так. Захвачу-ка я эту записочку,— и он осторожно снял с гвоздя послание лорда Бистузье — нашего таинственного спасителя — и унес картонку в свой кабинет.

Понятно, что весь день во всех классах бурно обсуждали вопрос: кто же он — загадочный лорд Бистузье. Ломали голову и мы. Да только так ничего и не придумали. Никаких заморских лордов в поселке не проживало, никаких Бистузье в числе жителей не значилось. Между тем, все это не

было ни сном, ни вымыслом — визитка лорда Бистузье с текстом «С новым ходом!..» хранилась у директора...

Назавтра нам втроем предстояло идти на свадьбу — поздравлять вожатого от имени отряда. Поэтому на весь вечер мы со Стасиком передали себя в распоряжение Стеллы — генерального подрядчика по изготовлению торта. По ее приказам мы кололи орехи и извлекали ядрышки, растирали и взбивали масло. Работы хватало. Жаль только, что задуманной гирлянды — не то что трансформаторной будки — у Стеллы не получилось — не придумали подходящей формочки. Пришлось изваять обыкновенный круглый торт. Пусть считает, что это — розетка. Зато когда он был готов, мы специальным шприцем начертили кремом по кругу сладкой розетки:

«Эркин! Мы от 7-го «Б» поздравления шлем тебе!»

Вышло красиво. Но когда из шприца выполз финальный восклицательный знак, я спохватился:

— Эх, растяпы!..

— Что такое?— встревожилась генеральный кондитер Стелла.

— Гляди, одного Эркина поздравляем,— раздосадованно показал я.— Надо было и Гульчехру вписать.

Но исправлять было поздно, кремовая вязь легла на торт основательно. Это же весь торт заново перепекать.

— Ничего страшного,— успокоил нас Стасик.— Может, невеста Эркина тоже чья-нибудь вожатая. Если и ее поздравят, в среднем будет хорошо.

Ничего не оставалось, как согласиться с Бархановым.

Вечером мы торжественно вручили торт Эркину. К нашей радости, никто больше тортов не дарил. И еще — заметили, что гости суетливо суют Эркину в карманы какие-то конверты. Можно было подумать, что гости пришли на свадьбу, чтобы вернуть жениху пригласительные билеты.

Через два дня Эркин удивил нас. Он неожиданно пришел в школу — долгожданный, редкий гость. Зайдя к нам на перемене, он сказал:

— Показывайте, что тут у вас не горит, не светится? Письмо ваше я получил. Ну и шутники!..

Мы удивились. Эркин говорил загадками. Какое письмо? Но больше изумило другое — как проведаль Эркин, что в классе не горят три лампы дневного света и поэтому у нас темновато — особенно в пасмурный день.

Эркин щелкнул выключателем и сразу же увидел, какие светильники барахлят. Встав на парту, Эркин быстро привел все в порядок, и скоро класс залился ровным светом.

Спрыгнув с парты, Эркин хлопал ладони, приговаривая:

— И все дела! Долго ли умеючи?

Сам себя спрашивал, себе же и отвечал. Подойдя к Эркину, я любопытствовал:

— А что за письмо?

Вожатый заулыбался, погрозил пальцем:

— Шутники! Ну и шутники! Ишь, что придумали.

Тут все не выдержали, загалдели хором:

— В чем дело?

— Какое письмо?

— А мы никакого письма не писали...

Эркин полез во внутренний карман пиджака и достал измятый конверт.

— Узнаете?

Все еще ничего не понимая, я взял из его рук конверт и извлек вдвое сложенный листок. Развернул и увидел уже знакомый зеленый фломастер: «Товарищ жених! Если вы не забыли, что вы еще и вожатый, и электрик, срочно посетите ваших тоскующих подшефных, у которых померк свет. Лорд Бистузье».

Опять этот лорд! Опять Бистузье! Чудеса...

— А откуда оно у вас?.. Это письмо...— спросил я.

— Нашел.

— В почтовом ящике?

— Какой там! В кармане. После свадьбы. Кто-то из гостей положил. Я и сам удивился. Понял, конечно, сразу, что это ваша уловка, ваше письмо. Не почему — лорд?.. И когда вы успели конверт подсунуть? Я и не заметил... А торт ваш был отличным! Спасибо! И вообще вы, ребята, правы. Надо встречаться чаще. И ко мне на рудник тоже приходите, покажу потрясающие вещи. Не пожалеете.

Прощавшись, Эркин ушел, оставив нас в смятении.

Стасик сосредоточенно морщил лоб, склоняясь над словом «электрик».

— Ты чего?— спросил я.— Это же просто. — И быстро написал рядышком — Кит Эклер.

Стасик бросил угрюмо:

— Думаешь, сам не вижу такой ерунды.

— Откуда я знаю, о чем ты думаешь.

— О лорде. О ком же еще. Подозрительно это. Что за конверт? Кто вызвал Эркина? Ведь никто не знал, что в классе лампы погасли.

— погоди!— я схватил Стасика за руку и тут же перешел на шепот.— Ты вспомни. Мы об Эркине у тебя дома говорили. Позавчера. При бабушке.

Стасик смерил меня взглядом, полным жалости.

— Ну и что с того, что говорили?— выдохнул он наконец.

— Он слышал.

— Ну слышал,— с ухмылкой согласился Стасик.— И что же выходит? Рассказал эту жуткую тайну лорду Бистузье? Ерунду говоришь. Надо сперва узнать, кто этот лорд.

Кто же? Кто же?..

После уроков мы со Стасиком остались, чтобы сделать «Молнию». Нужно было приговорить к осмеянию Ваську Кулакова. Был серьезный повод. Где-то раздобыв сильный бинокль, он ухитрился целые две недели списывать домашние задания по математике у Сервера Мамбетова. Сервер готовил уроки у распахнутого окна, и Васька, удобно устроившись на отдаленной крыше, с комфортом слизывал готовые решения, пока не был замечен и разоблачен. Мы решили сделать злую карикатуру и вывесить ее в классе.

Придумав рисунок и быстро смастерив его простым карандашом, мы принялись раскрашивать карикатуру. Добравшись до нарисованного фикуса в кадучке перед окном, вдруг обнаружили, что в коробке нет зеленого фломастера. Коробка принадлежала Стасику.

— Глянь в портфеле — может вывалился,— посоветовал я.

Не было зеленого фломастера и в портфеле.

— Был он у меня, был — недоумевал Стасик. — Неужели дома остался?

Внезапно он застыл, будто напав сраженный тайной мыслью. Затем лихорадочно выхватил из портфеля какой-то листочек, размашисто начертил на нем слова «Лорд Бистузье» — и окунулся в раздумья.

Стасик накалывал кончиком ручки буквы, бубня что-то. Внезапно он отбросил ручку, победно вскинул руки, вскочил и завопил:

— Нашел! Я нашел! Вот так лорд!..

Все еще ничего не понимая, я с изумлением и опаской глядел на ликующего Стасика. Он напоминал сейчас Архимеда, который, вытеснив некогда из исторической ванны воду, смекнул, что тут кроется великий закон, и точно также, задолго до Стасика, первым крикнул: «Эврика!.. Я нашел!..»

Пританцовывая, Стасик вернулся к парте и, подозвав меня пальцем, написал размашисто: «Бульдозерист».

— Ты понял?— воскликнул Стасик. — Гляди сам,— и, последовательно вытесняя из слова «бульдозерист» по буквке, быстро составил загадочное «Лорд Бистузье».

У меня едва не отнялся язык. Ай да Стасик! Какое слово вытеснил из Лорда Бистузье!

— Точно!— потрясенно выдохнул я. — Бульдозерист!

— Догадываешься, кто?

Я тут же вспомнил, что Стасик пришел к своему архимедовскому озарению сразу после того, как обнаружилась пропажа зеленого фломастера, и неуверенно выдохнул:

— Дедушка что ли? Дедушка Абдурахман?..

Стасик рассмеялся:

— Конечно, он! Он же всю жизнь с техникой работал. Сначала трактористом был. На войне — танкистом, а потом пересел на бульдозер. Ты же и сам это знаешь.

— Выходит, он и засыпал ночью канаву?

— Кому еще...

— И конверт Эркину подсунул?

— Больше некому. Его работа.

Уж тут, не выдержав, мы рассмеялись дуэтом. Отдышавшись, Стасик повторил, похохатывая: «Товарищ жених! Посетите... ой, не могу!... ваших т-тоскующих п-подшефных...»

Оставив нераскрашенным только фикус, мы помчались к Стасику. Когда пробежали мимо почты, я предложил:

— Есть идея...

Купили конверт. Мы присели за стол и на голубоватом бланке телеграммы написали: «Лорду Бистузье тчк Срочная тчк Просим вернуть зеленый фломастер тчк Благодарим за канаву и за свет в классе вскл».

Телеграмму мы вложили в конверт.

... Дедушка Абдурахман смотрел телевизор.

— Это вам!— торжественно сказал я, протягивая ему конверт и с трудом сдерживая улыбку.

Прочитав телеграмму, дедушка Абдурахман развел руками, потом медленно и словно с сожалением взял с тумбочки портсигар, раскрыл его и...

И вытащил из него зеленый фломастер.

СКОЛЬКО СТОИТ ЛАОКООН?

Заглянув в класс, секретарша директора тетя Зина поманила пальчиком нашего учителя Эммануила Львовича и с таинственным видом подала сложенную бумажку. Эммануил Львович пробежал глазами текст, потом призывно помахал переданной ему запиской, подзывая Андрея Никитенко:

— Иди сюда, национальный герой школы. Это директор о тебе пишет. Кличет тебя для неотложного дела.

Андрей подошел и уставился в записку.

— Вслух читай,— с улыбкой сказал учитель.— Тут секретов нет, пусть все знают, какие люди есть в нашей школе.

Мы заволновались. Да и как не прийти в беспокойство — никому из нас Мумин Ахмедович никогда не присылал личные послания во время урока. Чем же так отличился вдруг Андрей? Вроде бы всегда на виду у всех. Ну, скромник!

Впрочем, все сразу же разъяснилось, хотя сама записка задала нам новую загадку.

Андрей прочитал вслух директорскую депешу: «Уважаемый Эммануил Львович! Прошу Вас разрешить Андрею Никитенко срочно взять в лаборатории фотоаппарат и зайти ко мне, требуется экстренно сфотографировать на Доску почета девятиклассника Романа Суровцева, совершившего редкий и благородный поступок. Заранее благодарю за содействие».

Выходит, вовсе не Андрей герой, хотя он и знаменит на всю школу как фотограф. Герой-то — девятиклассник Ромка Суровцев! Герой!.. В это трудно было поверить. Ромка Суровцев, старший брат нашей Кати, всю предыдущую свою жизнь, проходившую у всех на виду, отличался в чем угодно, но достижений в области благородства, насколько мы его знали, не имел и малейших. Его подвиги удивляли бессмысленностью, а беспричинный и злой смех пугали

Это именно он связал однажды хвосты четырех котов крестовиной веревки, чтобы проверить, как побегут они на все четыре стороны, топчась на месте...

Как-то зимой, шутки ради, Ромка вынес из школы швабру, остановил какого-то первоклассника, приказал опешившему малышу развести в стороны руки, затем уже сам продел в оба рукава швабру, пропустив ее за спиной перваша, глухо застегнул на нем пальто, нанизал портфель на рукоять швабры и только тогда велел зареванному бедолаге топать домой. Ромку, конечно же, нашли родители распятого на швабре малыша. Но Суровцев предпочел объясниться с ними легким смехом, заявив, что малыш проучен за неуважение к старшим — видишь ли, не сдернул шапку и не поздоровался, когда проходил мимо Ромки.

Это он, Ромка Суровцев, хохмы ради пропустил через мясорубку торт, заготовленный к собственным именинам, и в результате поданный к столу на лягане в виде приторного фарша.

А начинались эти его дикие проказы с того, что еще в пору, когда он был первоклассником, выловил в аквариуме школьного зооуголка шесть золотых рыбок, отнес добычу домой в литровой банке, поставил на зажженную плиту сковороду и пустил рыбок плавать в оливковом масле. Когда его спросили, почему он заживо изжарил рыбок, юный живодед презрительно скривился:

— Никакие они не золотые. Притворялись только. Ни одна не попросила пощады, ни одна не обещала вместо меня в школу ходить. Разочаровался... А золотые просят. Даже у Пушкина об этом написано...

Это он Пушкина проверял на честность...

Если бы в пушкинской сказке, вместо добродушного горемыки-старика, рыбку выловил Ромка Суровцев, не стал бы он мелочиться, как тот рохля-старик, не просился бы вместе со своей жадиной-старухой в бояре да дворяне. Ромка сходу приказал бы золотой рыбке, чтобы она назначила его директором школы. От желаний Ромки Суровцева любая золотая рыбка утонет, океан закипит и испарится, а спелый помидор обратно позеленеет, вспять...

Когда Андрей прочитал вслух записку директора, наши взоры, ясное дело, скрестились на Кате — Ромкиной сестре. Пусть скажет спасибо, что глаза — не зеркала, а взоры — не солнечные лучи: испепелили бы мы Катю. Мы ожидали, что она тотчас объяснит, за что Андрея похищают прямо с урока, чтобы обессмертить с помощью фотоаппарата благородный лик ее старшего братца Ромки — пожирателя золотых рыбок и вязальщика кошачьих хвостов. Но Катя не торопилась излечить наше любопытство, а только сказала, горделиво пальнув глазами по сторонам:

— Видали, какой у нас Ромка? Всем нос утер! Слыхали, что директор пишет? «Благородный поступок...». Что, съели?!

Гордость — дело неплохое. Но зачем же ею других по головам дубасить?

Войдя с фотоаппаратом в кабинет директора, Андрей увидел там вот какую картину. Ромка Суровцев, скромно потупя взор и скрестив руки на коленях, сидел на краю дивана, а Мумин Ахмедович возбужденно кричал в телефонную трубку:

— Милиция?.. Это милиция?.. Товарищ лейтенант, у нас случилось радостное происшествие. Вы будете у себя? Отлично! Минут через двадцать к вам явится наш ученик. С какой повинной? Что вы! Не с повинной, а с находкой. С кладом!..

На столе директора стояла облепленная глиной фарфоровая ваза. Сквозь налипшие комья на боку вазы была видна любопытная картинка: трое мужчин, увитые толстыми змеиными кольцами, тщетно пытались высвободиться из плена. Поймав взгляд Андрея, Мумин Ахмедович восхищенно пояснил:

— Это же — Лаокоон! Античный миф про Лаокоона и его сыновей. Их боги наказали... за прорицание Лаокоона. Он их против Одиссея предостерегал... Вы это по древней истории проходили. В пятом... Нравится?..

Андрей растерялся:

— Кто?.. Миф?..

— Не про миф спрашиваю, а про вазу. Красота какая! Роман на своем огороде нашел. Представляешь? И вот — принес... Представляешь?! Решил сдать государству находку. Ну, молодец, а?! Я в этом деле, честно говоря, не очень... Но как бы там ни было — вещь старая. А главное — что сам он принес, сам!

— Наверное, этот Лаокоон очень дорого стоит!— восхищенно протянул Андрей.

— Сколько бы ни стоил,— перебил Мумин Ахмедович,— тут совсем другое ценно, другое. Сам сдал, понимаешь — сам. Ведь от Ромы такого никто не ожидал. А ведь сдал, чертяка, не утаил. А ты говоришь — дорого стоит... При чем тут деньги...

Директор подлетел к вазе и поманил к себе Андрея и счастливо шепнул:

— Это, Андрюха, еще не все!.. Иди сюда скорее. Посмотри-ка, что тут лежит.

Андрей склонился над жерлом вазы и увидел разноцветные бумажки. Потянул на себя одну из них. Деньги! Старинные деньги!

— Они лежали в вазе?— догадался Андрей.

Ромка поднял голову, решив, по-видимому, что он уже вдоволь отдал дани скромности и что, умножая это качество, можно незаметно перейти грань приличия.

— Там лежали, там,— буркнул он.— Девятьсот рублей.

— Девятьсот рублей!— ахнул Андрей.

— Копейка в копейку,— солидно подтвердил Ромка Суровцев.— Почти кусок и все — бумажками. Вот, сдаю государству. От и до...

— Здорово!— сдался Никитенко.— У нас в поселке еще никто кладов не находил.

Ромке эта похвала не понравилась.

— Скажи поточнее,— сердито поправил он Андрея.— Скажи, что никто у нас пока кладов не сдавал.

Это Ромка намекнул, что он первый, кто запер на замок не клад, а личные интересы. Мысль была, может, и спорной, но на столе-то сейчас горделиво высилась подземная находка и спорить о том, находились ли у нас клады и раньше, было бы неуместно.

— Что я должен делать?— с готовностью обратился Андрей к директору и погладил свой «Зенит», на «плечи» которого он уже успел приставить фотовспышку.

— Давай-давай!— заторопился Мумин Ахмедович.— Пленки не жалею. Я уже и лейтенанта Барханова предупредил, он ждет. Сними героя вместе с его находкой. Пусть нам на память останется это фото. Найдку-то он сейчас отнесет в милицию. Так по закону положено.

— Где снимать? Прямо здесь?

— А чем тебе мой кабинет плох? Давай для начала здесь. Рома, кончай скромничать. Становись к своему кладу.

Видя нерешительность Суровцева, Мумин Ахмедович схватил его за плечи и поставил близ своего стола, передвинув вазу поближе к герою. Денежки, чтобы они были видны на фото, директор извлек из кратера вазы и, распушив цветным веером, протянул Ромке:

— Держи!

Вспышка трижды ослепила героя события, и каждый раз Андрей менял выдержку и диафрагму, чтобы исторический снимок получился наверняка.

— А теперь — в милицию!— радостно заторопил Ромку директор и обернулся к Андрею: — Тебя попрошу тоже пойти с Суровцевым к лейтенанту Барханову. Вместе пойдем. Сфотографируй момент сдачи клада. Это будет еще интереснее, чем здесь. Как думаешь?

Андрей согласился:

— В милиции интереснее. Можно было сразу там снимать.

Директор шутливо погрозил пальцем:

— Это брось. Роман клад сперва в родную школу принес. Поэтому пусть, так сказать, все этапы благородного поступка будут запечатлены. У нас Доска почета большая, места для всех снимков хватит...

Жаль, Ромка Суровцев золотых рыбок жарил без фотографа и котов вязал без фотографа. Жаль... Но только на какую Доску пошли бы те снимки? Да и прибавили ли почета?..

Мумин Ахмедович лично запеленал вазу в мешковину, которая лежала в углу его кабинета, и передал Ромке:

— Осторожно носи, не разбей. Ведь сколько в земле лежала — и целехонькая! Обидно будет...

Ромка двинулся в милицию, сопровождаемый торжественным эскортом. Впереди шел Мумин Ахмедович, заботясь о том, чтобы никакие случайности не помешали Ромке благополучно завершить свой исторический путь к заслуженной славе.

Лейтенант Барханов встретил гостей у дверей — уж больно необыкновенным было дело. В истории поселкового отделения милиции пока не было случая регистрации клада. На стол лейтенанта Барханова легли старинные деньги, рядом торжественно утвердилась ваза. Мешковину Ромка скомкал и втиснул в корзину для бумаг, притулившуюся к столу сбоку. Огненный глаз фотовспышки озарил эпохальные моменты — рукопожатие, которым обменялись лейтенант Барханов и кладодатчик Ромка Суровцев, и торжественное подписание Ромкой акта о добровольной передаче клада в казну.

Пора было уходить. Поднялся Мумин Ахмедович, Андрей зачехлил раскаленный «Зенит», а Ромка все медлил. Наконец он промямлил, обращаясь к милиционеру:

— У меня просьба к вам...

— Слушаю.

— Сколько процентов?.. Ну, по закону, сколько процентов?..

— Понял! — подхватил лейтенант Барханов и объяснил: — Нашедшему клад по закону положено двадцать пять процентов от стоимости клада. Не волнуйся, все получишь, что положено. Но сначала клад оценят специалисты...

— Вот-вот!— прервал милиционера Ромка.— Потому и спрашиваю. Не надо никаких специалистов.

— Почему не надо? — удивился лейтенант Барханов.— Как же иначе установить сумму вознаграждения?

— А я ничего не хочу,— вполне спокойно заявил Ромка, повергнув всех в новое изумление — быть может, большее, чем восхищение самим сданным кладом.

Жаль, что нельзя сфотографировать устное Заявление, иначе Мумин Ахмедович непременно велел бы Андрею израсходовать на него остатки пленки и электрического тока, сгущенного в батареях фотовспышки.

Видя общее недоумение и растерянность, Ромка внятно повторил:

— Я сдаю клад просто так, понимаете? Я отказываюсь от вознаграждения. Мне ничего не надо. Хочу только, чтобы эта древняя ваза была выставлена в музей или в нашей школе. В кабинете истории...

Как тут не прийти в изумление! Ромка отказывался от вознаграждения за клад. Жертвовал четверть его стоимости. И это — Ромка, который все еще грешил тем, что отнимал у первоклашек в буфете пятаки? И это — Ромка, который не гнушался купить десяток билетов на какой-нибудь громкий фильм, чтобы в последнюю минуту «уступить» их уже по рублю за штуку, объясняя, что «почему-то не пришел друг, а сдачи с рубля у меня нет».

— Не надо специалистов,— еще раз громко сказал Ромка.— Я отдаю даром.

Это было невероятно. Но факт оставался фактом. Ваза и древние деньги, как змеиные кольца на картинке откопанной Ромкой вазы, опутали Андрея, Мумина Ахмедовича и лейтенанта Барханова своей достоверностью, очевидностью. Они были здесь, рядом, на столе. И здесь же было громогласное заявление самого Ромки об отказе от вознаграждения.

— Андрей...— прошептал Мумин Ахмедович.— У тебя... Это... пленка осталась?

— Четыре кадра еще есть,— отозвался Никитенко.

— Может, ты с Ромой заодно и на огород его сходишь? Пусть он покажет тебе место, где он выкопал это чудо. Сними и его, что ли...

Андрей пожал плечами.

— Могу, если надо. Пошли на огород.

Было ясно, что портретам отличников на Доске почета придется потесниться. Оно и понятно. Пятерка — не клад, ее в милицию не сдашь. И вознаграждения за пятерки пока не платят.

Оперативности Андрея можно позавидовать. На другой день ворох до сияния отглянцованных снимков дыбился на столе Мумина Ахмедовича — в том самом месте, где накануне стояла потрясшая нас ваза. Директор, а с ним и все, кто был в тот момент в кабинете, рассматривали снимки и хвалили Андрея. Школьный летописец поработал на славу. Теперь история школы не имела пробела — дивное событие вовремя и подробно запечатлено.

В тот же день три фотографии были приклеены к Доске почета. Вся школа толпилась у фоторепортажа о выдающейся находке и неслыханном благородстве Ромки. Сам Ромка, выждав, когда у снимков скапливалась особенно пухлая толпа, медленно шествовал мимо любопытных, и тогда кто-то из них обязательно восклицал:

— Смотрите! Вот он сам идет!..— и толпа глазела на Суровцева.

Да, это была слава! Ромка впитывал ее и разбухал на глазах. На третий день он так уверовал в собственное величие, что стал считать себя достопримечательностью школы и всего поселка — не хуже найденной вазы и древних денег в ней. Пожалуй, Ромка не протестовал бы, если бы уже и его самого толпа у Доски почета попыталась сдать лейтенанту Барханову, как величайшую редкость. Хоть за вознаграждение, хоть — даром...

Правда, на другой день после этого события приключилось вот что. На уроке истории Ромку Суровцева вызвали отвечать. Идти к доске Ромка отказался.

— Не учил?— огорчился учитель.— Что ж, поставим два.

— Я же вчера вазу сдавал!— возмущенно воскликнул Ромка.— И деньги... Разве вы не знаете?

Ручка учителя, опасно зависшая над журналом, дрогнула и остановилась.

— Бесплатно сдал...— дожимал Ромка.

— Правда, сдал...— уже хором скандировал класс.

Учитель вздохнул:

— Да я и сам знаю... Но при чем тут урок? Разве ученику, нашедшему клад, в награду разрешают не учить уроки?

Двойки он так и не поставил. Целую неделю продержался Ромка на своей славе. Целую неделю не выходил к доске, и каждый раз учителям было совестно ставить двойку тому, кто своим славным поступком наделал столько доброго шума в школе.

А через неделю меня и Андрея ждал сюрприз. Нас пригласили приехать на телевидение. Детская газета организовала заключительную передачу, посвященную итогам юннатского конкурса под названием «У природы нет плохой погоды». А мы с Андреем в этом конкурсе победили — он сфотографировал, а я написал заметку про то, как мы спасали от гибели выползших на тротуар раззяв-улиток. Одно удивляло нас, какое же это будет подведение итогов, если мы уже давно извещены, что победили, а месяц назад даже получили по почте главный приз конкурса — пишущую машинку «Москва»?! Но Мумин Ахмедович все объяснил.

— Мне звонили из редакции,— сказал он, почему-то стараясь отводить глаза в сторону.— Просили напомнить, чтобы вы обязательно привезли с собой в студию пишущую машинку. Так что не забудьте...

— А зачем машинку обратно в Ташкент везти?— удивился я.— Забирают, что ли? Передумали награждать?

— Ну что ты, Володя!— успокоил директор.— Просто так уж у них получилось... Сперва передача не планировалась, вот они и прислали вам приз. А тут вдруг, видать, переиграли. Вот и... В общем, они вам ее снова вручат. Понимаете? На весь эфир... И вроде как бы впервые... Чтобы все видели этот момент. Телевидение... Специфика... Это же такая честь... Вас Мурад отвезет — я ему сказал. Мы эту передачу всей школой смотреть станем! Мой телевизор вынесем из кабинета в актовый зал — на сцену. Так что мы будем с вами, золотые мои!..

В последний момент, будто вспомнив о чем-то очень важном, директор встрепенулся и сказал Андрею:

— Захвати-ка на всякий случай фотографии про клад Романа Суровцева. Может, выступить будешь. Вот тогда расскажи и об этом. Пусть все знают, какие у нас дела бывают...

Хорошо, подумал я, что там, на телевидении решили оглянуться лишь на месяц, а не на семь лет назад. Тогда бы они, наверное, захотели бы отснять, как мы с Андреем впервые в школу идем. Интересно, что бы тогда придумал Мумин Ахмедович? Как бы научил нас вновь стать первоклассниками? Ха-ха — специфика... Вот с Ромкой,— подумал я,— куда проще. Если бы стали снимать про археологический подвиг Суровцева, то попросту отняли бы у музея вазу на время и вновь закопали бы ее на то же место в огороде, а потом заставили Ромку по новой шуровать лопатой перед выпученным на него глазком телекамеры. Самый момент находки получился бы. Все телезрители вздрогнули бы почище, чем от кровавого детектива. Только вот как объяснить тогда зрителям, чего это телекамера на огород приперлась ни с того ни с сего...

Мы взяли пишущую машинку и усадились в кабину к школьному шоферу Мураду. Футляр с машинкой я положил на колени, чтобы ей мягко было на ухабах.

— Зачем в Ташкент везешь? — кивнул на машинку Мурад.— Сломалась что ли? Чинить хочешь?

— Нам ее вручать будут,— с ухмылкой ответил я.— Сюрприз будет... Оказывается, не так вручили.

— А...— неопределенно протянул Мурад, силясь понять — шучу ли я.— Говоришь вручили не так? А теперь будут так, да?

... В студии собралась тьма юнкоров и юннатов. Многие приехали со своими любимыми зверушками. Одна крошечная собачонка, дрожа щупленьким тельцем, сидела на столе около микрофона и время от времени взвизгивала, будто пробовала — работает ли микрофон. Ее шерстка, с любовью расчесанная хозяйкой, напоминала черный кактус — во все стороны торчали иглы шерстинок. Лучше бы юннатка привезла кактус, похожий на собаку, а не наоборот. Кактус хотя бы не лаял в микрофон.

Разгуливал по студии и огненный петух. Он был лыс и зол, порывистые сильные движения выдавали под перьями мускулистое, стальное тело.

Но по-настоящему удивил нас другой юннат. Он привез чучело орла. Бедняга орел, некогда живой властелин высей, сейчас был намертво прикручен к ветке и пучил остекленевший взор. Зато, в отличие от беспокойного петуха, он, наверное, обладал, с точки зрения телевизионщиков, бесценным качеством: не шевелился и не выбегал из кадра. Оператор мог бы навести на него камеру, отправить «картинку» в эфир и спокойно уйти обедать или даже отбыть в трудовой отпуск. Орел куда бы не улетел — послушно сидел бы на экранах телевизоров. Самое смешное, что обладатель этого чучела со жгучим любопытством кивнул на футляр от нашей машинки:

— А у вас там чье чучело? Не заяц? Красивый футляр! Я тоже для своего орла такой достану. Я для своего орла ничего не пожалею.

У меня невольно сжались кулаки. Вот так добряк! Ничего ему для чучела не жаль. Лучше бы раньше задумался и вовремя не пожалел сохранить орлу его собственную птичью жизнь. А то, видите ли, ничего ему сейчас не жалко. А в живых оставить пожалел. Ну и юннат, смотреть противно...

Пишущую машинку мы отдали ведущему из газеты, а режиссер предупредил нас, чтобы мы не забыли натурально обрадоваться, когда нам будут вновь вручать награду. Словно мы ее впервые в жизни видим. Нужно было изобразить, как мы удивлены этой приятной неожиданностью. Режиссеру показалось, что я не очень серьезно слушаю его наставления, и он сердито выговорил:

— Такая у нас специфика. Но это очень трудно для понимания, поэтому я не стану сейчас влезать в детали. Ваша задача — выполнять мои указания. Махну ладонью — говорите. Заверчу руками, будто нитку на левую ладонь наматываю — значит, закругляйтесь скорее и дайте говорить другим. Смотрите поверх камеры. Где красная лампочка загорится — та, значит, в эфир работает. Ясно вам?

Уж куда яснее. Нитками только кукол водить.

Но все равно вышла закавыка. Когда нам вручили машинку (то есть вернули обратно) и все в студии стали радостно аплодировать, режиссер махнул мне рукой и я, почему-то вдруг растерявшись, уставился на красный пупырышек поверх работавшей камеры и залепетал, позорно заикаясь:

— Я... Мы с Андреем очень рады... Спасибо за машинку... Она отлично печатает... Мы на ней еще в том месяце заметки для стенгазеты...

Я в ужасе умолк, только сейчас сообразив, что говорю совсем не то. Да и режиссер, нервно заметавшись, стал спешно «наматывать нитку на левую ладонь» и кивать в сторону Андрея. Нитка живо придушила меня. А Никитенко, будто только ждал момента выскочить в эфир, глянул в телекамеру, подался вперед, напрягся, словно хотел разглядеть что-то в ее холодном стеклянном блеске, и вдруг закричал, отчаянно моргая:

— Мама, ты меня видишь?.. Мама, я, кажется, утюг забыл выключить, когда галстук гладил. Проверь, пожалуйста...

Я скосил глаза на режиссера. Он наматывал на ладонь уже, пожалуй, третью катушку ниток...

Мы ожидали окончания передачи, сгорая от стыда друг за друга. Ну и победители! Ведь весь поселок, вся школа смотрела сейчас на нас.

Наконец пытка прекратилась. Погасли над головой огромные лампы, с которых лился на нас нестерпимый душный свет. Мое лицо было мокрым и горячим. Полыхал и Андрей. Я сердито глянул на него:

— Ты понимаешь, что натворил? Какой еще утюг? Где твоя память раньше была? Над нами же смеяться будут.

— Ты тоже хорош... — отбивался Андрей. — Выдал всех. Кто тебя за язык тянул, что машинка давно подарена. Тебе же объяснили — специфика у них такая.

Можно было ехать обратно — Мурад терпеливо ждал нас на стоянке телецентра. Я уже ступил было на подножку, но тут взмолился Андрей:

— Давай на ярмарку забежим — это ведь рядом.

— А что мы там потеряли? — отрезал я. — Может, хочешь утюг купить — взамен перегоревшего?

Но Андрей спокойно пропустил это мимо ушей и деловито объяснил:

— Там отличный фотомагазин. Мне нужна пленка в шестьдесят пять единиц. Кончается, а у нас такой нет. Давай забежим. Это быстро.

Фотомагазин мы нашли быстро — Андрей вел к нему уверенно. Эта дорога была ему хорошо известна. Он купил пять коробок пленки, и мы пошли обратно к стоянке — вдоль тягучей ленты магазинов, сцепленных друг с другом, как вагончики бесконечного бетонного поезда, загнутого в тупик. Если бы магазинчики стояли не на фундаментах, а на колесах, к ним можно было бы подвести рельсы, подогнать тепловоз и перекачивать веселую ярмарку с места на место, заманивая покупателей не только в Ташкенте, но, к примеру, и в нашем поселке.

Мы проходили мимо витрин, уставленных часами и сумками, зонтами и кастрюлями. Из распахнутых дверей кафетерия валил вкусный запах цыплят-табака. Когда, лавируя в толпе, мы пробежали мимо одной из витрин, что-то царапнуло мой взгляд, испугало. Захотелось вернуться и посмотреть — что.

— погоди! — я схватил Андрей за руку. — Подожди секундочку, я сейчас, — и бегом вернулся к озадачившей меня витрине.

Среди всевозможных ложек и подстаканников, хрустальных корзин и чугунных черных коней стояла ваза, фарфоровая ваза. И ваза, и картинка на ней были мне на диво знакомы.

Эта ваза была близнецом, родной сестрой той, которую Ромка Суровцев сдал лейтенанту Барханову. К вазе привалился ценник — 8 рублей 20 копеек

Я подозвал Андрея:
— Гляди что тут, узнаешь?
У Андрея отвисла челюсть.
— Та самая,— ахнул он.— Лаокоон... Продают что ли? Это же комиссионный магазин. Как она сюда попала?
— Продают...— передразнил я Андрюху. — Наша в кабинете стоит — забыл, что ли? Ее школе передали.
Андрей захлопал глазами.
— Точно! У нас она... Тогда откуда эта?
— Вот и я спрашиваю.
Мы вошли в магазин, полный покупателей. Дождавшись, когда продавец чуточку освободился, я спросил:
— Вас можно на минуточку?
— Что вам, мальчики?— Продавец равнодушно скользнул по нашим лицам и остановил взгляд на пишущей машинке.— Если сдавать — у детей не принимаем. А что за машинка? «Москва», что ли?
— «Москва»,— кивнул я.
— От детей и без паспорта не принимаем. Пусть придут родители.
— Мы не сдавать,— объяснил я.— Мы про вазу хотим спросить. Там, на витрине.
— А что спрашивать? Ваза как ваза. Ширпотреб. Цена обозначена. Нравится — берите. Купить можно и без паспорта. Показать?..
— А. какого она века?— заволновался я.— Век какой, век?
— Какой век?— рассмеялся продавец.— Наш, конечно. Родимый, двадцатый. Ваза эпохи голоцена, но век — двадцатый.
— Значит, она не древняя?— спросил Андрей голосом человека, у которого грабители только что бесцеремонно отняли что-то очень дорогое.— Если она этого века, то откуда же в ней взялись царские деньги?
Продавец сощурился и, теряя терпение, раздраженно бросил:
— Да что вы мне голову морочите? Какие царские деньги? Она на витрине четыре месяца стоит. Три раза уценяли, а все не берут. Народ нынче грамотный пошел. Антиквариат от халтуры отличать умеет. Вы, мальчики, что-то напутали. Не мешайте работать.
Андрей округлил глаза и с обидой выпалил:
— Мы напутали? Как бы не так. Я вам сейчас покажу кое-что,— и тут он, к моему удивлению, достал из сумки снимки, которые посоветовал ему захватить на телепередачу директор школы. Там, на передаче, Андрей про фотографии и не вспомнил. Где вспомнить, если у него в голове один только уют и был... А ведь пригодились все-таки фотографии.
Андрей протянул снимки продавцу:
— Смотрите, если не верите.
Продавец глянул мельком и равнодушно сказал:
— Такая же. Но их у нас две было. Может, и наша. Где покупали?
— Да не покупали ее!— воскликнул я.— В земле нашли. На огороде. Вот он нашел — Ромка. Он в нашей школе учится.
— А деньжата?
— В вазе лежали.
— Вы что-то путаете, ребята. Вазе от силы полвека, а деньжата постарше. Вот если бы наоборот... Никак не могли в ней деньжата оказаться. Да и зачем вазу в огороде прятать — невелика ценность, ведь и червонца не стоит.
— А деньги?— не сдавался Андрей.— Ведь деньги-то древние.
— Бумажки!..— махнул рукой продавец.— Это только нумизматам интересно. Вот если бы золотой чеканки — это вещь. Вы лучше сами спросите у Водяного Знака. Вон он, в углу топчется.
— У кого спросить?— растерялся я.
— Я же сказал — у Водяного Знака. Тот, худой. Нумизмат он.
— А почему его так называют?

— Да за страстишку его. Они здесь часто собираются, коллекционеры. Диковинный народ! Обмениваются, да и, случается, продают свои сокровища. Не без этого. А этот знаменит тем, что любит деньги на просвет просматривать — водяные знаки изучает, сверяет по каталогу — не подделка ли. Поэтому свои так его между собой и прозвали. У него отличная коллекция.

— Эй, Водяной Знак, поговори с ребятами. Мы подошли к коллекционеру.

— Нумизматы, что ли?— спросил Водяной Знак, оглядывая нас явно на просвет. Нет, не случайно прозвали его так братья по страсти. Сейчас, когда он стоял у витрины, сквозь которую жалили солнечные лучи, он и сам просвечивался как купюра. Наверное, можно было определить — не поддельный ли.

Мы протянули ему фото.

— Узнаете эти деньги?— спросил я.

Водяной Знак пристально глянул на меня и с подозрением спросил:

— Вы, пацаны, из милиции, что ли?— и рассмеялся.

— Нет, из школы,— серьезно ответил Андрей.

— Я царские бабки не имею и не продаю,— покачал головой Водяной Знак.— У меня другая тематика.

— А кто продает?

Водяной Знак надолго приткнулся к снимкам, разглядывая, и с уверенностью сказал:

— Такие у многих есть. Достать можно. Ходовые. Особой ценности в них нет. Не дефицит.

— А где их можно было достать?— осторожно спросил я.

— Да хотя бы и здесь. Всей этой куче червонец цена. От силы.

— Это же девятьсот рублей!— воскликнул я, с недоверием глянув на нумизмата. Водяной Знак с достоинством повторил:

— Красная цена вашему сокровищу — червонец. Если вам нужны еще такие — могу устроить. Это не сложно. Телефончики имею...

К нам подошел продавец. В руках у него была какая-то смятая бумажка.

— Мальчики, вам повезло!— сказал он, улыбаясь.— Я ведь вспомнил того мужика, что первую вазу брал у нас. Он в тот день коня привез сдавать на комиссию.

— Коня?

— Ну да! Каслинское литье. Отличная работа. Редкая вещь. Вон он стоит, красавец. В сотню мы его оценили. Дорого, конечно. Но вещь того стоит. Раритет, можно сказать. Редкость, одним словом. Ничего, продадим. Этот коняга своего покупателя ждет. И дождетя! Он ведь к любому не пойдет, а только к своему. Вот и квитанция, если вам интересно.

Боясь самого себя, я скосил глаза в квитанцию и прочитал: «Конь каслинского литья. Сдатчик — Суровцев Д. П.».

Динэр Петрович? Ромкин отец? Невероятно!..

— Я его вспомнил!— рассказывал продавец.— Как не вспомнить владельца такого шикарного коняги!.. Он, стало быть, жеребца этого сдал и давай по магазину ходить. Час ходил — не иначе. Ничего не купил. А потом уставился на эту вазу и давай хохотать. Что его в ней рассмешило — ума не приложу. Сюжетец вроде не комический, даже грустный, можно сказать. Аляповато, правда, сделано, халтурка, одним словом. Цеховики, видать, сработали. Змеи больше на дождевых червей смахивают. Но ведь людей душат — не кроликов, чего уж тут смеяться. А товарищ мигом бумажник достал и прямо затрясся:

— Мне эта ваза дико понравилась, давайте ее сюда.

Запомнил я его, запомнил. Как же... Такой конь...

Мы возвращались к машине, оглушенные услышанным. Выходит, Ромка не находил вазы в огороде, а просто принес ее, купленную в комиссионке, да еще и набив царскими деньгами. Вот, мол, товарищи, ценный клад. Сдаю безвозмездно. И не надо никаких специалистов... Ясно теперь, почему не хотелось ему специалистов. Конечно! Ведь эксперты не хуже продавца из комиссионного магазина и не хуже этого чудного Водяного Знака разобрались бы — что к чему. А ему, Ромке, славы хотелось, уважения, почета. И Динэр Петрович, папаша его, каков! Думает, если он завмаг, так можно и почет купить для своего Ромки. Всего-то за двадцать рублей. Ловко, ловко...

Я глянул на Андрея и испугался. Лицо у него потемнело.

— Что с тобой?— спросил я.— Ты не заболел?

Андрей затряс головой, глаза его засверкали и он дрожащими губами обронил.

— Г-г-гад он! Р-р-ромка...

Я понимал Андрея. Ему, конечно, обиднее всех. Ведь каково ему будет вспоминать, как фотографировал он этого вруна Ромку для Доски почета?..

... Мы молчали. Мурад не выдержал долгой паузы.

— Что случилось, братишка? — обратился он к Андрею.— Пленки не достал, да? Зачем молчал? В один магазин нет, другой нет, в третий есть. Я бы поехал, нашел. Зачем молчал?

Андрей вздохнул и не ответил, а только пошарил в сумке и показал Мураду коробки с пленкой.

— Есть, да?!— обрадовался шофер.— Вот хорошо. А ты меня когда сфотографируешь?

Андрей сурово молчал. Обиженный его неприветливостью, умолк и Мурад.

Мы въезжали в поселок, когда навстречу из-за поворота вырулил знакомый мотоцикл лейтенанта Барханова. Он притормозил и сделал нам знак рукой.

— Вернулись?— улыбнулся он.— Молодцы. Вас ждут. Все только и говорят про вас. Я-то сам телевизор не смотрел... Но мне рассказали... Слушай, Андрей! А ты, правда, про утюг по телевизору? Или шутят?

Андрей вяло махнул рукой.

Лейтенант Барханов отогнул полог, укрывавший люльку, и приподнял лежавшую на ее дне мешковину.

— Вот, в Ташкент везу. Дело у меня в Институте судебной экспертизы. Заодно решил и ее захватить. Узнаете?

Как не узнать! Это была та самая мешковина, в которую, если верить Ромке Суровцеву, была укутана найденная в огороде ваза.

— Сомнения берут,— задумчиво произнес лейтенант Барханов.— Уж больно тряпица новая. Неужели столько в земле томилась и так отлично сохранилась? Потому заодно и захватил. На всякий случай. Друг у меня там работает, вместе учились. Хочу попросить его — пусть проверит, сколько годков этой тряпице... У них на то особые приемы есть. Какой-то период полураспада, что ли...

Я почувствовал, как напрягся Андрей, как дрогнули губы, готовые рассказать обо всем, что случилось в комиссионном магазине. Больно сжал ему локоть — молчи, мол, еще не время рассказывать об этом. Лейтенантский мотоцикл взревел и скоро скрылся вдалеке. В школу мы решили не заезжать.

— Мурад, мы сойдем около почты,— сказал я шоферу.

Не сговариваясь, не сказав друг другу ни слова, мы зашагали к дому Суровцевых. Ромка играл в ляngu, демонстрируя свое мастерство в приеме под названием «кюры». Высоко подпрыгивая, он подгибал правую ногу и больно огревал ею ляngu, тотчас же вновь взлетавшую ввысь.

— Привет юнкорам!— воскликнул Ромка, даря лянге очередной удар.

— И тебе привет!— ответил я.— Из комиссионки.

— И от Водяного Знака привет!— ожил Андрей. Лянга зарылась в пыль. Ромка, оперев кулаки в бока, спросил:

— Из какой комиссионки?— скривился он, с подозрением оглядывая нас.— Какой привет?

— Дешевый,— сказал я.— За восемь двадцать.

От нас не укрылись тревожные огоньки, заматавшие в ромкиных глазах. Но это продолжалось только одно мгновение. Быстро совладав с собой, Ромка ухмыльнулся:

— Детки вы малые, неразумные. И речей ваших я не понимаю. Переводчик нужен.

— Будет переводчик, будет!— вспыхнул я.— Мы его только что видели.

— Это кто еще?— Ромка не скрыл удивления.

— Лейтенант Барханов. Он ту твою тряпку не выбросил. Он ее сейчас в Ташкент повез. У него там друг есть, понял? Он любой вещи возраст устанавливает. С точностью до дня! Понял? Но это уже не важно. Мы в комиссионке были и все узнали. Там твой папаня вазу купил, там! Нам и квитанцию показали. От коня...

Ромкины губы задрожали, лицо побелело. Он сделал к нам шаг и горячо заговорил:

— Ребята, вы чо? Чо вы, ребята?! Я же не хотел... Я же думал... Думал школу прославить... Вы это... молчите, а? Ведь никто не узнает, никто.

— А Доска почета?— прошептал Андрей. У него не было сил говорить громко.

Ромка метнулся назад, передумал, вернулся к нам, вновь отступил, крикнул:

— Ребята, вы это... Я сейчас сбегая... Я сам с доски слезу... А вы... Не надо, ребята...

И вдруг он припустил во все лопатки в сторону школы. Мы переглянулись. Что он задумал? Что?.. Андрей прошептал:

— Ты понял? Он хочет вазу из кабинета взять и спрятать.

— А зачем она ему теперь?

— Чудак, это же вещественное доказательство.

— А зачем ее прятать? Это теперь делу не поможет. Одни твои снимки чего стоят!

И заторопились в школу. Мы уже входили в школьный двор, когда навстречу вылетел запыхавшийся Ромка Суровцев. Полы его куртки были расстегнуты. Красный клетчатый шарф, сдернутый с шеи, волочился за Ромкой, свисая одним концом из кармана. Подбежав к нам, Ромка разжал ладони. В них плескались мелкие клочки разорванных фотографий. Целая пригоршня.

— Ребята... Вот...— Ромка с трудом переводил дыхание и заискивающе заглядывал нам в глаза.— Я их сам... С доски... Вот они...— Он раздвинул подрагивающие пальцы, и глянцевое крошево, сочась между ними, заструилось вниз, кружа в воздухе и зарываясь в пыль. Мы с Андреем застыли в оцепенении. Налетевший ветерок подхватил бумажки и швырнул их в нас, осыпал, облепил. Они сползали с нас, падая в пыль; мы отряхивали себя, брезгливо сбивая с брюк и курток липучие конфетти из фотоснимков.

«Лаокоон!»— вспомнил вдруг я. Сейчас мы здорово напоминали ту страшную картинку на вазе, где змеи опутывали, душили, терзали. Мы отряхивали с себя конфетти, и нам с Андреем казалось, что вместе с ними падали и испускали дух проклятые змеи. А которые не издохли — уползли и побоятся вернуться...

Подошел шофер Мурад.

— Вы чего руками машете?—удивился он.

Андрей на мгновение замер. А потом, будто ослепленный внезапным озарением, воскликнул:

— Вас ищут!— и резко стянул с плеча фотоаппарат. — Вы же хотели сфотографироваться? Так давайте! Пленки... для хороших людей... много, очень много...

Мурад, школьный шофер, деловито колотил носком ботинка по напыщенным, тугим нишам своего грузовика. Он был человеком дела, дотошным и обязательным, и перед ответственным рейсом всегда готовил машину так основательно, словно собирался выдать ее замуж...

В кабину села Роза Хегай — старшая пионервожатая, а мы забрались в кузов, устроившись на скамеечке, рядком.

Делегация была маленькой, и на то имелась важная причина. Наши новые шефы почему-то просили, чтобы к ним приехали не более пяти представителей

от дружины и чтобы грузовик был пуст не менее чем наполовину, ибо обратно, намекали они, гостям предстоит вернуться с приготовленным для них сюрпризом.

Состав делегации определил совет дружины. В нее вошли — наш дружинный председатель Коля Барабанов, фотограф Андрей Никитенко, редактор стенгазеты (то есть я) и... Васька Кулаков. На его кандидатуре, более чем спорной и сомнительной, неожиданно настояла Роза, а ее поддержал директор школы Мумин Ахмедович.

— Вам понадобится крепкий паренек,— мягко, но с прессом в голосе сказал Мумин Ахмедович.— Сами увидите, что без Кулакова не обойтись.

Роза улыбалась, всем своим видом давая понять, что она знает, какой нас ждет сюрприз. Судя по силовому приему со стороны Розы и директора, это подозрительное проталкивание в состав делегации специалиста по переноске тяжестей Васьки Кулакова ясно говорило, что сюрприз ожидается нелегкий... Васька Кулаков и сам был сюрпризом, поэтому путешествие наше, еще и не начавшись, обещало быть нескучным.

Но вот Мурад занял место в кабине, мотор проснулся, взвизгнул, хорошенько откашлялся, вздохнул полной грудью и скоро ровно запел веселую дорожную песню. Грузовик вырвался из ворот школьного двора и покатил по дороге, наливаясь скоростью и удалью. Тугой кляп встречного ветра не давал говорить, хлестал в лицо, бесцеремонно лез в карманы, за пазуху и за воротник. Наконец мы смекнули, что надо сесть спиной к кабине — так удобнее.

Мы ехали к новым шефам, о которых уже знали, но которые почему-то пока ни разу не были у нас в школе. Но и шефов можно было понять: главное для них — работа, дело, продукция. Не остановишь ведь конвейер, чтобы погрузиться в автобусы и заявиться в школу:

— Здравствуйте, мы ваши шефы!..

Дорого обойдется государству такой салом алейкум!

Вообще-то у нас уже давно были шефы — из поселкового рудника. Но тут выяснилось, что руднику придется потесниться: к нам проявила интерес еще и посудная фабрика. Ей тоже кто-то запланировал взять шефство над какой-нибудь школой. Вот они и уговорили нашего директора. Он согласился, хотя и ворчал—дескать, не получится ли, что у двух нянек дитя без глаза останется... Это мне потом мама рассказала — ей ли не знать, все-таки учительница в нашей же школе.

До фабрики километров десять, но прошло несколько месяцев, прежде чем и мы, и новые шефы собрались преодолеть их. Так уж выходило, что шефы по праздникам присылали жгучие телеграммы! или открытки, а мы в ответ слали свои! Это было, если по справедливости, наше взаимное шефство над почтальонами, обслуживающими обе стороны. А скорее — трогательная забота о том, чтобы почтальоны не сидели без работы и, «засучив» свои сумки, воевали с гиподинамией.

Но вчера произошло вот что. Мумину Ахмедовичу позвонили с фабрики и сообщили, что с нетерпением ждут нашу делегацию. Видать, шефы решили, что пришла пора увидеть друг друга в лицо. И вот мы в пути. Мурад подрулил к огромным металлическим воротам и просигналил. К кабине подошла женщина в ватнике и с повязкой на правой руке.

— Кто такие будем? — строго спросила она, ощупывая взглядом каждого из нас. Хотелось поежиться и сжаться до размеров теннисного шарика.

Роза свинтила стекло вниз и объяснила:

— Из школы мы. Из подшефной. Звали нас, вот мы и прибыли.

— Добро вам пожаловать, гости дорогие!— скучно молвила обладательница строгой повязки.— Вы тут маленько постоитте, а я сейчас какую-нибудь голову кликну. Что-то никто меня не предупредил.

Ясно, головой она начальство называет.

Долго ждать не пришлось. Прижимая к груди красную папочку, к нам вышла улыбающаяся женщина, уже без повязки, и строго цыкнула на вахтершу:

— Матрена, скорей ворота открывай — подшефные прибыли, не видишь, что ли?

Будто Али-Баба приказал вахтерше: «Сим-Сим, открой ворота» — всей стальной стеной они уехали вправо, отчаянно визжа. Мурад направил машину в образовавшийся проем, и мы очутились во дворе фабрики.

Всюду было ужасно интересно. Вкрадчиво катили кары, сквозь огромные светлые окна цеха, близ которого мы остановились, был виден диковинный пресс, ловко борющийся с широкой

металлической лентой и выбивавший из нее жестяные конфетти диаметром с баскетбольное кольцо. Хотелось немедленно помчаться в цех и постоять около волшебного силача, творившего чудеса мощи и ловкости.

Женщина достала из красной папочки листочек и пробежала его глазами, приговаривая:

— Так, глянем, что у нас первым номером в программе вашего пребывания на фабрике. Ага, все ясно — сперва организуем пообедать. Небось проголодались с дороги? Давайте в нашу фабричную столовку...

Мы дружно запротестовали. Не обидно ли — приехать на фабрику, где все полно чудес и тайн, а вместо желанной экскурсии — уныло ковырять вилкой котлету. Чего мы в ней не видали... Да и проголодаться-то мы, честно говоря, не успели. Ведь и полчаса не были в дороге.

Шефиня глянула в свой листочек вновь и просияла:

— Тогда давайте выполним пункт второй — будем грузиться!

Добавила:

— Молодцы вы! Деловых прислали к нам ребят. Вижу, что торопитесь... Вам, видать, в рот палец не клади и баснями, как того соловья из русской народной пословицы, не корми. Понимаем, понимаем, ребятки, ваше нетерпение. Люди вы занятые, небось и уроков еще на завтра не успели приготовить. А там и экзамены на носу, охота поскорее встать на учебную вахту... Так и быть, задерживать не будем — грузиться так грузиться!..

Не давая нам опомниться, она вскочила на подножку грузовика и деловито приказала Мураду:

— Гони, арбакеш, к тому складу, там все и загрузим.

Мурад послушно подкатил к строению.

— Задом давай, задом, прямиком к воротам,— щебетала шефиня.— Вы, ребята, сигайте вниз и распаивайте борта вашей колымаги. А и к завскладом помчалась...

Мы двигались как во сне.

Воздушный кляп, что преследовал нас по дороге сюда, можно было пересилить, перехитрить — сбавить скорость, сесть к кляпу спиной.

У шефини был запасен для нас иной кляп, куда страшнее дорожного. Мы ничего не могли понять и только беспомощно подчинялись ее напору. Разве мы приехали на фабрику, чтобы обедать? Или на какой-то склад? Разве мы хотели что-то грузить? Нет, нам хотелось в цех, к прессу, к станкам, к транспортеру!

Мы видели на дорожках фабрики гигантские металлические рулоны и катушки. Металлические анаконды были туго скручены и лежали смирно. В цехе, откуда доносилось сладостное уханье и грохот, анаконд живо разматывали и дрессировали как ручных, заставляя вползать куда надо, и с помощью хитроумных машин превращали в миски, кружки, казаны, чайники... Мы хотели туда — к укротителям стальных анаконд, а не на скучный склад.

— Тетя шеф...— робко взмолился я, тронув ее за рукав.

— Меня звать Галиной Сергеевной,— подсказала она.

— Спасибо! — обрадовался я подсказке и отважно выпалил: — А разве мы не пойдем в цех? — я кивнул на взметнувшийся к облакам корпус, полный воздуха, света, грохота и тайн.

Галина Сергеевна округлила глаза. В них было неподдельное удивление моей бестолковостью. И тут она сказала:

— Зачем в цех?! Я же объяснила — комплект на складе. Он ждет вас. Ваш директор обо всем знает, мы ему звонили. Разве он вам не сказал?

В жаркий ковер ее недавнего радушия явственно вплетались ледяные нитки. Возможно, она торопилась и, как занятый человек, досадовала, что сценарий встречи с нами, уютно улегшийся на листочке в красной папочке, расплзается на глазах. Скорее всего, так и было. Ее лицо выражало нескрываемое страдание. Ковер явно покрывался изморозью, затягивался ледяной коркой.

Я наклонился к Розе и шепнул:

— Ничего не понимаю.

Тут не выдержала и пионервожатая:

— Галина Сергеевна, а как насчет экскурсии? Разве ее нет в программе нашего приезда?

— Хотите в цех?— бесцветно проговорила шефиня и предприняла последнюю попытку настоять на своем. — Может, все-таки сначала погрузитесь?

— А что грузить-то надо? — это Васька Кулаков первым вылез со своим любопытством. В общем-то нас тоже начинало разбирать — для чего полгрузовика велено порожним держать.

— Оркестр мы вам дарим,— прозвучало в ответ. — Духовые инструменты. За тем и звали вас. У нас денежки прогорают, что по статье на шефскую помощь предусмотрены. Вот мы и решили оркестр ребятишкам подарить. А что, здорово ведь?

Так вот в чем дело! Выходит, шефы хотят подарить нам инструменты для духового оркестра. Это, конечно, отлично. Но новость почему-то не заставила радостно запрыгать. Странно все-таки... Выходит, и дружба с нами у них по какой-то там статье. Наверное, она тоже лежит в папочке — как и листочек, в который шефиня то и дело подглядывает, чтобы знать, что делать с нами дальше... Все это ужасно похоже на работу и нашего совета дружины. Вышло, видать, у них время отчитываться перед своими начальниками, стали готовиться рапортовать, а когда добрались до «дружбы с нами», показать-то и нечего. Вот и решили заменить несуществующую дружбу оркестром. Дуйте, ребятишки, в мундштуки, а мы вам похлопаем!..

Вот как выходит-то...

Но грустно было не всем. Васька Кулаков, прослышав, что на складе лежат для нас инструменты, охотно вызвался погрузить их сам — без нашей помощи.

— Пусть ребята в цех идут, если им охота,— великодушно разрешил Васька.— А я пока тут... Грузить буду... Подумаешь, инструменты. Это же пустяк, дело не пыльное. Сам погружу.

Но распорядился здесь все-таки не Васька. Хотя, похоже, именно он и понравился Галине Сергеевне больше других гостей.

— Какой молодец! — восхищенно воскликнула она, оглядывая Ваську.— Настоящий пионер и товарищ. Один за всех — вот это верно.

Она вывела со склада бородатого мужчину в пятнистом фартуке и показала ему Ваську Кулакова:

— Вот он поможет грузить. Давай пошустрее. А мы пока по цеху пробежимся.

И хотя наш слух резануло торопливое слово «пробежимся», было радостно, что в цех мы все-таки попадем.

Огромный стеклянный аквариум цеха простирался на добрый километр. Под его крышей можно было поставить с десять школ, подобных нашей. Мы попали в сказочное царство умных станков.

Красиво выгибая гибкие, как у пантеры, спины, струились транспортеры. Они переносили изделия от рабочего к рабочему.

Громадный резак — в тысячу раз больше того, которым Андрей в своей фотолаборатории красиво выравнивал карточки — легко кромсал толстые металлические листы. Всевозможные прессы, потеряв уважение к металлу, обращались с ним как с пластилином, придавая заготовкам различные формы. Металл послушно застывал в указанной ему позе — словно пресс играл с ним в забаву по имени «Замри!»

Мы шли по цеху, и прямо на наших глазах рулон анаконды, вползавшей в прессы и механизмы, разлетался на кружки, миски, кастрюли, тазы... И повсюду — над головами рабочих и могучими хребтами машин — пламенели красивые плакаты: «Береги рабочую честь!», «Позор несунам!», «Реки сбегаются из ручейков», «Сорную траву — вон с поля!»

Потом мы вошли в цех, где шла окраска изделий. Пульверизаторы с шипением выдыхали залпы красок. Цветные валики, бесконечно вращаясь, делились с кастрюлями своим рисунком. В огромных котлах с краской купались кастрюли и кружки, другие висели и сохли, а со свежеискупанных сбегала цветная капель.

В цехе было красиво, чисто, весело. Всюду встречались добрые приветливые глаза. Рабочие казались нам волшебниками, факирами, укротителями. Любая настоящая анаконда живо уползла бы в страхе от могучих прессов. Впрочем, что такое живая анаконда

по сравнению с этими бесконечными металлическими рулонами? Из крошки-анаконды, даже самой престарелой, и десятка кастрюль не вышло бы, а из рулона — и не сосчитать. Это в джунглях своей Амазонки могла анаконда командовать парадом и держать в страхе округу, а здесь, в цехе, ей пришлось бы поджать хвост и втянуть голову в плечи. Впрочем, у нее и плеч-то нет. Уж лучше и не высовываться...

Когда мы заканчивали гулять по цеху окраски, к нам присоединился Васька Кулаков. Сам нашел нас здесь. Он выставил большой палец:

— Во!

— Нравится? — спросил я. — Правда, здесь здорово?!

Васька затряс чубом:

— Я про оркестр. Все инструменты погрузил. Легкота, а не работа. Можно ехать.

Чему радоваться, а чему и нет — дело, конечно, лично Васькино. Но плохо, что эти слова его услышала Галина Сергеевна. Она обрадованно хлопнула в ладоши:

— Заканчиваем гулять! Все уже посмотрели — всю технологическую цепочку.

— А там что? — спросил я, показывая на окошечко в стене, куда на трех лентах транспортера бесконечно уплывала красиво окрашенная посуда.

Галина Сергеевна с досадой махнула рукой, моя назойливость явно раздражала ее:

— Ничего интересного. Цех упаковки готовой продукции.

Но тут неожиданно встрепенулся Васька:

— Почему неинтересно? Может, здесь самое интересное и есть. Давайте зайдём, — и не дожидаясь разрешения шефины, Кулаков первым зашагал к двери, ведущей в последний цех.

Здесь было царство шорохов. Шуршала бумага, шуршали опилки. Красивая посуда, сверкая как петух на солнце, скрывалась в мягких гнездах из опилок. Все это завораживалось, забивалось, перевязывалось.

Васька повертел в руках кружку. Она была пригожа и, похоже, понравилась Ваське. С сожалением поставив ее обратно, Васька двинулся к шефине и зашептал ей что-то на ухо, кивая при этом на кружку. Я не слышал, что говорил Васька Кулаков, но она в ответ неуверенно сказала:

— Я попробую. Дело привычное. Гостей мы стараемся не обижать.

Оставив нас, она подошла к мастеру цеха и, жестикулируя, стала что-то объяснять ему. Все выяснилось очень скоро. Подошли две упаковщицы и, избегая смотреть нам в глаза, поспешно протянули каждому из нас аккуратный бумажный сверточек, туго перевязанный бечевкой. Под плотной упаковкой прощупывалась посуда.

— Что это? — удивился я. — Зачем?

Шефиня затрясла руками, прижимая палец к губам и словно целуя его:

— Тихо! Тихо! Это же сувениры. На память о нашей встрече. Сувениры. Я обо всем договорилась.

Только тихонько...

В это мгновение я ненавидел Ваську. Ну и попрошайка...

Мы потянулись обратно. Долгим, тяжелым, мучительным путем.

Мимо ушедших в дело рабочих под плакатами «Позор несунам!»

Мимо пресса близ плаката «Береги рабочую честь!»

Мне показалось, что каким-то странным образом обратный путь был вдесятеро дольше. Словно в тягучем и кошмарном сне мы кружили по цеху и не могли выбраться из него...

Сувенир, не весивший и килограмма, оттягивал руку — как будто был сделан из сгущенной материи черной дыры. Ноги увязали в настиле — словно мы шли не по ребристому металлу, а по липучему напалму, готовому вдобавок еще и вспыхнуть под ногами.

Когда мы наконец выбрались под небо, сердце мое колотилось как пресс. Прислони сердце в эту минуту к металлической ленте — и оно стало бы выколачивать из анаконды миски и кастрюли. Мы боялись встречаться глазами, будто все разом почувствовали себя соучастниками постыдного сговора. Что и говорить — было стыдно. Если бы эти изделия сами сделали... Впрочем, что с того? Мы же крадем их, как воры. Впрочем — крадем ли? Это же сувениры — шефиня так сказала. Но все равно было не по себе...

Весел был только Васька. Он разворошил упаковку и стало видно, что там покоится новехонькая кружка — хоть сейчас наливай в нее пепси-колу.

Галина Сергеевна вскинула руку, глянула на часы и пугливо проговорила:

— Давайте скорее!.. Не то можем не успеть... Скоро Цап-Царап заступит на смену, придется вам тогда сидеть здесь до утра.

Мы переглянулись. Что за диковинное имя?

— Цап-Царап? — переспросил я. — А кто это? Человек?

— Да не человек это,— махнула раздраженно рукой шефиня.— Вахтер наш. Старикашка несговорчивый. Говорю же — скоро ему заступать.

— А почему у него такое имя?

— Что, непонятно? Нос — почище чем у пограничной овчарки. С ним и директор не сталкивается, и связываться не станет. Это же не человек, а засов. Ничего из ворот не выпустит — ни чужим, ни своим. Одним словом — Цап-Царап. Кличка у него такая. Еще, между прочим, с войны. Разведчик он бывший... Его уже сколько раз хотели в цех перевести, на какую-нибудь работенку потише, понезаметнее. А старикашка упертый попался, ни в какую не сдвинешь. Здесь, говорит, у ворот моя передовая. Умора... Фронт держит...

— Вы за инструменты боитесь?— догадался я, кивая на футляры, запрудившие сейчас кузов нашего грузовика стараниями Васьки Кулакова.

— С инструментами все в порядке,— сказала она.— Инструменты — по закону, документ имеется в наличии. Я за сувениры беспокоюсь, за сувениры. Ведь Цап-Царап, чудак, может кружечки ваши и отнять. Конфуз выйдет, нехорошо. Можно бы, конечно, и придумать исходящий документик, но долгая это история, долгая.

— А давайте мы их в инструменты спрячем! — хохотнул Васька Кулаков.— Вон какие у них кратеры здоровые. В один геликон все кружки войдут — у него жерло вообще как у вулкана.

— Пока не надо,— метнула ладонью шефиня. — Давайте так попробуем. Я все сама вахтерше объясню, поехали, ребята. Должны успеть. До смены Цап-Царапа еще минут пятнадцать...

Мы заняли места на скамеечке, и Мурад тронул. Подкатили к воротам, и Галина Сергеевна побежала к вахтерше, пропустившей нас сюда. Я люто ненавидел сверточек, сковавший сейчас мои руки и почему-то подчинивший их себе.

Шефиня вернулась быстро. Она улыбалась.

— Все в порядке! Можете ехать. Привет директору! Приезжайте, еще что-нибудь подарим...

Створка ворот оскалилась, и мы вырвались на волю.

Всю дорогу Васька дурачился — колотил ботинком в живот барабана, громыхал тарелками и орал самодельную песенку:

Мы посуду не вернули, Цап-Царапа обманули.

Ай-люли, ай-люли, Цап-Царапа провели!

Пусть узнают все и всюду — утащили мы посуду.

Ай-люли, ай-люли, Цап-Царапа провели!

Я слушал Ваську и тихо ненавидел и его, и посуду, и всех остальных делегатов, начиная с себя.

Мумин Ахмедович встретил нас у ворот. Будто знал, когда приедем. Духовые инструменты мы скорбно внесли в актовый зал и сложили на сцене.

— Чего хмурые? — сощурился директор.— Устали, что ли? Или под дождь попали?..

И не ответишь. Попасть-то попали. Да не под дождь. И разве дождь — самое страшное?

Ночью мне приснился Цап-Царап. Хоть я его никогда и не видел. Он был похож почему-то на Штирлица в телогрейке, но стоял у своих, заводских, ворот, мрачно говорил всем входящим и выходящим из ворот две фразы — «Позор несунам!» и «Берегите рабочую честь». Иногда лез в кобуру за пистолетом, но в кобуре лежала почему-то кружка, а не пистолет. Потом к нему лихо подрулила наша шефиня Галина Сергеевна и стала уговаривать Штирлица перейти на другую работу — «Освободилась,— радостно щебетала она,— должность Мюллера». Страшно колотилось сердце, хотелось крикнуть: «Цап-Царап, не уходи!» Но губы были налиты свинцом. Цап-Царап мотал головой, шефиня не отставала, и тогда он грозно тянулся к кобуре и с удивлением доставал — кружку. Шефиня радостно смеялась.

На другой день Васька пришел в школу с расписной кружкой, улизнувшей вчера от Цап-Царапа. На перемене Кулаков пошел в буфет и, перелив два стакана компота в свою кружку, ухватился за ручку и долго процеживал — будто кит, ловивший в компоте планктон. Всем любопытствующим он охотно отвечал:

— Сувенир от Цап-Царапа! — и таинственно усмехался.

Наконец я не выдержал, взял с подноса чистый стакан, подлетел к Ваське и, перелив в стакан недопитый Васькой компот, пошел к раковине и тщательно вымыл кружку.

— Ты чего это? — опешил Васька.— Почему чужую кружку воруюешь?

— Значит надо! — зло бросил я и зашагал из буфета. Я еще не знал, что нужно делать. А пока шел к своему портфелю. Потому что мой «сувенир» прятался в нем — я не решился оставить его дома, а может, просто не захотел. Не знаю...

Достав свою кружку, я зачем-то пошел в пионерскую, к Розе. Ноги сами повели... Рядом со старшей пионервожатой стояли Коля Барабанов и Андрей Никитенко. Увидя в моих руках кружки, они почему-то захохотали.

— Вы чего?— обиделся я. Было досадно — на душе кошки скребут, а эти веселятся. Им небось Цап-Царап с пистолетом Штирлица не снился....

Вместо ответа они расступились, и я увидел на столе старшей вожатой, рядышком с текстом Торжественного Обещания, три вчерашние кружки...

Рядышком я поставил еще две:

— Вот моя. А вот и Васькина...

В двери показался разъяренный Васька Кулаков. Лицо его было перекошено яростью, кулаки сжаты. Такими кулаками только и выдавливать кастрюли из анаконды. И пресс не нужен. Но он не успел вымолвить и слова.

— Васька! — обрадованно закричал Барабанов.— Молодец, что пришел! Честно говоря, не ожидал, что и ты поступишь по-пионерски...

Васька растерялся, даже кулаки разжал, пар из пресса выпустил.

— Видишь,— показал Барабанов.— Мы тоже, решили вернуть эти сувениры обратно. На фабрику. Посылкой. Нельзя было брать...

У Васьки отвисла губа.

— А я — что?..— залепетал он.— Я — как все.

И мы сели сочинять письмо, чтобы вложить его в посылку.

Мы написали:

«На фабрику посуды. Вахтеру Цап-Царапу.

Здравствуйте, уважаемый товарищ Цап-Царап! Возвращаем сувениры. Извините нас, пожалуйста. Мы нечаянно... И обязательно приезжайте в гости девятого мая. Позор несунам!.. Береги рабочую честь!.. С пионерским приветом!»

Почему мы звали Цап-Царапа приехать именно девятого мая?

Не знаю.

Может, потому что сегодня у нас тоже был самый настоящий день победы.

Над собой. Для начала — только над собой.

ПЯТНАДЦАТЬ КАДРОВ

Перегорела лампочка фотофонаря. Его веселый красный глаз погас с жалким всхлипом. Что-то в лампочке зазвенело, хрустнуло, и лаборатория погрузилась во мрак.

Случилось это в самый неподходящий момент, когда Андрей Никитенко, фотолетописец нашей школьной жизни, прильнул к кювете, где в проявителе — красноватом в свете фонаря — выпекалось изображение Васьки Кулакова — героя вчерашнего воскресника на пустыре...

Весь воскресник Васька слонялся, не находя себе Дела и наотрез отказываясь взять в руки веник. Он оживился, лишь когда мы окружили пень, с которым мог совладать не хилый веник, а разве что бульдозер. С пнем надо было что-то делать — он нахально торчал в границах задуманной нами волейбольной площадки.

Васька слетал на велосипеде за топором и, задерживая на себе восхищенные взгляды девчонок, принялся неистово крошить пень. Пень стонал, вздрагивал, но убежать от приставшего к нему Васьки не мог. Пришлось бедолаге пню втянуть голову в плечи, то есть — в корни.

Андрей и запечатлел на снимке момент, когда Васька набрасывался на пень, ясно давая понять противнику, что намерен сжить его с пустыря.

И вот сейчас, едва проклянувшись на фотобумаге, погруженной в проявитель, Васька со своим удалым топором окунулся во мрак — погас фонарь. Довести изображение до нужной плотности можно было лишь интуитивно. В крошечной тьме лаборатории Андрей окунул пальцы в кювету, поплескал лист, будто мог на ощупь определить — выпеклось ли изображение как следует и не пора ли купать его в чистой воде, а потом в закрепителе.

Но выбора у него сейчас не было, а жертвовать уже экспонированным под увеличителем отпечатком не хотелось. Набивший руку Андрей подумал, что дело это — не сложнее, чем рубить пень в солнечный полдень, и терпеливо довел его до конца, решив не бросать снимок на произвол проявителя, который в три минуты, не хуже крематория, равнодушно сжег бы до непроглядной темноты и Ваську, и пень, и топор.

Нащупав кювету с закрепителем, Андрей опустил в нее промытый отпечаток, тщательно упаковал разложенную на столе фотобумагу и минуты через три включил свет. Вынув из фонаря стекло, он убедился — лампочка и впрямь перегорела. Вот досада... Что же делать?

Он поднял голову. Посреди лаборатории, в глубокой трехметровой выси, у самого потолка мерцала лампа дневного света. Такую в фонарь не вставишь... А отпечатки ему хотелось сделать к завтрашнему дню. Нащупав в кармане монеты, выданные дома на обед, Андрей запер лабораторию и выскользнул из школы. Магазин был неподалеку.

Войдя в магазин, он уверенно свернул в угол, где обычно лежали лампочки. Ого, целая груда! Вот и отлично. Взяв лампочку вместе с картонной ее кобурой, Андрей пошел к кассе и удивился. За кассой сидел сам Динэр Петрович Суровцев — завмаг. Поймав взгляд Андрея, Суровцев заулыбался:

— Что, Васёк? Удивлен, что я теперь кассир? А разве Катька моя вам не рассказывала, что меня спихнули с завмаговских высей?

— Не рассказывала... Она с нами и не разговаривает...

— Ха-ха! Шучу... Видишь ли, кассир мой заболел. Такие дела... А арба должна катиться, вот и сел за кассу сам. Работа не пыльная. Что выбивать, покупатель?

— Вот, — показал Андрей.—Лампочка.

— И все?

— Фонарь потух. А я печатаю.

Динэр Петрович вкрадчиво притопил указательным пальцем нужные клавиши, касса хрюкнула и высунула чек — будто язык Андрею показала. Протягивая чек, Динэр Петрович задумчиво спросил:

— Слушай, тебе нужна бленда?

Андрей удивился вопросу. А больше — тому, что услышал это слово из уст Динэра Петровича. Бленда — вещь для любого фотографа нужная, притом — редкая. Ее навинчивают на объектив, чтобы уберечь пленку от постороннего назойливого света, который может помешать добротному снимку. Особенно в яркий солнечный день, когда любопытное светило так и норовит влезть в объектив.

Андрей невольно стал озираться. Но шарить взглядом по бесчисленным полкам было бессмысленно, да и фотоотдел в магазине отсутствовал.

— Разве завезли бленды? — спросил он.

— Чудак! — рассмеялся Суровцев.— Это же дефицит. А дефицит не завозят, а достают. Другой глагол. Чувствуешь разницу? А блендочка у меня есть. Припасена для хорошего человека, ждет его она с нетерпением. Дома ее, голубушку, храню.

— А кто этот человек? — полюбопытствовал Андрей. Интересно все-таки — для кого завмаг держит Дома бленду.

Суровцев улыбался одними глазами.

— Хочешь узнать его имя? А я и сам пока не знаю. Может, его звать Андрей. Кто знает...

Андрей непонимающе уставился на Динэра Петровича. Тот наслаждался произведенным эффектом, вальяжно развалившись в удобном кресле.

— А что? — спросил Динэр Петрович сам себя.— Вполне может статься, что им будешь ты.

— Ну так продайте! — обрадовался Андрей, едва не сбитый с толку. Он уже давно хотел приобрести бленду. Как часто, снимая на улице, он сетовал, что солнце слепит объектив. Бленда могла стать союзницей.

— Не продается она,— покачал головой Суровцев.— Цена бленде — полтинник, а вещь дефицитная, сам знаешь. Полтинник любой съест, а попробуй бленду на такую наживу выудить.

— Нет их...— вздохнул Андрей.— Уже год ищу.

— А приходи сюда через часик,— задумчиво сказал вдруг Суровцев. В словах его плескалась загадка. Андрей глянул на Суровцева и удивился расширенным глазам его. Динэр Петрович будто

грезил о чем-то, в глазах его тускло мерцала хитринка.— С фотоаппаратом своим приходи,— уточнил Суровцев.— Я ведь бленду не за деньги отдаю. Снимочек мне один нужен. Фотка, говорю, особенная. С мыслишкой одной. Вот и предлагаю сделочку — ты мне фотку, а за это забирай блендочку. Идет?

— Идет!— просиял Андрей.— Я мигом.

Он помчался в фотолабораторию, ввернул лампочку, быстро допечатал оставшиеся девять кадров и, окунув последний отпечаток в закрепитель, схватил фотоаппарат, убедился, что пленки остались на целых полтора десятка кадров, и поспешил в магазин.

Суровцев все так же восседал за кассой. Увидев Андрея, подмигнул:

— Давай сюда.

— Что надо снять?— с готовностью спросил Андрей.

— А ты еще не догадался?— хохотнул Динэр Петрович. — Меня, конечно. Вот здесь иними.

— За кассой?

— За ней, родимой!

Глаза Суровцева излучали восторг.

— Я эту фотку дружкам разошлю. — хохотнул он. — Первого апреля. Забавно выйдет, я знаю, когда они вдруг увидят, что сам Динэр Петрович — да вдруг простой кассир! Я и надписи на обороте сделаю. Что-нибудь такое: «Шлю фото с фронта доверенного мне участка». Как?.. Вот умора!— и он, уже не сдерживаясь, принялся шлепать себя по животу и хохотать.

— А что тут смешного? — растерянно спросил Андрей — Ну и что, если друзья увидят вас за кассой?

Суровцев махнул рукой:

— Ты этого не понимаешь! Маленький еще. Твоя забота — снимок сделать, а остальное моего ума дело.

Андрей обиженно засопел. Как фотографии делать — так взрослый, а вопрос задал — так сразу стал маленьким.

— Давайте сниму,— выдавил он, уже малость жалея, что клюнул на приманку и с готовностью прибежал исполнять прихоти Динэра Петровича в обмен на заветную бленду. Но уж больно хотелось ему заполучить защитницу от солнечных ливней и бликов.

Щелкнул он Суровцева за кассой дважды, при этом Динэр Петрович выгуливал по лицу жалостливую, страдальческую гримасу.

— Пусть друзья думают, что у меня на душе кошки скребут! — объяснил он.

— Где еще снимать? — сухо спросил Андрей. — Тринадцать кадров осталось.

Суровцев приподнял брови, во всем облике его появилось что-то недоброе, хищное.

— Тринадцать?— переспросил он.— Это хорошо. Число знаменитое. Его надо в дело пустить, распорядиться с умом. Что же нам с тобой делать?.. Знаешь что, приходи вечером ко мне домой — там и достреляешь остальные тринадцать. Придешь?

— А здесь нельзя?— огорчился Андрей оттяжке. — Тоже можно придумать что-нибудь...

— Лучше — дома! — отрезал Динэр Петрович.— Мыслишка одна появилась... А это только дома можно сделать... Да и блендочку не в магазине держу, а дома. Закончишь дело — и заберешь. Договорились?

Это был капкан. Андрей выдавил покорно:

— Ладно, приду.

— Честное пионерское?— переспросил Суровцев.

— Честное пионерское.

Суровцев не оставлял Андрею выбора. Уже уходя из магазина, Андрей спросил:

— А у вас темно?

— В смысле? — насторожился Суровцев.

— Дома, спрашиваю, темно? Вспышку с собой брать?

— Возьми, возьми! Сгодится... К восьми приходи... Пойдет?..

... Дверь Андрею открыла Катя Суровцева. Удивилась:

— Ты чего?

Ответить однокласснице Андрей не успел. За ее спиной возник, как джинн из бутылки, сам Динэр Петрович:

— Катенька, товарищ прибыл ко мне. Проходи, Андрей.

В доме Суровцевых Андрей был впервые. «Как в театре!» — подумал он, мельком оглядывая обстановку и удивляясь трем скульптурам в прихожей. Ему в голову не приходило, что скульптура может стоять еще где-либо, кроме музея.

— Сюда проходи,— пригласил Суровцев. — Не бойся.

Андрей скользнул в дверь. Динэр Петрович мягко пожал широкую, словно медвежью, лапу включателя, и Андрей увидел, что они в спальне.

— Здесь будем работать! — заговорщицки шепнул Динэр Петрович.— Я та-а-кое придумал, та-а-кое...— его душил смех, глаза сияли.— Я им сделаю! — пригрозил он кому-то, находившемуся сейчас очень далеко.

Динэр Петрович подошел к постели, достал из кармана спички и зажег свечи, что торчали в двух подсвечниках у изголовья, после чего прямо в халате улегся в постель, подтянул повыше простыню, молитвенно сложил руки на груди, закрыл глаза и замер.

— Годится?!— спросил он, не открывая глаз. — Как получается кадр? На что похоже?

Андрей поежился. Картинка складывалась жутковатая.

— Похоже, спрашиваю?— не отставал Суровцев.

— Страшновато...— честно признался Андрей. — Будто бы вы... Ну, как бы в-вам объяснить...— Андрей умолк на полуслове, не решаясь сказать, что в кадре Суровцев имел сейчас странный товарный вид — смотрелся натуральным, свежим покойничком из материала заказчика. Но Суровцева вполне устроила эта робкая нерешительность Андрея. Он разлепил веки, одним рывком приподнялся на локте и прыснул:

— Значит, похоже?.. Отлично! Это мне и нужно. Я им сделаю! Всем пошлю по фотке. А потом... Ой, как я им потом кайф шугну! Конкурентики проклятые! Завистники чертовы...

— Тоже... на... первое апреля?— робко спросил Андрей, пугаясь сейчас почему-то Суровцева, уютно улегшегося под скорбным отблеском свечей. Трудно было понять, кому хочет Суровцев послать такой зловещий снимок.

— Угадал образ, пацан! — похвалил Суровцев.— Молодец! Голова варит отлично. Считай, бленда у тебя почти в кармане. Ну, поехали, что ли? — и он вновь опрокинулся навзничь, принял прежнюю позу и, довольное долго повозившись с улыбкой, упрямо не желавшей сползть с лица, наконец совладал с ней и замер.

— Снимай...— шепнул он.— Я готов.

Андрей трясущимися руками приладил к аппарату вспышку и приник к видеоискателю.

Щелкнуть он не успел. Потому что «покойничек», заставив Андрея вздрогнуть, вдруг дернулся и закричал:

— Вот черт! погоди, Андрюха!.. Главное забыл!.. Эх, обо всем приходится думать самому... Катя, где ты? Иди сюда!

Катя, приникшая к двери и с любопытством наблюдавшая за происходящим, шагнула к отцу.

— Кошелек мой принеси,— отрывисто бросил он.— В пиджаке он.

Катя принесла кошелек, Динэр Петрович высыпал из него на постель лужицу монет, выудил два пятака, сгреб остальные монеты обратно в кошелек и метнул его Кате:

— Положи где брала.

— Можно я рубль возьму? — попросила вдруг Катя.— На кино. И на мороженое.

Динару Петровичу просьба не понравилась.

— Не мешай! — закричал он.— Видишь же — я очень занят. Умер я, умер! Дай сосредоточиться, не мешай. Вот воскресну — тогда и поговорим о финансах.

— Ладно,— уныло согласилась Катя.— А после дашь?

— Не мешай, говорю!— завопил Суровцев.— Вот пристала! Дети, называются. Нигде от них покоя нет. Умирать для хохмы — и то спокойно не дают.

Он вновь закрыл глаза, ловко положил на них пятаки — вверх орлом и, уже совсем приготовившись отходить к фотосъемке, вновь чертыхнулся и нервно окликнул фотографа.

— Эй, ты здесь?

— Здесь я,— отозвался Андрей, загипнотизированный всем, что происходило.

— Свечку одну подай. Горит которая. В руку давай! — Динэр Петрович, ослепленный пятаками, поднял руку и терпеливо задергал пальцами.

— А где свечку взять?— растерялся Андрей.

— Из подсвечника вынь.

Андрей пугливо коснулся стволом свечи торопливой ладони Суровцева, а он, схватив свечку, опустил

руки на живот, поверх простыни и смиренно затих.

— Снимать, что ли?— уронил Андрей.

— Давай скорее, пока свеча не начала течь. Пальцы ошпарит. Сымай!

Андрей принялся щелкать, живо меняя точки съемки. Едва он сделал последний кадр, как «покойничек» вскочил, вдел свечку обратно в подсвечник и стал дуть на ладонь, будто боялся, что она выкипит как молоко.

— Уф, горячо! — приговаривал он.— Думал, не выдержу.

— А как вы догадались, что пленка кончилась?— восхитился Андрей, радуясь, что Суровцев уже снова живой. Хоть и понимал, что происходящее — чушь на постном масле, а все равно страшноватенько.

— Чудак! Я же считал, когда ты снимал. Еле дождался тринадцатого выстрела... Когда будет готово?

— Хоть завтра.

— Ну, молодец. Я рад. Приходи, приходи. Ты же должен будешь забрать свою бленду.

— А... разве...— Андрей растерялся и умолк.

— Что такое?— сощурился Суровцев. — Я, брат, люблю так: товар есть — деньги на бочку, товара нет — разговора нет. А за блендочку не волнуйся, я ее теперь только тебе и отдам. Прямо в ручки — как и договорились. Значит, завтра товар будет?

— Будет,— пообещал Андрей, отводя глаза.— В это же время.

— Честное пионерское?

— Честное пионерское,— отозвался эхом Андрей.

— Так я жду...

Андрей торопился домой. Его разбирал смех. Сейчас, когда Суровцев с его странноватой выдумкой оставался позади, все случившееся представлялось ему уморительным кошмаром, и он, посмеиваясь, представлял, как станет, помирая от смеха, рассказывать эту невероятную историю друзьям.

Дома мать была не одна — к ней пришла соседка. Мать хлопотала на кухне, где они и судачили.

— Чего поздно ходишь?— покосилась мать.

— У Суровцевых был.

— Это зачем еще? — мать замерла у плиты.

— Катин отец попросил... фотографировал я его.

— Жулика этого?!— всплеснула руками мать.— Он же меня сегодня опять обсчитал.

Соседка закивала:

— Жук он известный, это уж точно. В чужую копейку как клещ вцепляется.

— А что случилось?— поинтересовался Андрей.— Он ведь за кассой впервые сидел. Кассир заболел.

— А он и рад!— оборвала Андрея мать.— Все они у него выучку прошли, все одного поля ягоды. Ему бы не завмагом и не кассиром работать, а в цирке фокусы показывать. Ловко умеет голову заморочить... Вот, к примеру, сегодня... я взяла пакетик риса, кулек сахара, хлеб и две банки консервов. Так он меня на двадцать одну копейку обсчитал! Точно говорю. Это я уже дома проверила.

— Может, ошибся он?— предположил Андрей.

— Чего ж на больше ошибся? — с усмешкой возразила мать.— Почему, спрашиваю, не наоборот? Меньше почему не взял?

— А ты бы вернулась в магазин и доказала,— не отступал Андрей.

— Докажешь ему! — взорвалась мать.— Задним-то числом.

— Это точно, точно! — закивала соседка.— Вот так и меня каждый день — хоть на гривенник, хоть на плюгавую копейку. Все жалуются. Ведь не копейку жалко, когда придешь домой ихватишься ее. Не копейку... А что обвели тебя как глупышку и недотепу. Что с мясом вырвали у тебя кусок души человеческой. Вырвали и не спросили — можно ли. Не копейку жалко. Дьявол с ней... Прямо как факиры! Салатное масло — и то прячут. Пустые бутылки несешь сдавать — не принимают. Решеток, говорят, нет. А уступи им по пятаку за бутылку — и без решеток возьмут, да и немые тоже — дело это проверенное.

— Погоди! — спохватилась мать.— Фотографировал, говоришь? Это зачем же, позволь спросить? Что снимал-то у него?

В ушах Андрея сейчас набатно раскачивались, гудели и больно били его собственные недавние слова, поспешно сказанные Суровцеву. Вот эти — «Честное пионерское!..»

Честное... Честное... Честное... Честное...

«Ужас,— мелькнуло у него.— Кому же это я, выходит, обещал быть верным клятве?.. Покойнику-любителю?.. Плутитшке, таскающему копейки у покупателей?» Неужели же теперь, когда он услышал о Суровцеве такое, он все равно станет печатать несуразные снимки с этими дурацкими пятаками?.. Но разве можно не выполнять обещанное, если тот, кому обещал... Если он отказался... Мысли путались, в голове нехорошо зазвенело.

— Так...— неопределенно протянул Андрей. — Пятнадцать кадров...

— Ого! Целых пятнадцать!— удивилась мать.— Не пожалел извести на него сколько...

— Он мне бленду за это даст,— виновато протянул Андрей.— Очень редкая вещь, а мне она нужна. От солнца.

— А за мать тебе не обидно? И вообще...— Она пристально глянула на Андрея и вздохнула.

Андрей проявил пленку. Кадры получились отменными. На двух Динэр Петрович царственно восседал за тронем кассы, на остальных прилежно изображал смиренного покойника. Лицо, простыни и свечи были черными. Негатив. Все на нем наоборот, дело известное... Отпечатки обещали получиться на славу — не подвели ни пленка, ни вспышка. Андрей прицепил кончик пленки к леске, цапнув его бельевой прищепкой. Часа через два пленка высохнет и можно будет печатать.

Он сделал десять отпечатков — бленда стояла того — и когда они с треском отлетели от зеркала электроглянцевателя, сложил снимки в пустую пачечку от фотобумаги и заспешил к Суровцеву — сдавать «товар».

Он подходил к дому Суровцевых в надвигающихся сумерках и словно спешил опередить их. Уже издалека удивили, насторожили неприветливо темные окна дома. «Спят, что ли?» — мелькнуло сердито.

Но все объяснилось просто — у калитки был наживлен на гвоздик листочек, а на нем — мельком, как бы наспех — его, Андрея, имя. Развернул. Из бумажки выпала аккуратно сложенная пятирублевка. Писал сам Динэр Петрович. Писал он вот что: «Андрей! Молодец, что сдержал честное пионерское. Жаль, но мы должны были срочно уехать в Ташкент на юбилей моего товарища. Вернемся только к утру. Готовую работу положи на подоконник — я оставил окно незапертым. А бленду, вот досада, увы, не нашел. Подевалась куда-то, железка чертова. Оставляю тебе пятерку. Деньги, брат, получше любой бленды — ими можно от чего хочешь защититься, а не только от солнца. Поздравляю с пятеркой, отличник!»

Вот оно как вышло! Стало быть, нет никакой бленды, пятеркой отделался. Хотя, если, рассудить, деньги большие — бленда в магазине в десять раз дешевле стоит. Если, конечно, продается.

Андрей неверными ногами ступил за калитку, двинулся к темному окну. «Не было у Суровцева бленды,— сказал себе Андрей.— Он с самого начала приговорил меня к этой пятерке и был уверен, что я обрадуюсь. И заманивал, заманивал... А мать на двадцать одну копейку обсчитал. И других тоже — в магазин уймища народу ходит. Уж не из тех ли копеек сбежалась эта моя пятерка?»

Мысль опалила его, вдруг вспотели руки. «Интересно, а почему Суровцев просто не пригласил фотографа из Дома быта. Почему меня заманил? Ведь, если рассудить — ему безразлично, кому отдать пятерку. Но почему же тогда?.. Ага, не хотел, чтобы узнали широко. А во мне был уверен. Знал, что клюну на приманку, а получив деньги, буду молчать, как невзведенный затвор. Не стану же, рассуждал он, я, пионер, хвастаться, что пять рублей заработал, снимая на пленке, которая

принадлежит школьной лаборатории. И увеличитель, и бумага тоже... А что не подведу его — тоже был уверен. Ведь он заставил меня — хитро так, незаметно — дать клятву. Честное пионерское. Кому сказал? Кому? Эх...»

Андрей оглянулся, словно боялся, что кто-нибудь следит за ним и даже может подслушать его мысли.

А ладони мокли, мокли.

Андрей потянул раму. Верно, открыто. Положил на широкий подоконник пакет с фотографиями. Положил рядышком с телефоном. Уже задвигал обратно раму, когда его ожгла жуткая по красоте картина. Он мысленно увидел ее разом, целиком — в деталях и красках. Он увидел...

Он увидел, как придвигает сейчас к себе поближе суровцевский телефон, снимает трубку и набирает станцию.

«Это междугородная?»— спросит он.

«Делайте заказ»,— равнодушно ответят ему.

«Соедините с Москвой...» — и назовет телефон Петьки, с которым летом подружился в Крыму.

«Привет, Петька!— скажет он.— Сделай доброе дело, надо срочно наказать одного жулика».

«Он в Москве?» — спросит удивленный Петька.

«Нет, у нас в поселке. Я с его телефона говорю. Его нет дома».

«А что я могу сделать?»

«А не клади трубку... Понимаешь?»

«Какую трубку?» — еще больше изумится Петька.

«Да телефонную же! Ту, что около уха держишь»,— и когда Петька вконец запутается, объяснит ему суть своей задумки.

Они оба просто положат трубки близ аппаратов, а станция будет считать, что разговор продолжается. За ночь «разговора с Москвой» пришлют Суровцеву счет — рублей на триста! Вот это будет наказание. Попробуй доказать потом, что не звонил, если звонок-то был. Так Суровцеву и надо...

Андрей ясно представил, как вернувшийся домой Суровцев, или кто-нибудь из семьи, обнаруживает трубку на подоконнике, потом «аллокает» в безмолвие и, пожав плечами, водворяет трубку на место, сетуя на рассеянность кого-либо из семьи. Точно — рублей триста получится. Тридцать пять копеек в минуту — это рубль с пятаком в три минуты. Так... За час это будет в двадцать раз больше, то есть уже двадцать один рубль. За десять часов — двести десять рублей... Ого! Прогрессия!..

Потом с пугающей радостью он подумал, что куда получше сделать то же самое, но в субботу — подловив, когда семейство Суровцевых отбудет на долгий уик-энд, на двое суток, часиков на сорок с гаком. Нетрудно было прикинуть, что в этом случае праздное лежание трубки, заранее соединенной с далеким абонентом, пахнет для беспечного владельца трубки почти тысячей рублей. Вот было бы наказание! От имени и по поручению всех обчисленных в магазине... В это мгновение Андрей чувствовал себя заступником, неуловимым мстителем, главой депутации, которую стихийно выдвинули из своих рядов все когда-либо обиженные магазином...

Андрей, словно во сне, стянул с рычагов трубку.

— Междугородная?— спросил он, с трудом пряча волнение.

— Слушаю,— ответила девушка.— Куда будем звонить?

— В Москву... Петьке... Можно?..

— Телефон в Москве?— спросил равнодушный голос.

— Запишите, пожалуйста...

— Ваш телефон? — потребовала девушка.— Скажите номер вашего домашнего телефона...

Андрей молчал. Вот это удар! Номера телефона Суровцевых он не знал.

— А почему вы молчите?— раздраженно бросила телефонистка.— Вы будете заказывать разговор?

— Извините,— сказал Андрей.— Не надо... Ничего не надо...— он положил трубку и прикрыл раму.

Он уже подходил к калитке, как вдруг левая ладонь его будто взорвалась, ошпарилась, укололась. Он поднял кулак, разлепил пальцы. Пятирублевая бумажка, мокрая, мятая, словно свыклась с ладонью. Андрей удивился: он держал сейчас растопыренную ладонь пятирублевкой вниз, а она висела, не падала. Он с силой потряхнул рукой — и потная бумажка, отлепившись, рухнула на пыльную дорожку. Андрей кончиком пальцев поднял ее и вернулся к окну. Достав пакет, он сунул туда пятирублевку. На пакет со снимками он поставил телефон и вновь закрыл окно.

Думалось ему: а зачем она мне, бледа? Ведь обходился же без нее, обходился же. Просто нужно правильно строить кадр, искать точку съемки.

На другой день он зашел в магазин. Суровцев царственно сидел у кассы.

— Что случилось?— вяло спросил он, когда Андрей приблизился. — Почему деньги в пакете?

Андрей помолчал, вздохнул и поднял глаза на Суровцева.

— Верните...— тяжело проговорил он.— Верните... мне...

— Сейчас-сейчас!— с готовностью отозвался Суровцев и достал из кассы синюю бумажку.—

Держи свою пятерку, за мной не пропадет. Молодец, что передумал!

Андрей покачал головой:

— Не это. Не деньги.

Что же тогда?— удивился Суровцев.— Снимки, что ли?

— Себе оставьте.

Суровцев развел руками:

— Что же вернуть? Не понимаю я тебя, дружок?

— Верните...— упрямо твердил Андрей.— Верните мне мое честное пионерское... Верните...

Суровцев испуганно смотрел на Андрея и, не глядя на кассу, пытался попасть подрагивающей пятеркой в ящичек с бумажными деньгами.

ПИСЬМО БЕЗ ПОДПИСИ

Погодите!... Я ведь еще не рассказал вам, как у нас появилась «Москва»!.. Все началось с телеграммы. Она была выставлена на всеобщее обозрение — так распорядился директор Мумин Ахмедович. И не просто распорядился, а самолично приколопил ее к Доске почета в вестибюле. И хотя на фоне горделивых фотопортретов отличников она смотрелась всего лишь скромной синюшной бумажкой, нахально вломившейся в великолепие Доски почета, ее прочли все.

Ну а мне с Андреем Никитенко оставалось только недоумевать — как могло случиться, что мы с ним, такие простые поселковые птицы, удостоились вдруг телеграммы из Ташкента!..

Телеграмма была из детской газеты. Редакция извещала, что мы с Андреем выиграли главный юнкорский приз конкурса «У природы нет плохой погоды», и вскоре он будет прислан нам по почте.

Новость нас потрясла. Нам и в голову не приходило, что Андрейкин фотоснимок и моя заметка про то, как наш отряд юных друзей милиции спасал улиток, могут победить в таком солидном конкурсе любителей природы.

Когда наши ребята устанавливали на бетонной тропе щит с надписью «Осторожно, здесь отдыхают улитки!», Андрей по своему обыкновению щелкнул затвором своего «Зенита». Позже мне пришло в голову, что можно вместе с его снимком послать и заметку о спасителях беспечных улиток и светлячков.

И вот — такая телеграмма...

Все гадали, какой приз нам пришлют. Велосипед? Книги? Набор садовых инструментов?

Шли дни, напряжение росло. И вот однажды секретарша директора тетя Зина вошла в класс и вручила нам с Андреем извещение.

— Вот, на почту вас зовут, посылка пришла.

На обороте извещения я прочел требование предъявить документ. Показал тете Зине:

— Не дадут посылку, вот — паспорт нужен.

— Дневник покажешь,— махнула рукой секретарша. — Самый надежный документ у школьника.

— Ничего не выйдет. Смотрите — тут нужно написать, когда выдан, номер, серия, прописка... Откуда в дневнике прописка?

Тетя Зина тяжело вздохнула:

— Во пристал. Маленький, что ли? Не хочешь тащить на почту дневник — беги домой за свидетельством о рождении. Вот твой паспорт. А хочешь, я тебе справку отстукаю — кто ты есть такой и в каком классе прописан. Две строчки...

— Давайте лучше справку, мы с Андрюхой на большой переменке на почту слетаем.

— Это мы можем,— кивнула тетя Зина.

И мы поспешили за ней.

Вставив в каретку старенькой машинки листочек с печатью в уголке, она менее чем через минуту протянула мне справку.

— Держи, на одного тебя выписала, этого достаточно.

— А где мне справка?— обиженно захлопал глазами Андрей.— Нам же на двоих прислали приз.

Секретарша окатила Андрея взглядом, полным удивления.

— А зачем две справки? Посылка-то одна. Иди вместе с Володей, вместе и получите по его справке.

Иди-иди, чтобы не подумал, что приз до тебя целиком не донесли. Может, там торт какой-нибудь. Будешь еще думать, что Володька по дороге половину слопал без тебя.

Она усмехнулась. Андрей вспыхнул от этих слов, вскинул руку, чтобы запротестовать, но тут залиvisto позвал на урок звонок. Наскоро поблагодарив тетю Зину, мы помчались в класс, сгорая от нетерпения. Предстояло высидеть целый урок, прежде чем мы могли полететь на почту за сюрпризом.

Об извещении и справке знали все, и еще никогда в истории класса ожидание звонка с урока не было для нас столь мучительным. Когда он, наконец, прозвенел, все дружно завопили «ура!», и мы с Андреем испарились из класса раньше, чем умолк его горластый медный призыв.

— Тетечка, миленькая! — заторопили мы почтальоншу.— У нас перемена скоро кончится, дайте посылку

Глянув на нашу справку, она кивнула и скоро вынесла из подсобки увесистую коробку. На ней стоял адрес школы, наши с Андреем фамилии и сумма оценки. Сумма была оглушительной — сто сорок рублей. Мы переглянулись. Судя по этой ошеломляющей цифре, нам прислали что-то очень ценное. Говорила об этом, впрочем, и надпись фломастером: «Осторожно! Не бросать. Точная механика!» Калькулятор? Кинопроектор? Загадка... Сгорая от любопытства, мы поспешили обратно — распаковывать ящик здесь, на почте, времени уже не оставалось. Быстро управились, до урока оставалось еще целых три минуты. Одноклассники обступили нас и, осторожно сняв

крышку и вытащив вату, в которую было бережно укутано содержимое посылки, мы извлекли из нее футляр, напоминающий своими контурами маленький рояль. Открыли и увидели новехонькую пишущую машинку «Москва».

Вот так приз! Ни за что не догадались бы сами, что в посылке. Восторгам не было края. И только Катя Суровцева, презрительно поджав губы, уронила:

— Сломанная, наверное. Станут они вам хорошую присылать, ждите!.. Хорошая им самим в редакции нужна.

Андрей едва не задохнулся от обиды:

— Завидки берут, да? Не тебе прислали — вот и злишься.

— Фи, подумаешь — машинка! — продолжала свое Суровцева.— Сейчас машинки уже не в моде, если знать хочешь.

— А что же, по-твоему, в моде? — передразнил завидулю Андрей. «Бананы» небось? А может, надувной портфель? Или сапоги-шляпка?..

Андрей удивил меня. Никогда не думал, что этот тихоня способен так «фехтовать». Ясно, за машинку нашу обиделся. Она была великолепна.

— Ты все сказал?— спокойно осведомилась Катя.

— Все.

— Выдохся, понятно. Так вот, Андрюша, запомни и намотай на ус, пока, конечно, воображаемый. Сейчас журналисты на дисплее работают, а пишущая машинка — это для них как автобус у космонавтов. До космодрома доедешь, а на Луну не полетишь. Кстати о «бананах»... Запомни, Андрюша, это уже античная одежда. Отстаешь от моды, отстаешь...

— А я... Я за ней и не гонюсь...— растерянно проговорил Андрей, ошеломленный неожиданным натиском.

Я мысленно аплодировал Кате. Злюка она, конечно. Злюка и завидуля. Но надо отдать ей и должное — приемчик она провела против Андрея чувствительный. Никитенко после ее славного «апперкота» вполне мог плюхнуться лопатками на пол. Уже, кстати, начинал крениться.

Но, к счастью, продолжать Андрею не пришлось. В класс вошел Эммануил Львович, и репутация машинки была спасена. Я защелкнул футляр и поставил машинку под парту, у ног. Она стояла смиренно, как портфель.

Эммануил Львович был краток и внезапен.

— Друзья, — сказал он.— Будете писать сочинение.

Мы зароптали. Как же так — ведь сочинение мы собирались писать на следующем уроке, послезавтра. Но Эммануил Львович был тверд.

— Прошу не бунтовать,— улыбнулся он нам, но во взгляде была твердая решимость.— Обстоятельства изменились. Я должен срочно отлучиться до конца урока. Но обязательно вернусь и соберу сочинения. Надеюсь, будет полный порядок?..

Особо великого уныния эта неожиданность, впрочем, не вызвала. К сочинению по картине «Опять двойка» все были в общем-то готовы. Да и отсутствие Эммануила Львовича в классе позволяло... Что и говорить, кое-что позволяло... Правда, тем, кому невольно было без этого.

Деваться некуда, мы достали листочки и склонились над ними. Ну и сочинение. Смехота! Уж не разыгрывает ли он нас? Ведь его в пору в третьем классе писать, а не в седьмом...

И тут мною вдруг овладело жуткое искушение. Сдавшись ему без боя, я выскользнул в коридор и в приемной директора предстал перед тетей Зиной с необычной мольбой:

— Дайте мне, пожалуйста, четыре листочка и копировальную бумагу.

— Это зачем еще?— удивилась секретарша.

— Тс-с-с,— я прижал палец к губам, кивая на дверь, ведущую в кабинет Мумина Ахмедовича. Тетя Зина поняла мои опасения.

— Директор на уроке.

И не задавая более вопросов, она скучно протянула мне все, что я просил. Вернувшись в класс, я быстро извлек машинку из кобуры, поставил на парту и, быстро разобравшись что к чему, сделал пирог из двух листов, которые прослоил копировальной бумагой, и вставил пирог в каретку.

Пирог был пока сырой, его только предстояло испечь. Была, правда, тревога, что Эммануил Львович может попросту не принять сочинение, отпечатанное на машинке. Но с другой стороны,

никто и никогда не предупреждал нас, что нельзя приносить в школу на урок пишущую машинку, а также печатать на ней сочинения. К тому же, я часто слышал от лейтенанта Барханова, что можно все, что не запрещено Законом. Словом, стоило рискнуть...

Кое-какой навык у меня уже был. Ведь я все-таки, как ни крути, редактор отрядной стенгазеты «Улыбка». И мне уже несколько раз приходилось самому печатать на машинке некоторые заметки — чтобы красиво было. Тетя Зина разрешила печатать на своей только раз, а в остальные пришлось ездить на велосипеде в управление рудника, где работал отец. Начальником. Но все равно он не разрешал, чтобы наши заметки печатала его секретарша тетя Лена.

— Твоя газета — твои и заботы,— холодно сказал отец. — Хочешь, чтобы было отпечатано — взнуздывай машинку сам. Разрешаю, когда будет свободна. Но об этом ты не со мной, а с Леной договаривайся, ее это хозяйство, ее конь.

Сам так сам. Тетя Лена слегка обучила меня обращению с машинкой. Я отпечатал на ней уже с десяток заметок. Но так, как это умела тетя Лена, и не мечтал обучиться. Я скакал указательным пальцем с клавиши на клавишу, как горный козел по головокружительным кручам, а тетя Лена печатала на «Оптиме», словно играла на рояле. Она, как и положено настоящему музыканту, могла не смотреть на клавиши, но исполняла текст без помарок. У музыкантов это называется — «играть с листа».

Я же шагал по клавишам, словно увалень. Но все равно мне почему-то нравилось печатать на машинке, работа не утомляла. Казалось волшебством — утопая, клавиша высекает букву, за ней другую, и вот уже они, словно оловянные солдатики, сбегаются в строй, занимают порядок, живут по строгому уставу — всегда подтянуты, стройны и ничем не напоминают неразборчивый бурелом почерка некоторых моих одноклассников, а немного — и мой собственный.

Итак, вызывая смехи у ребят, я водрузил машинку на парту.

Все с интересом наблюдали сейчас за моими действиями, а я принялся невозмутимо отплясывать пальцем на ступеньках клавиш. Класс наполнился непривычным клекотом. Не знаю, мешал ли ребятам мой стук, никто ни слова не сказал. Уж больно всем интересно было, что учитель скажет.

К возвращению Эммануила Львовича я успел отшлепать целую страницу. Сочинение уместилось на ней целиком. Я аккуратно разлепил пирог и первый экземпляр отложил в сторонку. Второй решил оставить себе — «на контроль», как обычно говорила тетя Лена, пряча копию. Спрятал в футляр и машинку. Просматривая готовую работу, с огорчением обнаружил, что юная, только что из магазина, машинка страдает заметным изъяном — буква «о» пробивается насквозь, вместе с бумагой. Текст зиял скважинами. Наверное, если бы у машинки доставало сил печатать на жести, с ее помощью можно было бы легко изготовлять дуршлаги, колошматы по металлу одной лишь литерой «о». А если работать непрерывно, то запросто можно было открыть цех по изготовлению этой уважаемой кухонной утвари...

Принимая у меня листочек, Эммануил Львович удивленно взметнул брови:

— Балтабаев, ты не перепутал листки?

Я глянул, поняв по-своему:

— Нет, все правильно — это ведь первый экземпляр.

— Первый экземпляр... шпаргалки?— с нажимом переспросил Эммануил Львович.

Я вздохнул. Пришлось вновь доставать наш гордый приз и предъявлять его учителю, чтобы не сомневался. Эммануил Львович, конечно же, тоже видел телеграмму. Теперь, первый среди учителей, он узрел и сам приз.

— Ясненько!— восхитился он.— Теперь, выходит, ты решил обходиться без ручки? Вот это,— он кивнул на мое сочинение, — так уж и быть, принимаю. Но учти — в первый и последний раз. В порядке исключения. Машинка — дело хорошее. Но подумай вместе с ребятами, какое ей применение найти.

— А чего искать!— воскликнул я.— У нас же стенгазета! Заметки будем печатать.

— Совсем другое дело,— согласился Эммануил Львович.

Впрочем, до заметок дело не дошло. Потому что, едва за учителем закрылась дверь, как ко мне подлетела Стелла и деловито распорядилась:

— Балтабаев! Тебе будет срочное пионерское поручение. Нужно отпечатать речь. Давай прямо сейчас и начнем.

— Какую еще речь?— удивился я.— Впервые слышу.

Но Стелла была невозмутима.

— Мою речь!— спокойно объяснила она.— Речь председателя совета твоего родного отряда на сегодняшнем заседании совета дружины.

— А разве просили сдать тексты?

— Нет... Никто такого не просил... Но ведь солидно будет. Ты сам посуди. Раз уж у нас своя машинка появилась... Давай скорее.

Я пожал плечами, откровенно говоря, не понимая, зачем писанные речи Стелле — нашему отрядному Демосфену. Всем известно, что отчеты и речи она любит больше, чем пирожное, а язык ее вертится как чигирь, установленный под струей Ниагарского водопада. Говорят, Демосфен, отрабатывая ораторский голос, любил бродить по безлюдному берегу и произносил речи, набив рот камешками. Тренировался до тех пор, пока не научился перекрикивать шторм... Не знаю как репетировала свои речи и доклады наша Стелла. Но когда комната или зал, где она выступала, наполнялся ее щебетом, сверкал руладами победных цифр, свидетельствовавших о двойках и тройках, навеки стертых нами с карты класса, она всегда казалась мне певчей птицей, соловьиной. Соловьиной с мегафоном. Наверное, по утрам она съедала паштет из птичьих языков, а вечером брала уроки художественного свиста.

Итак, соловьиная впервые захотела сколотить речь. Это и казалось мне с ее стороны странным — ну где можно увидеть соловья, поющего не наизусть, а с листа партитуры, расписанной композитором?! Но пришлось со вздохом уныния подчиниться. Я не стал протестовать еще и потому, что в сияющих ожиданием глазах Стеллы мгновениями прощмыгивал молчаливый вопрос: «Неужели откажется, неужели пожадничает?»

Строго говоря, машинка была только моей и Андрея. Но если рассудить по справедливости, получили-то мы ее не за красивые наши глазки, а, между прочим, за работу всего отряда по спасению улиток и светлячков. На том самом победном снимке Андрея, что так пришелся по душе редакции и жюри конкурса, сама Стелла стояла у щита, призывавшего пешеходов и коров быть внимательными на тропе — в ее правой руке была кисть, она дорисовывала ею финальный восклицательный знак в грозной надписи на щите.

Она вообще любила ставить восклицательные знаки. Даже там, где было не до радости и не до крика.

Рассудив таким образом, я сказал себе, что машинка, по справедливости, прислана и тем, чьи действия отвечали идее этого самого конкурса «У природы нет плохой погоды». А раз так, то Стелла вправе требовать, чтобы машинка послужила и ей. Тем более, что, в отличие от меня, отгрохавшего собственное сочинение, Стелла намеревалась заполучить речь, пронизанную нашими общими проблемами.

Уговорив себя, я махнул Стелле рукой, будто разрешал ей взять старт.

— Диктуй!

Времени на раздумья не было, перемена таяла. Соловьиная-Стелла уперла лапки в мою парту, склонилась над машинкой и дважды цвиркнула:

— Товарищи члены совета дружины! Товарищ председатель!..

Мне предстояло этот щебет переводить в стройные машинописные ряды букв, формируя из них отделения, взводы, роты, батальоны.

Впрочем, мы с ней были сейчас разными птицами. Стелла чирикала и торопилась перепрыгнуть с фразы на фразу, явно тяготясь моей неуклюжестью. А я, сжав кулак, словно тельце воробья с перебитой лапкой, прыгал по клавишам одиноким указательным пальцем, сиюсь поспеть им за полной сил и свиста соловьиной.

«То-о-в-а-р-и-щ п-р-е-д-с-е-д-а-т-е-л-ь!»— выстукивал я, и перед моим мысленным взором стоял Коля Барабанов.

Продолжить нам не удалось. Заливистый звонок перекрыл диктовку Стеллы. Пришлось отложить продолжение до следующей перемены... Увы, мне, с моей первобытной скоростью, выпало огорчить Стеллу и на другой перемене тоже. Отложить пришлось еще раз. Поэтому концовку выступления она заранее дописала от руки на последнем уроке и передала мне текст, попросив меня допечатать его и занести ей в пионерскую. Ее отчет был намечен на самый конец заседания.

Эх, машинка, приз ты наш распрекрасный! Пока получалось, что не приз принадлежал мне, а я — призу.

Пришлось задержаться, чтобы выполнить пионерское поручение. Притом такое, какое Стелле никогда в жизни не пришло бы в голову, если бы мы с Андреем не стали вдруг обладателями пишущей машинки. Можно было подумать, что машинку прислали из Ташкента специально для того, чтобы она вступила во владение мной, а вовсе не наоборот. Но тогда, зло думал я, нужно было не ее, а меня обкладывать ватой, дабы достался владелице целехоньким.

С такими вот грустными мыслями добивал я речь Стеллы. Она была и на этот раз верна себе, изображая скромные успехи нашего отряда как бесценный вклад в историю цивилизации. Стелла с выдающейся точностью указывала, сколько раз наши тимуровцы разожгли тандыры подшефным бабусям. Сколько голов зазевавшихся беспечных улиток спасено от неминуемой скоростижной гибели на плахе бетонного тротуара. Не забыла она чирикнуть словечко и о нашей с Андреем победе в конкурсе. Кстати, завершала Стелла, это место вот какой замечательной фразой: «Этот мой доклад, товарищи члены совета дружины, как раз и отпечатан на пишущей машинке, присланной нашим героям буквально сегодня. Он еще теплый! Хочется кричать «Ура!»

На заключительном восклицании мой палец запнулся и, как мне показалось, начал краснеть. Он явно отказывался вслед за Стеллой подхватывать ее зычное «ура».

Наконец-то все было готово. Я извлек листок, положил его на парту и принялся складывать машинку. Едва появившись, она уже успела доставить мне массу хлопот, а главное — ясно намекнула, что намерена не подчиняться, а повелевать.

Чтобы не обиделся Андрей, с которым мы на равных разделяли право на машинку, я поставил ее в шкаф, решив, что домой брать ее не стоит. Да и зачем? Если появится дело, можно воспользоваться машинкой в школе. Лучше ведь, если она всегда будет у нас под рукой.

Когда я осторожно пристраивал футляр с машинкой в шкаф, в класс вбежала взъерошенная Стелла.

— Где мой доклад? — нетерпеливо спросила она. — Мы же, кажется, договорились, что принесешь... Моя очередь выступить, а тебя все нет... Я же волнуюсь... Поручишь один раз — и то... — она была рассержена не на шутку.

— Там доклад... — я показал на свою парту. — Только что закончил печатать и как раз собирался отнести. Думал, еще не время...

Уже не слушая меня, Стелла подлетела к парте, схватила листочек и скрылась — будто унесенная сквозняком.

Сложив в портфель учебники и тетрадки, я отправился домой. Сестра встретила меня недоуменной улыбкой:

— А где сюрприз? Мне твои друзья рассказали, что ты сегодня отхватил! Ну, Володька!..

— В классе оставил, — объяснил я. — Общая будет, отрядная.

Но сестра не унималась:

— Сервер рассказал, что ты сочинение на машинке отгрохал. Это правда?..

— Сервер никогда не врет! — воскликнул я. туго накачав свой ответ гордостью за друга. Как шину велосипеда...

Сестра усмехнулась:

— Поглядим, что тебе поставят за эти художества. Не удивлюсь, если схлопочешь образцово-показательную двойку. Ничего себе — на машинке... Первый раз такое слышу.

— Нормальное сочинение, — заступился я за свое творение. — Можешь сама прочитать, если сомневаешься.

— Поздно уже будет читать. Пока учитель проверит, пока вернет вам...

— Ничего не надо ждать, — возразил я. — У меня есть копия.

— Копия?! — сестра округлила глаза. — Копия сочинения?

— А что особенного? Я через копирку печатал, Два экземпляра.

Пошарив в портфеле, я протянул листок сестре:

— Вот, если не веришь.

Сестра глянула на мое сочинение и вдруг залилась смехом — будто ей показали не плаксивое сочинение по картине «Опять двойка», а юбилейную сотую серию мультфильма «Ну, погоди!»

— Что это у тебя?! — смеясь, спросила сестра,

Я был зол на нее. Вышучивает меня как маленького. К тому же в сочинении не было, по-моему, ни на грамм смешного. Не больше, чем сахара в стручковом перце.

— Ерунда какая-то! — пожалала плечами Айгуль — Или ты меня просто разыгрываешь. Гляди, что тут у тебя...

И она, давась от смеха, прочла; «Товарищи члены совета дружины! Товарищ председатель!..»

Я почувствовал вдруг, что меня мягонько хлопнули поленом по голове, а в ноги вкатили по укольчику из жидкой ваты. Что она читает?.. Откуда эта ерунда?.. Ведь это не сочинение, это... Чувствуя потемнение в глазах, словно фотограф Андрей закрыл в них диафрагму до упора, как делал это на съемках в яркий солнечный день, я вялой рукой взял у Айгуль листок, уже понимая, что случилось непоправимое.

Так и есть — разгоряченная Стелла в спешке перепутала листочки и вместо своего доклада схватила с парты второй, «контрольный» экземпляр моего сочинения по картине «Опять двойка». Что же делать? Я сделал было слабое движение к двери, но замер у порога. Поздно. Пожалуй, уже и заседание у них закрылось — почти час прошел, как я ушел из школы. Я живо представил себе, как, сияя от гордости за красиво оформленный доклад, Стелла разворачивает листочек и торжественно провозглашает, еще не вникая в смысл первой фразы, начало из моего сочинения:

«Картина «Опять двойка» учит нас хорошо готовить уроки и не рассчитывать на подсказку...»

Оставалось надеяться, что, споткнувшись о холодный ушат столь неожиданного начала, Стелла не потеряет ни сознания, ни самообладания, а живо сообразит, что захватила копию моего сочинения по картине, а вовсе не свой доклад, и спокойненько довершит дело без бумажки — привычно легко макая язык в собственную золотую память. Скорее всего, так оно и случилось. Но все равно я с ужасом представлял, какими глазами встретит она меня завтра. Видимо, я надолго отбил у нее охоту к заготовливанию впрок текстов выступлений на машинке. Если так, то еще ничего. Хоть какая-нибудь польза будет от невольного конфуза...

Ночью я проснулся, разбуженный непривычно громкими голосами из родительской спальни. Дверь была приоткрыта, и я без особого напряжения мог слышать их диалог.

— ... А ты почему не пригрозила ему, что напишешь заявление в милицию? — жестко спрашивал папа.

Мама мягко возражала:

— Ну зачем же так? Может, ничего плохого он и не помышлял... Может, человек от чистого сердца. Довольно и того, что я просила больше не делать этого.

— Ну и ну! — папа явно сердился за что-то на маму.— Дача взятки, дорогая, карается по закону. А это — самая настоящая взятка,— папа взвинул голос, едва не кричал.

— Тише! — испуганно сказала мама.— Детей разбудим... Ты не волнуйся, я ему хорошо ответила. Больше это не повторится, я уверена. Он и сам, по-моему, был напуган больше моего. Если бы ты видел, как поспешно он спрятал все обратно в свой дипломат и вылетел из класса. Как дым в трубу...

— Напугаешь такого! — с сомнением протянул папа,— Он сам кого хочешь напугает. Ишь, что придумал, прощелыга — учительнице деликатесы принес. Кушайте, мол, товарищ учительница, на здоровье, но уж к моим деткам будьте поспешнее. Ну и жулик. А я бы на твоём месте в милицию сообщил...

— Не надо,— мягко остановила мама.— Он больше не станет. Сам посуди. Может, он это от отчаяния. Может, мечтает человек, чтобы дети хорошие отметки имели... Вот и пошел на глупость... С горя...

— Вот-вот! — подхватил папа.— Заметь, как ты сказала: чтобы имели хорошие отметки, а не хорошие знания. Все верно — знания за банки икры и сервелат не купишь. Что бы ты мне ни говорила, больше я о нем не желаю слушать. Поверь — не станет выращивать редиску тот, кому дешевле купить ее на базаре. Ишь, что придумал, мошенник! Припрятал, видать, весь дефицит в своей вотчине и распоряжается им по собственному усмотрению. Вот так трюк — попытаться купить учительницу сервелатом и икрой, чтобы в обмен она осыпала его отпрысков пятерками! И не пытайся оправдывать его, он прекрасно знал, что делает. Это — взятка, не иначе. Учти, твоя мягкость до добра не доведет. И говорю тебе: если узнаю, что он еще раз намекнет о чем-нибудь таком — сам пойду к лейтенанту Барханову. И прошу держать меня в курсе. Обещаешь?

— Обещаю, милый, обещаю. Не волнуйся, я ведь не маленькая...

Голос отца впервые потеплел:

— Да уж... Хорошо, что напомнила. Я ведь чуть не забыл, что ты у меня уже и школу закончила.

Это он так шутит...

Родители умолкли, а я долго не мог уснуть, размышляя над странным их разговором. Что же это. Выходит, кто-то хотел дать маме взятку? Купить у нее пятерку по математике, которую она у нас преподает? Вот так новость. Но кто бы это мог быть? Отец Васьки Кулакова? Конечно, нет. Отец Васьки, Николай Степанович, был столяром. А папа ясно сказал, что тот, который обидел маму, лакомым дефицитом командует. Васькин же отец командует не сервелатом, а пахучими досками. Мастер он замечательный.

Думаю, если надо, он и из сервелата дворец сколотит. Да еще и с фигурной резьбой. Только кому съедобный дворец нужен? Опасно такой без присмотра оставлять — вмиг прохожие разберут, собаки дожуют, куры и воробьи доклюют. Нет, дворец из сервелата — это все равно, что колбаса из картона или пенопласта. Похожа на настоящую, но ведь ее только на сцене и можно класть на стол. Если надо, чтобы ломился он от всего такого, потрясая зрителя... Не станешь ведь в театре держать настоящую колбасу вместо бутафорской. Не пойдет! В театре колбаса из картона в сто раз красивее, свежее и долговечнее даже той, что прямоком с мясокомбината. Ей холодильник не нужен. Так что закоренелый враг математики и дисциплины Васька Кулаков отпадал начисто. Чей же папа работает на фронте колбасы? И из какого класса? Ведь моя мама ведет математику во многих... Можно, конечно, утречком спросить у нее самой, но неловко. Получается, сам признаюсь, что подслушивал, как они с папой беседовали.

Когда наутро, на первой же перемене, в класс вошел лейтенант Барханов, у меня упало сердце. В другой раз и не подумал бы ничего плохого: А тут вдруг заволновался... В довершение всего, милиционер прямоком направился ко мне. Наверное, мое вытянувшееся лицо в ту минуту являло жуткую картину.

Лейтенант Барханов миролюбиво протянул руку:

— Поздравляю тебя и Андрея! Мне вчера о вас Стасик рассказал, братишка. Поздравляю с победой.

Я засмутился. Ясно же, что машинка — это общая награда всем, а вовсе не лично мне с Андреем. Может, Стасик больше чем кто-либо другой имеет права на эту машинку. Ведь это он, а не кто другой — командир отряда юных друзей милиции. Ведь это он повел наш отряд спасать и защищать глупых увальней — улиток, позволявших давить себя на бетонных плитах после дождя. У нас с Андреем, если честно, хлопот было меньше, чем у Стасика. Сфотографировали, написали, послали в газету. Вот и все дела. А если в Ташкенте вдруг рассудили, что наши улитки не менее важны, чем джейраны или пингвины — так тут мы с Андреем совершенно ни при чем. Жюри не за нас обрадовалось, а за спасенных улиток. За Стасика оно обрадовалось, про которого мы и рассказали в том своем послании в газету.

— Рад за вас! — повторил лейтенант Барханов и вдруг продолжил: — Давай на минуту выйдем в коридор. Разговор есть серьезный.

Провожаемые любопытными взглядами, мы вышли из класса. «Ну вот, — с тоской подумал я, — Начинается ерунда...»

— Просьба у меня к тебе, Володя, — сказал лейтенант Барханов. — Понимаешь, срочно нужна пишущая машинка. На два дня. Наша на ремонте. Барахлит, старушка. На пенсию ей давно пора, а новую никак не дадут. Помогии, а? В понедельник верну. Что скажешь, лауреат?

Было странно, что за таким пустяком наш поселковый милиционер явился лично, а не передал просьбу через братишку. Стасик сам и отнес бы ему машинку.

— Берите, конечно! — с облегчением воскликнул я. — Нам она редко будет нужна. А вы печатать умеете? Хотите — помогу?

— Нет-нет, спасибо. Я сам. — Наклонившись еще ближе, лейтенант Барханов смущенно признался:

— Если честно — хочу перепечатать свои стихи... Некоторые... Надумал послать их в журнал «Человек и закон». Может, понравятся. Вроде, душевные получились...

Я не узнавал милиционера, На его строгом квадратном лице сейчас полыхал румянец смущения. Вот чудак. Он все еще стеснялся того, что пишет стихи, пытался скрыть, и, видимо, не подозревал, что это давно уже не тайна.

Я вынес лейтенанту Барханову машинку. Нести ее было удобно — портфель да и только.

— Спасибо!— вспыхнул лейтенант Барханов.— В понедельник верну, как обещал.

— Нам не к спеху,— сказал я.— Печатайте на здоровье!

Но лейтенант Барханов был человеком слова, В понедельник его братишка Стасик принес машинку, и мы вновь положили ее в шкаф.

Прошла неделя. За это время произошли две приятные вещи.

Во-первых, Стелла перестала дуться на меня за конфуз с ее докладом. Обижаться, впрочем, она могла бы только на себя — ведь сама в спешке и перепутала листочки. Скорее всего на себя-то она и дулась. Зато когда простила сама себя, то и на меня перестала зыркать исподлобья.

Во-вторых, все та же Стелла объявила, что больше никогда не будет просить меня печатать отчеты. И сама тоже печатать их не будет. Лучше,— заявила она,— говорить из головы. В этом она крепко убедилась и не надо ее переубеждать... Будто кто-то собирался переубеждать.

«Вот и отлично, Соловьяха!»— подумал я, слушая Стеллу.

Как-то вечером мама была очень рассеянной и задумчивой. Такой я ее никогда не видел,

— Что с тобой сегодня, мать? — спросил папа, мягко взяв маму за руку.

Мама высвободила руку, виновато улыбнулась:

— Ничего... Устала, наверное... Вы ешьте, ешьте, а я прилягу, ладно?

Так и не поужинала.

Папа был хмур и весь вечер не разговаривал с нами.

На другой день секретарша тетя Зина с заговорщицким видом встретила меня в коридоре.

— Выручай, Володя,— попросила вдруг она. — Ты мне позарез нужен. Я тебе за это потом десять заметок для стенгазеты перепечатаю.

— А что нужно делать?

— Видишь ли...— она увлекла меня в свою комнату.— Тут вот какое дело. Подруга моя в Ташкенте замуж сегодня выходит. Свадьба у нее, понимаешь? А меня она попросила быть свидетельницей.

— Ну так езжайте,— опешил я.— При чем тут я?

— Ты-то ни при чем... Но мне прямо сейчас надо бы поехать, чтобы успеть. А Мумин Ахмедович попросил отпечатать к пяти вечера какой-то документик. Приказ или еще что-то в этом роде. Именно сегодня...

— Так у вас машинка, что ли, сломалась? — я терялся в догадках, силясь смекнуть, с какой стороны тетя Зина собирается приспособить меня к своему секретарскому делу. Может, тоже, как и лейтенант Барханов, хочет взять нашу «Москву» взамен забарахлившей своей.

Но она объяснила иначе:

— Понимаешь, бумага будет готова часам к двум — так директор предупредил. Я столько ждать не могу, а ему очень срочно. Чертово колесо, понимаешь? Он ведь на свадьбу поехать разрешает, но документик при этом все равно велит отстучать. Голова идет кругом — как тут быть. Вот я про тебя и подумала. Выручишь, а? Ну что тебе стоит? Хочешь, я за это двадцать копировалок подарю?

Мне стало неловко. Вот еще — за копировалки купить меня хочет. Будто я просто так не могу отстучать страничку, если сильно надо. Отчего не помочь.

— А где я возьму текст? — спросил я. — Директор даст?

Тетя Зина повеселела, поняв, что я согласен выручить ее.

— Только уговор,— предупредила она.— К директору не подходи. Видишь вот эту папочку около машинки. Он сам сюда положит документик для перепечатки, когда будет готово. У нас так заведено. Сам. Мумин Ахмедович к половине третьего уезжает на совещание в районо, его долго не будет, до пяти. Вот и сделай. А отпечатаешь — положи вот в эту папочку. Видишь, на ней написано: «Готовая работа».

— И это... все?— спросил я.— Больше ничего не надо?

— Абсолютно все.

— Нет вопросов!— пообещал я.— Можете спешить к своей подруге.

— А я тебе копировалку все равно дам! — обрадованно проворковала тетя Зина и, прихватив сумочку, поспешила в сеть свадебных хлопот.

После двух я вновь заглянул в приемную. Дверь в кабинет директора была приоткрыта и было видно, что его нет. Видимо, уже уехал. Как мы и условились, я приоткрыл папку, на которой было выведено «на перепечатку». В ней лежал листочек, покрытый наполовину знакомым всем нам красивым почерком директора — Мумин Ахмедович вел у нас узбекский язык. Я сел за машинку, привычно вставил в каретку слоеный пирог из бумаги и копировалки и поскакал пальцем по клавишам, читая с листа. Я отпечатал первую фразу и не поверил глазам. Потому что это был приказ, а в приказе речь шла почему-то о маме.

«Приказ.

На мое имя поступило письмо без подписи. Автор сигнализирует о факте дачи скрытой взятки учительнице Балтабаевой А. С....»

Вот так приказ! Я в ужасе, оглянулся, словно испугался - не читает ли еще кто-либо, кроме меня, эти страшные слова про мою маму.

Тетя Зина, тетя Зина!.. Если бы вы только знали, какой документ попросили отпечатать.

Я живо вспомнил недавний странный разговор мамы с папой. Припомнилось и вчерашнее утомленное, чем-то расстроенное лицо мамы и непривычно злое — папы.

Хорошенькая история!.. Я ни секунду не сомневался, что все это фантастическая чушь, нелепость. Но приказ директора по воле случая лежал передо мной. И в нем были холодные, беспощадные слова: «...Для проверки данного факта приказываю назначить комиссию в составе...».

Это что же получается? Маме не верят? Будут что-то проверять? Неужели все узнают об этом приказе? Какой позор... Бедная мама! Она и не догадывается, что произошло. Но кто же смог так оклеветать ее? Кто? Кто пытался навязать ей какие-то подарки? Может, кто-нибудь увидел это и истолковал по-своему? Все во мне кричало от возмущения, боли и беспомощности. Какое же это письмо? Клевета да и только.

И я ли не знал своей мамы...

Но делать было нечего. Я перепечатал приказ и перечитал его раз пять, стараясь успокоиться, и как следует вникнуть в каждое слово. Итак, неизвестный доброжелатель, страстный борец за чистоту учительских рядов с прискорбием извещал директора школы, что учительница Балтабаева Алла Сергеевна не гнушается принимать от родителей слабых учеников подношения, дабы содействовать укрупнению их тощих отметок. Автор «письма без подписи» утверждал, что «названная вымогательница» (так было в письме) особенно любит получать что-нибудь вкусненькое и даже назначила для складирования такого рода даров отдельную полочку в одном из шкафов в своем кабинете, где можно все незаметно оставить для нее.

Невозможно было читать спокойно эти слова. Шкафы кабинета математики до упора были забиты всевозможными пособиями, которые под руководством мамы изготавливали ученики всех классов.

Какая отдельная полочка? Какие дары? Чушь!

Лучшим подарком мама всегда считала особо удачное пособие, изготовленное с любовью и тщанием. Вот когда она была щедра на похвалу и пятерки. Вот когда «содействовала укрупнению».

Положив отпечатанный приказ во вторую папочку, я вышел в коридор. Голова покачивалась, как плотик на волне. Ботинки словно прилипали к деревянному настилу, ноги приходилось передвигать с трудом. «Ничего, разберутся,— успокаивал я себя.— Это же так просто — посмотрят все шкафы в кабинете, убедятся, что в них лежат лишь несъедобные тригонометрические и прочие изделия — порвут в клочья проклятое «письмо без подписи».

Школа была пуста. Проходя гулким вестибюлем, я машинально скосил глаза на ящичек, куда вешали ключи от кабинетов, глянул на третий слева гвоздь, где всегда висел мамин ключ и...

И вздрогнул. Ключа почему-то не было. Что за чертовщина! Этот ключ был знаком всем — с разлапистыми металлическими выступами с обеих сторон, разметавшимися словно космическая антенна. И тут я увидел — ключ висит на третьем слева гвозде, но... шеренгой ниже. Я успокоился. Но только на мгновение. В другой раз и не обратил бы внимания на заковыку с чужим гвоздем, но сегодня поневоле всему придавал значение. Ноги сами повлекли к ящичку. Он

был доступен любому, открытый всем сквознякам и прохожим. Я снял ключ с приютившего его гвоздя и поспешил к кабинету математики, пока еще не понимая, зачем мне это. Открыв его, я скользнул взглядом по полкам и шкафам. Сотни пособий, плакатов, приборов, аккуратно расставленные, дремали в ожидании уроков. Оставив портфель, я подошел к шкафу, который был ближе других к двери. Потянул на себя. Заперт. Все верно. Мама любила запирает шкафы с ценными и хрупкими пособиями, чтобы никто зря не баловался и не портил их. Ключики от шкафов она всегда носила с собой. Вот и хорошо. Я переходил от шкафа к шкафу. Заперт. Заперт. Заперт... Какое счастье! Я радовался так, словно сомневался в чем-то. Но все равно радовался.

Я подходил уже к предпоследнему шкафу, когда вспомнил, что у него и замочка-то нет и что мама, сетуя на это, давно собиралась попросить школьного столяра вырезать замочек. Потянул на себя дверцу, она с укоризненным скрипом отворилась. Поддаваясь какой-то безотчетной тревоге, я принялся тщательно осматривать содержимое шкафа. Наконец, приставив стул, добрался до верхней полки.

Спереди лежали рулоны с портретами выдающихся математиков. Когда приподнял третий рулон, он показался подозрительно тяжелым. Не мог Лобачевский на портрете весить пару килограммов. Для этого надо было бы выложить портрет гения математики из крупнокалиберной фасоли.

Я заглянул внутрь рулона и не поверил собственным глазам. Оттуда тарасилась на меня двухстволка сервелата. Я наклонил на себя рулон и оба рыжих ствола скользнули ко мне.

Вот проклятые! Откуда они здесь взялись? Что за кошмар... Положив ненавистную колбасу на ближайшую парту, я развернул портрет Лобачевского. Сам не знаю — зачем. Математик, мне показалось, смотрел на меня с презрительной гримасой. Великий творец идеи о пересечении параллельных прямых в безбрежном космическом пространстве, видимо, негодовал по поводу упрятанных с его помощью двух палок сервелата, лежавших в рулоне двумя параллельными прямыми. Думал ли сейчас великий ум о том, что если бы обе палки сервелата проросли с обеих сторон в бесконечность, то в космосе, где-то в звездной махалле близ Туманности Андромеды, они также пересеклись бы — строго согласно теории, не знающей исключений ни для космоса, ни для сервелата? Но сервелату нечего было делать в космосе... Просмотрев и прощупав содержимое шкафа, я обнаружил в огромном картонном цилиндре с открывающейся верхней крышкой четыре банки кальмаров. Океанские чудища свирепо тарасили на меня с зеленой этикетки фары глаз, их щупальца цепко обвивали талию банки. Сложив неожиданную добычу в портфель, я притворил шкаф, закрыл дверь кабинета, повесил на место ключ и вышел на улицу.

Куда нести добычу? Домой? Глупо. Что сказать маме? Что скажет она?

Отнести на работу к папе? Но его трудно застать, он редко бывает в своем кабинете, больше пропадает на руднике.

Я решил: пойду к лейтенанту Барханову. Выложу ему все, что знаю. Пусть наш поселковый милиционер разберется в этой загадочной истории.

И тут я почувствовал, как горячая дрожь пробежала от чуба до мизинца на ноге. Ну и растяпа же я! Что натворил! Нельзя было брать рукой ключ. Нельзя было без платочка в руке открывать шкафчик, брать сервелат и банки. Ведь лейтенант Барханов смог бы тогда вызвать из Ташкента ученую собаку, и она, обнюхав все эти вещи, точно навела бы на след. А что сейчас? Да любая служебно-розыскная собака, будь она хоть сто раз ученая, будь она даже ведущий в стране четвероногий специалист по обнюхиванию сервелата,— и тогда, познакомившись с вещественными доказательствами в лице параллельных колбасных прямых, она все равно привела бы милицию не в космос, а напрямиком ко мне и обляяла бы как первейшего растяпу.

И поделом.

Выслушав меня, лейтенант Барханов со странной подозрительностью дотошно заставил повторить, как все было. Будто у меня три разные истории. Я даже обиделся — словно он и меня в чем-то подозревает. Уж больно настороженно воспринял лейтенант мой рассказ.

Наконец лейтенант Барханов сказал:

— Ты не переживай. Тот, кто сделал это, не такой уж простак. В отличие от тебя, он все учел и, скорее всего, следов не оставил. Можешь мне поверить. Не удивлюсь, если он работал в перчатках. А башмаки надел старые, чтобы на улице их выбросить, незаметно сменив на другие.

— А где у него были другие? — простодушно воскликнул я.

— В портфеле, конечно.

Я не выдержал:

— Откуда вам известно — был ли у него портфель?

— А по-твоему он вошел в школу, открыто неся колбасу и банки?

Все просто и верно, а мне и в голову не пришло. Лейтенант Барханов глянул на часы. Половина пятого.

— Директор в школе?— отрывисто спросил он.

— К пяти должен быть. Так тетя Зина сказала. К пяти просил отпечатать про это самое письмо без подписи. Это провокация, правда?..— я искательно заглядывал в глаза лейтенанта.

— Возможно,— кивнул лейтенант.— Уж больно все складно. И твоя мама, конечно, знает или догадывается, чья это работа — и письмо, и все остальное. В этом я уверен. Но нужны улики.

— А вы... Вы думаете, все поверят, что это... специально...— я с трудом находил слова. Сердце колотилось ужасно.

Лейтенант вздохнул, помедлил. Сказал тягуче, осторожно:

— Не сомневаюсь. Уж больно простенький сценарий. Подбросили наживку, компромат, так сказать — и тут же письмецо, сигнальчик. Проверяйте, дескать. И получается, все сходится, все сходится. И сигнал, и доказательство... Человек под подозрением, все вокруг понимают, что происходит чушь собачья, а... А поди докажи, что чушь. На то и ставка сделана. Тень чтобы бросить, подозрение. Хитрец это сработал.

— А вы докажете, докажете!— закричал я.— Спасите маму! Она не виновата.

Лейтенант Барханов строго глянул на меня и спокойно сказал:

— Оставить вопли! Отвечать на мои вопросы... Где сейчас это самое письмо без подписи?

— Где же ему быть, если не у директора? Оно же к нему пришло. Он об этом и в приказе пишет.

— Все ясно!— лейтенант Барханов стремительно поднялся.— Пошли в школу. А этот вещдок,— он кивнул на колбасу и банки,— пускай пока полежат у меня.

Он отпер сейф и спрятал улики.

Мы подошли к школе одновременно с директором. Мумин Ахмедович протянул милиционеру руку.

— Неужели к нам? Чем обязан, товарищ начальник?

— А вы в кабинет свой пригласите, там и скажу.

— Прошу!— широким жестом директор позвал лейтенанта Барханова к двери, ведущей в вестибюль. Милиционер обернулся ко мне:

— А ты, Володя, здесь подожди. Сам понимаешь...

Они скрылись в школе, а я зашел в беседку и достал увесистый бутерброд, который соорудил мне на дорожку лейтенант Барханов, узнав, что я не обедал. Когда он разрезал колбасу, там, в отделении, чтобы прослоить ею два куса хлеба, как будто копировалкой, я испуганно дернулся:

— Не сервелат?

— Докторская,— ответил милиционер.— А что, сильно не любишь сервелат?

— Сто лет бы его не видел теперь! — выпалил я.

Я не лукавил. Твердо знал, что отныне, увидя сервелат, буду обязательно вспоминать полные обиды, боли и укоризны глаза математика Лобачевского. Но хуже, если портреты Лобачевского станут с той же неумолимой логикой высекать в моей памяти две багровые палки сервелата. Это было бы ужасно. Неужели отныне я буду бояться смотреть в кабинетах на портреты гениев отечества, опасаясь, что встречу взглядом с Лобачевским?..

Я не успел доесть бутерброд и до половины, как во двор торопливо вышел лейтенант Барханов.

— Где твоя машинка?— нетерпеливо спросил он, и я обрадованно вскочил, решив вдруг, что ему уже все ясно и что машинка понадобилась затем, чтобы печатать протокол допроса разоблаченного преступника.

Ни слова не говоря, лейтенант Барханов показал мне какую-то бумажку, а потом заслонил ею солнце — да так, что спагетти солнечных лучиков просеялись сквозь дырочки в тексте. Лейтенант Барханов цедил солнце, проливая на меня догадку. Уж кому-кому, а мне этот почерк, эти сквозные колодцы из буквы «о» были отлично известны.

— Письмо без подписи?— догадался я, с ужасом чувствуя, что неудержимо краснею.

Лейтенант кивнул. Во взгляде его вновь появилось что-то чужое, жесткое.

— Неужели отпечатали на нашей машинке? — уронил я.

Такого поворота событий я не ожидал. Что же это выходит? Поклеп на маму отпечатан на нашей с Андреем машинке?

Ловко сработано, ничего не скажешь!..

— Так где же она?— повторил вопрос милиционер. — Где «Москва»?

— Где же ей быть?! — воскликнул и — Там. В классе.— Я на миг осекся и добавил: — Если... конечно...

Мы поспешили в класс, я дернулся было к шкафу, но лейтенант Барханов остановил меня:

— Не спеши. Не надо повторять ошибок. Дай-ка лучше мне...

Он извлек из кармана чистый платок и, укутав им ладонь, потянул за ручку шкафа.

Футляр стоял там, где и был оставлена. Машинка на месте.

— Возьмем ее с собой,— сказал лейтенант Барханов.— Справку о временном задержании машинки в качестве вещественного доказательства я тебе выдам.

— Берите!— воскликнул я.— И не надо мне никаких справок. И машинки не надо. Мне мама нужна, а не справка.

Удивительно вышло! Если бы лейтенант Барханов неделей раньше не перепечатывал на нашей машинке свои стихи, быть может, осталось бы тайной, что зловещее письмо без подписи тоже печатали на ней. Уж лейтенант-то знал, что машинка имеет особую примету — свирепо выдавливает букву «о». Враг был хитер, неуловим и осведомлен обо всем. Он знал, где лежит наша машинка и когда ею можно незаметно воспользоваться. Он знал, что один шкафчик в кабинете математики не имеет замочка. Он все знал и все рассчитал...

Все, кроме того, что лейтенант Барханов пишет стихи.

— Она всегда здесь стояла?— спросил милиционер.

— Мы так решили,— кивнул я.— Чтобы была общей.

Увы, она оказалась слишком общей, если ею так легко воспользовался тот, с кем мы и не собирались делиться нашим призом.

— Пошли!— скомандовал лейтенант Барханов. — Здесь больше делать нечего.

— А мы найдем, кто это сделал?— с тревогой и сомнением спросил я.

Лейтенант Барханов со значением кивнул на машинку:

— Ребята, не «Москва» ль за нами?..

У него еще хватало сил, чтобы шутить.

Сейчас мы шли ко мне домой. Я на ходу догрызал вкусный милицейский бутерброд.

Мама увидела нас из окна. В глазах ее была тревога. Она переводила взгляд с меня на лейтенанта Барханова. Потом смотрела на черный футляр в руке милиционера. Ее взгляд метался по этому треугольнику. А футляр был как черный ящик в бедствующих самолетах — он, казалось маме, и таит загадку нежданного визита лейтенанта Барханова.

— Нам надо поговорить, Алла Сергеевна,— мягко сказал лейтенант Барханов.

Мама засуетилась:

— Входите... Конечно... Рада...

— Но так,— он скосил взгляд на меня,— чтобы не мешать Володе. Ему, наверное, уроки надо делать.

Ясно, хотел говорить с мамой без меня. А мама... Она была уже совершенно убеждена, что сейчас ей предстоит узнать от милиционера обо мне нечто совершенно ужасное.

Они скрылись в другой комнате, и мама плотно прикрыла дверь. Какие уроки! Я уныло слонялся по комнате, не находя себе ни места, ни дела.

Они вышли через полчаса. У мамы были глаза, полные слез.

— Не переживайте, Алла Сергеевна,— говорил лейтенант Барханов.— Все будет хорошо. А это на него очень похоже. Я ведь до сих пор голову ломаю — как же загорелся вдруг складик при его магазине. Вроде бы там и проводки нет, и отопительных приборов. А ведь загорелся. Сам он объяснил тогда, что рядом постоянно пацанва вертится — вот, мол, кто-то озорства ради и швырнул окурок в незастекленный проем окна. Чушь, конечно. Но и других доказательств мы не нашли. Скользкий тип этот Суровцев...

Суровцев?! Он сказал Суровцев? Динэр Петрович? Да ведь это же отец нашей франтихи и задаваки Кати Суровцевой! Чаще мы называли ее — Кэт... Дочь директора магазина, она любила пофасонить в чем-нибудь неожиданном — будто она не рядовая пионерка, а звезда экрана. И про сгоревший складик я знал отлично. Однажды ночью он вспыхнул и угас навеки, и тушить можно было только память о нем. Лейтенант Барханов был прав — следствие так и не смогло в тот раз установить причину пожара. Сам же Суровцев упрямо настаивал, что в пожаре виноваты шалопаи-курильщики, которых Минздрав предупреждает, но не обо всем. О том, к примеру, что непогашенный окурок может быть причиной пожара, на сигаретных пачках нет ни слова. Впрочем, об этом должен был бы предупреждать курильщиков не Минздрав, а Минпожар. А версия с окурком — чистая легенда, это же любому ясно. Лучше бы Динэр Петрович в тот раз сочинил, что на соломенную крышу складика упал раскаленный в ледяных пучинах космоса метеорит, или что злодейка Луна сработала как лазер — собрала увядающие закатные солнечные лучи в жгучий пучок и стрельнула им в сторону Земли. И угодила шальным пучком прямоком на бедную крышу склада. И выходит, что факт пожара следует отнести не к истории уголовного дела, а к истории астрономии, к загадкам Вселенной...

Неужели — Катя?.. У меня заломило виски, А что, вполне возможно. Последние три контрольные она мастерски сработала на двоечки. Двоечка просилась и в четвертные, прямо-таки плыла в табель, и отказать ей, пузатой ладье, было, пожалуй, невозможно. Неужели они так подло решили отомстить маме за ее несговорчивость, твердость? Впрочем, уже не время задаваться вопросами, нужно искать ответы. Громкий разговор родителей и в эту ночь долго не давал мне уснуть.

— Видишь, я был прав,— это папа. В голосе нет жесткости, только жалость, мягкая укоризна.— Наглецы сильны лишь тем, что их прощают, не желают связываться и пачкаться. Разве я не прав?

— Прав...— виновато уронила мама и всхлипнула. Мне было ужасно жаль ее и хотелось закричать на весь дом, на весь поселок: «Не плачь, мама, мы знаем, что все это неправда».

Мама, конечно, расстроилась. Это сейчас она была такой. Наши слабаки по математике ни за что бы не поверили, что Алла Сергеевна умеет плакать и что с последним экзаменом в институте не сдала на вечное хранение и слезы. Ведь не было еще такого, чтобы кто-нибудь смог вымолить у нее три с минусом там, где ответ или контрольную можно было увенчать двойкой и только двойкой... Пусть даже с плюсом... Проклятый шкаф!.. Если бы был заперт и он, может, ничего и не случилось бы. Не стали бы провокаторы вываливать своих кальмаров на стол...

И тут я придумал отличную вещь. Что если утречком, еще до уроков, сбегать к Николаю Степановичу? Отец Васьки Кулакова — столяр милостью божьей. У него и замочек сыщется, и вставит он его в дверцу шкафчика в секунду. Думаю, не откажет.

Николай Степанович вопросов не задавал.

— Сработаем, коли надо!— с ходу пообещал он.— Вот подберу замочек махонький и приду. Сегодня же. Слово мое верное. Для дорогой Аллы Сергеевны мне ничего не жалко. Что надо в кабинет — пускай смело просит. Мой рубанок всегда в ее распоряжении.

До уроков поспел я и к лейтенанту Барханову.

— Виделся с завмагом,— сообщил он.

— И что же?

— Сама невинность. Говорит, кальмаров только в кино лицезрел, а на прилавке его, говорит, морские зверюги сроду не водились. И что все остальное — поклеп на честного человека, передовика отрасли.

— И письмо отрицает?

— Смеется. Говорит, у него своя пишущая машинка есть, чужая ни к чему.

— Станет он на своей печатать. Себя же и выдать!

— Ясно, придуривается. Ну ничего. Мыслишка у меня одна появилась. Я сейчас на мотоцикле кое-куда слетаю...

Николай Степанович был так же точен, как плотницкий уровень, которым он проверял и углы, и поверхности. В кабинет математики он вошел после второго урока с ящиком инструментов. Поздоровавшись, деловито осведомился:

— Который тут шкаф барахлит, показывайте, Алла Сергеевна.

Мама удивилась:

— А что, собственно, случилось?

Николай Степанович достал из-за уха остро отточенный карандаш и принялся размашисто чертить им в воздухе:

— Так ведь сынок ваш, Володя... Замок, говорит, надобно врезать. Чтобы неповадно было лазать кому ни попадя. Есть у меня замочек такой, — он кивнул на свой ящик. — Щас врежу, вы только покажите — куда.

Мама поджала губы, сердито стрельнула в мою сторону и громко сказала:

— Вот какое дело, Николай Степанович... Володя не смог вам правильно объяснить. А просьба у меня, и правда, имеется. Видите эти шкафы? — Она обвела рукой вдоль стен.

— Как не видать?— согласился Николай Степанович.

— Ну так вот. Нужно из каждого вывернуть замок. Понимаете — вывернуть...

Николай Степанович заморгал. Было от чего прийти в изумление.

— Это как же? В смысле?

— В самом прямом смысле! — подтвердила мама. — Они нам мешают работать. Постоянно открывать, закрывать — целая история. Одним словом, помогите, коли есть желание. А вот и ключи. Тут все...

Столяр виновато развел руками:

— Желание-то наше, знаете как? Что хозяин желает, то и сработаем.

Он выворачивал замки и складывал их аккуратной стопкой. Завершив дело, показал маме:

— Вот замочки ваши. Все до единого.

— А вы их с собой заберите, — сказала мама. — Они нам больше не понадобятся.

Николай Степанович никак не решался, и тогда мама вдруг обратилась к Суровцевой:

— Катя, прошу тебя — помоги. Николаю Степановичу.

Суровцева поднялась из-за парты, заливаясь краской.

— Я?.. Что?

— Сложи замки в ящик Николая Степановича — он их унесет с собой.

Негнушаяся, как швабра, подошла Катя к столяру, неловкой рукой потянулась к груде замков. Или мне это только показалось?

Во всяком случае, с самого утра я ничем не выдал себя Кате.

Уже уходя, Николай Степанович на миг задержался у двери и недоверчиво спросил у мамы:

— Выходит, за этим звали? Чудеса... Я их в сторонке держать буду, вы не думайте плохого. Вы только кликните — живо на место верну замочки ваши.

Мама устало улыбнулась ему:

— Спасибо, Николай Степанович. А замочки пускайте в дело. Больше они не понадобятся.

Начинался последний урок, когда за окном зарычал мотоцикл. Я приподнялся, приник к окну. В клубах пыли летел лейтенант Барханов. Обогнув школу, он завернул на школьный двор. Я едва дождался конца уроков. Но Барханова уже не было, не стоял во дворе и его мотоцикл.

Я проходил мимо приемной директора, когда Мумин Ахмедович скользнул в коридор. Увидя меня, он заулыбался, взял за руку, завел в свой кабинет и, подняв вдруг стоявшую в углу корзину для бумаг, поставил ее на свой стол и достал из нее какие-то клочки. Они лежали в корзине горсткой, как конфетти.

— Узнаешь?— он протянул мне несколько клочков.

Обрывки слов, одни только бессвязные слоги. Постарался Мумин Ахмедович на славу — конфетти да и только!

— Это же приказ!— рассмеялся директор. — Сам печатал и не узнаешь? Эх ты! А вот и письмо без подписи...

Я вгляделся. Ну конечно! Вот дырявая «о», вот еще одна...

— Порвал,— тихо сказал директор.— Никто не видел. Кроме тебя и лейтенанта Барханова, Поторопился я, видать.

— Лейтенант Барханов к вам заходил?

— Только недавно ушел.

— И что же?— я затаил дыхание.

— А вот — сам видишь...— Мумин Ахмедович простер руку с конфетти над корзиной, и труха приказа послушно посыпалась в нее.— Он меня отругал, между прочим, по первое число. Говорит, закон я нарушаю. Нельзя было, говорит, это подлое письмо во внимание принимать. Без подписи оно. Как выстрел из-за угла. Да только... Эх ты, ей-богу — умолк, смешался. — К этому, брат, еще привыкнуть надо...— Корзину поставил в угол, отряхнул ладони: — Не смею более задерживать, молодой человек Вопрос положительно исчерпан.

— А кто же? — Я умолк.

Директор развел руками.

Я поспешил к лейтенанту Барханову. Он сидел за моей машинкой, арестованной им вчера, и что-то медленно выстукивал.

— Можно?

— Привет. Володя! Ждал тебя, ждал. Есть добрая новость.— Он усмехнулся: — Правда, смотря для кого...— Нашел я сейчас в райпищеторге копию одной забавной накладной. Были у него кальмары, были! Был завоз! Двадцать семь банок Суровцев получил. Три месяца тому назад. Вечером будет ордер на обыск. Чувствую я — выплывут кальмары, выплывут... А выплывут — баночки сличим. Они ведь с биографией — с серией, с номером.

Он сощурился:

— Ты, надеюсь, понимаешь, что все это пока глубоко между нами?

— Не маленький!— просиял я.— Кальмаров не жалко, пусть выплывают. Лишь бы Суровцев снова не выплыл. Если он это.

Я уже не сомневался, что и письмо, и сервелат, и кальмары — это ядовитые шуточки Суровцева, отомстившего за то, что мама его Катьке даровую пятерку не подарила.

Лейтенант Барханов поманил меня пальцем, приглашая зайти к нему, за барьерчик:

— Погляди, что я делаю.

— А можно?

— От тебя секретов не держу. Правда, озадачил ты меня малость, когда я понял, что анонимка на твоей машинке сработана. Ладно, дело прошлое...

Я нырнул в его владения и увидел, что в каретку вставлен листочек со стихами. Близ машинки веером лежали еще два десятка таких же. Лейтенант Барханов тщательно забивал под каждым стихотворением свой псевдоним и девиз «Щит и Меч», нажимая для этого на сквозную букву «о». Она дырявила подпись, выдувая из нее буквы, превращая текст в сито.

Вместо псевдонима лейтенант Барханов повсюду, прямо под дырявой строкой, открыто впечатывал: «Сочинил лейтенант Барханов».

— Вот,— смущенно сказал он.— Решил подписаться по-настоящему. Впервые. Хорошо, что не успел отправить стихи в журнал. Отправлю сегодня. Была ни была... Рискнем, что ли?!

И это был первый случай, когда лейтенант Барханов отважился чистосердечно сознаться перед журналом, а может, и перед всем читающим миром, что пишет стихи. Не стихи без подписи, а стихи лейтенанта Барханова.

Стихи с подписью. Своей. Честной. Единственной.

Как солнце.

Как правда.

Как мама...

